УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 2

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2020

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ
к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН
д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН
д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА
д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС
д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН
д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА
д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020. Vol. 42. No 2

Editor-in-Chief
Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief
Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, PhD in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2020

Editorial Board

E. ANISIMOV
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN
Doctor of Philology, Professor, Armenian National Academy of Sciences (Erevan, Armenia)

Y. INOUE
PhD in Philology, University of Dzeti (Tokyo, Japan)

T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Artic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN
Doctor of Philology, Professor, the RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV
Doctor of Philology, Professor, the RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN
Doctor of Philology, Professor, the RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden)

K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Archangelsk, Russia)

P. ZAYKOV
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA
Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS
Doctor of Philology, Saint Petersburg State University of Cinema and Television (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST
PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

АРХЕОЛОГИЯ

Кулаков В. И.

Пути торговли в юго-восточной Балтии по находкам фибул позднеримского времени **8**

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Смирнова Е. Л.

Восстание Виндекса и низложение Нерона **14**

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексеева Л. В.

Дело о дворянстве рода как источник биографии Н. Шахова – анонимного автора еженедельника «Гражданин» **23**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Бочков Е. А.

Гражданская война и военная интервенция в Карелии. Вторжение Олонецкой добровольческой армии **32**

Голубев А. А.

Проект Трансполярной магистрали: история и современность **42**

Никонов С. А.

Морские судовые команды Николо-Корельского монастыря в первой половине XVIII века: состав и условия найма **51**

Плех О. А.

Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века **58**

Репухова О. Ю.

Режимные ограничения на объектах Западной пограничной полосы СССР в 1930-е годы **70**

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Иванова М. В., Шабалина О. В.

Экономические аспекты социальной справедливости в практиках традиционных домохозяйств Кольского полуострова. **79**

Лённгрен Т. П.

У истоков Кольской экспедиции: Фритьоф Нансен и Олаф Брок **89**

Башкарев А. А.

Представления об интервентах в преданиях южных и шимозерских вепсов **96**

Зайцев О. А.

«Древнейшие верования» кольских саамов в работах советских этнографов В. В. Чарнолуского и Н. Н. Волкова **105**

Рывкина Г. В.

«Словарь карельского языка» как источник по изучению традиционной культуры передвижения карелов-ливвиков. **112**

Рецензии

Миронов Д. Г.

Рец. на кн.: Васильев Ю. А. Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление. **121**

Contents **124**

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/req.php

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 28.02.2020. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 29

12+

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
Адрес редакции, издателя и типографии:
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА

Кандидат исторических наук
А. Ф. Кривоноженко

ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

«Ученые записки Петрозаводского государственного университета» издаются уже 42-й год, поэтому важным нововведением этого года стало изменение системы нумерации журнала. Каждый выпуск теперь будет иметь том.

Непрерывно развиваясь, журнал стремится соответствовать самым высоким требованиям научного сообщества. Редакционная коллегия планомерно работает над включением журнала в авторитетные базы данных и системы цитирования. Одним из результатов этих усилий стало включение журнала в январе 2020 года в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» («Северный список»). Он объединяет научные базы данных и системы цитирования Норвегии, Финляндии и Дании.

Представляя новый номер журнала, прежде всего необходимо отметить широкий спектр научных исторических специальностей. Археология представлена статьей В. И. Кулакова. Важным видится появление в выпуске статьи Е. Л. Смирновой, посвященной одному из эпизодов внутриполитической борьбы Римской империи. Работы по истории Античности пока появляются на страницах журнала нечасто.

Традиционно широко представлен блок, посвященный отечественной истории. На фоне столетия трагических событий Гражданской войны особой актуальностью обладает работа петербургского историка Е. А. Бочкова. Отличительными чертами статей О. А. Плех и О. Ю. Репуховой является обширная источниковая база, во многом состоящая из архивных материалов.

Новый выпуск журнала примечателен солидным этнолого-антропологическим блоком. В него вошли статьи, посвященные изучению традиционной материальной и духовной культуры карелов-ливвиков и вепсов.

Журнал регулярно вносит свой вклад в изучение Арктики. Новый выпуск как нельзя лучше свидетельствует об этом. В историческом блоке это направление представлено статьями А. А. Голубева и С. А. Никонова. Этнологи и антропологи из Кольского научного центра подготовили работы, посвященные традиционному укладу и верованиям народов, проживающих на Кольском полуострове. Богатый архивный материал вводится в научный оборот в статье норвежской исследовательницы Т. П. Лённгрен.

Надеемся, что такое тематическое разнообразие нового номера вызовет интерес у широкого круга читателей.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Т. 42. № 2. С. 8–13 **Археология** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.444
УДК 930

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КУЛАКОВ
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт археологии Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
drkulakov@mail.ru

ПУТИ ТОРГОВЛИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ ПО НАХОДКАМ ФИБУЛ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Основной материал, позволяющий восстановить пути торговли позднеримского времени в Янтарном крае, – застежки с кольцевой гарнитурой. Картирование этих находок указывает на Самбию как бесспорный центр появления и производства этих аксессуаров убора. Более того, размещение на западной окраине балтского мира групп находок упомянутых фибул указывает на развитие их традиций на правом берегу р. Нярис. Пути, по которым могли распространяться с Самбии образцы продукции местных мастеров, как показывает картографирование находок фибул, пролегали по водным трассам. Накопившийся к настоящему времени фибульный материал позволяет впервые в истории балтийской археологии с уверенностью восстановить пути торговых контактов на исходе античной эпохи. Эта работа откроет новую страницу истории древнего населения Балтии. В VII веке фибулы типа Å4, изготовлявшиеся в западной части Мазурского Поозерья, начинают в обмен на янтарь (?) поставляться в ареалы ламатов и куршей. Завершение использования таких фибул фиксируется на основе данных мазурских могильников на рубеже VII–VIII веков. Так завершается пятисотлетняя история внешней и внутренней торговли, которую вели эстии и одним из продуктов которой были фибулы, причем сначала – провинциально-римские, затем – самбийские.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, фибулы, пути межплеменных контактов

Для цитирования: Кулаков В. И. Пути торговли в юго-восточной Балтии по находкам фибул позднеримского времени // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.444

ВВЕДЕНИЕ

Позднеримское время, соответствующее хронологическим фазам C_1-D_1, для западной окраины балтского мира к юго-западу от дельты р. Memel/Неман своими хрономаркерами имеет, в частности, арбалетовидные фибулы с подвязной ножкой или с литым иглоприемником. К вышеупомянутым фибулам относятся отдел двучленных застежек, часть из которых, обладающих крупными размерами и накладными деталями с покрытием серебряной фольгой, именуются фибулами Monströse (лат. “Fibulae monstruosae”) (группа VII «Двучленные фибулы с высоким иглоприемником» – 6: Taf. IX)[1]. По южнорусским находкам установлена дата таких находок – II в. н. э. и позже [1: 72–74]. На западной границе балтского мира известны 9 находок фибул Monströse (типа AVII,217), преимущественно относящихся к группе Przybyla 6 фаз C_{1b}–C_2 [8: 265, 271]. Данные фибулы характеризуются лучеобразными ответвлениями, направленными в стороны от нижней округлой пластины застежки. Фибулы в комплексах парны и обнаруживаются исключительно в погребениях знатных женщин. Прототипы застежек Monströse на разной стадии их развития попали на Янтарный берег на фазе B_1b (фибулы типа AIV,71-AIV,75) из Среднего Подунавья и после завершения Маркоманнских войн в кон. II в. н. э. вместе с германскими переселенцами с Ютланда (застежки типа Prussia-Museum) [5: 48]. Так как фибулы Monströse, обнаруженные на вельбарских памятниках археологии в Причерноморье, конструктивно более развиты/деградированы относительно балтийских находок, то очевидно поступление их прототипов на юг Восточной Европы из Балтийского региона.

«…Самбия[2] и дельта р. Вислы, основные зоны распространения фибул М в Балтии, были важнейшими участками сакрального пути, связывавшего восточногерманские ареалы в Поднестровье и Поднепровье с островными культовыми центрами на западе балтийской акватории. Как железные гребни и предметы с руническими знаками старшего футарка, фибулы Monströse являлись материальными показателями участия древних германцев (прежде всего – женщин) в культовых ритуалах» [5: 49].

Очевидно, фибулы Monströse изготавливались в позднеримское время германскими мастерами-мигрантами из Ютланда для знатных женщин,

© Кулаков В. И., 2020

осуществлявших (что засвидетельствовано декором указанных фибул) культовые акции. Картирование находок этих фибул в Центральной и Восточной Европе свидетельствует о распространении их по пути, которым на фазе B_2/C_1 восточногерманские племена отправились из Балтии в Причерноморье (рис. 1). Понеся серьезное поражение в ходе Маркоманнских войн, германские отряды, стремящиеся к участию в торговле с Римом и в надежде освоить восточноевропейские черноземные территории, отправились по варварской рокаде, не пересекая паннонского лимеса [7: 51, 52].

***

Самой распространенной в Балтии позднеримского времени формой застежки была фибула с подвязной ножкой типов AVII,158, AVII,161, 162, 164, 167. Их прототипы появились в Тюрингии на фазе C_{1a}, несколько позже – на Ютланде. В пределах Балтийского региона изготовленные из железа подвязные фибулы распространяются сначала в пшеворском ареале[3]. Если фибулы Monströse в незначительном количестве поступали из Балтии в Днестровско-Днепровскую зону переселения групп восточных германцев вместе со своими знатными хозяйками (возможно – жрицами-haliurunnas), то подвязные фибулы, будучи фактически так называемым ширпотребом для обитателей Barbaricum, поступали по рокаде варваров значительными массами (рис. 2). Арбалетовидные фибулы с фасетированным корпусом, являющиеся маркером черняховских и вельбарских древностей, подвергались на Самбии копированию [5: 58], будучи, видимо, для эстиев (западных балтов и германцев) престижной деталью убора. На территории Польского Поморья такие застежки датируются временем после фазы C_2 [10: 90, Abb. 5, 1, 2].

Самый крупный массив арбалетовидных фибул, известный в древностях юго-восточной Балтии в позднеримское время, – фибулы с кольцевой гарнитурой. Первым из археологов обратил внимание на эти артефакты шведский коллега Нильс Оберг [4: 466]. Считая прародиной этих фибул Самбию, Н. Оберг разделил находки на три типа: Å2, фазы C_1–C_2 (тип AVII,167 с тремя кнопками на пружине, имеющие подвязной иглоприемник, чем отличаются от своего прототипа – фибул типа AIX,211), встречены в погребениях по одному экземпляру, что соответствует мужскому убору; Å3 (лишенные третьей кнопки große Ambrustfibeln=große ABF длиной до 5 см с тремя кольцами рифленой проволоки на нередко покрытом серебряной фольгой корпусе фибулы) встречены в погребениях попарно, что соответствует женскому убору, и Å4[4]. Застежки последнего типа характеризуются несколькими кольцами на массивном корпусе, обтянутом серебряной и, реже, золотой фольгой. В. Новаковски в своих работах обратил внимание лишь на фибулы große Ambrustfibeln, датируя их 350–400 годами и относя их кольцевой декор к Lubowidz–Stil [9: 19, 57]. Если варшавский коллега, не обращая внимание на слабую аргументацию своего вывода, считает причину появления этих фибул на Самбии восточногерманским импульсом из Восточного Поморья, то материалы могильника Dollkeim/Коврово неоспоримо свидетельствуют в пользу местного происхождения фибул с кольцевой гарнитурой, восходящих к застежкам типов AIV,74 и AIV,81 и датируемых фазой C_{1b}.

Недавно к проблеме изучения фибул с кольцевой гарнитурой обратилась О. А. Хомякова. В своей статье, являющейся частью диссертации, она согласилась (правда – без сноски) с моим вариантом типологии этих фибул по Н. Обергу [6: 128]. Неправомерно приписывая мне точку зрения о происхождении кольцевой гарнитуры из традиций «сарматской культуры», автор статьи не замечает того, что автор этих строк писал о продолжении в фибулах с кольцевой гарнитурой «развития линии фибул типов AIV,74 и AIV,81», относящихся не к «сарматской» (по М. Мончиньской), а к провинциально-римской культуре [2: 35]. Вслед за В. Новаковски О. А. Хомякова излагает тезис о появлении фибул с кольцевой гарнитурой на Самбии благодаря восточногерманскому импульсу [6: 131], с чем я никогда и не спорил. Более того, полагаем, что исследовательнице осталась неизвестной моя статья 2004 года [2: 123, 124], где была высказана основная часть тезисов о предыстории фибул с кольцевой гарнитурой, «выдвинутых» О. А. Хомяковой в своей статье. Единственным несомненным плюсом рассматриваемой работы является подробный разбор технологии декора фибул с кольцевой гарнитурой, что позволило уточнить датировку отдельных экземпляров фибул [6: 135].

Картирование находок различных типов фибул с кольцевой гарнитурой указывает на Самбию как бесспорный центр появления и производства этих аксессуаров убора (рис. 3). Более того, размещение на западной окраине балтского мира групп находок упомянутых фибул указывает на развитие их традиций «на материалах правобережья р. Нярис, в племенном ареале аукштайтов VI в. н. э.» [2: 124]. Пути, по которым могли распространяться из Самбии образцы продукции местных мастеров в виде арбалетовидных фибул с кольцевой гарнитурой, как показы-

вает картографирование их находок, пролегали по водным трассам (рис. 3), которыми пронизан ареал западных балтов. В VII веке фибулы типа Å4, изготовлявшиеся мастерами западной части Мазурского Поозерья, начинают в обмен на янтарь (?) поставляться в ареалы ламатов (дельта р. Неман) и куршей (территория совр. Литовского Взморья). Завершение использования таких фибул фиксируется на основе данных мазурских могильников на рубеже VII–VIII веков [3: 125]. Так завершается пятисотлетняя история внешней и внутренней торговли, которую вели эстии и одним из продуктов которой были фибулы, причем сначала – провинциально-римские, затем – самбийские.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные наблюдения над торговыми путями на западной окраине балтского мира в позднеримское время свидетельствуют о прекращении в этом историческом периоде поставок массовой продукции провинциально-римских мастерских, что было характерно для начала нашей эры. Очевидно замирание торговых операций по Великому Янтарному пути (по рекам Висла и Дунай), чья деятельность была затруднена в результате войн с варварами. Роль источника импортов у дунайских и рейнских провинций Империи перенимает Самбия, переживающая на ранней фазе развития прусской археологической культуры расцвет в различных формах деятельности.

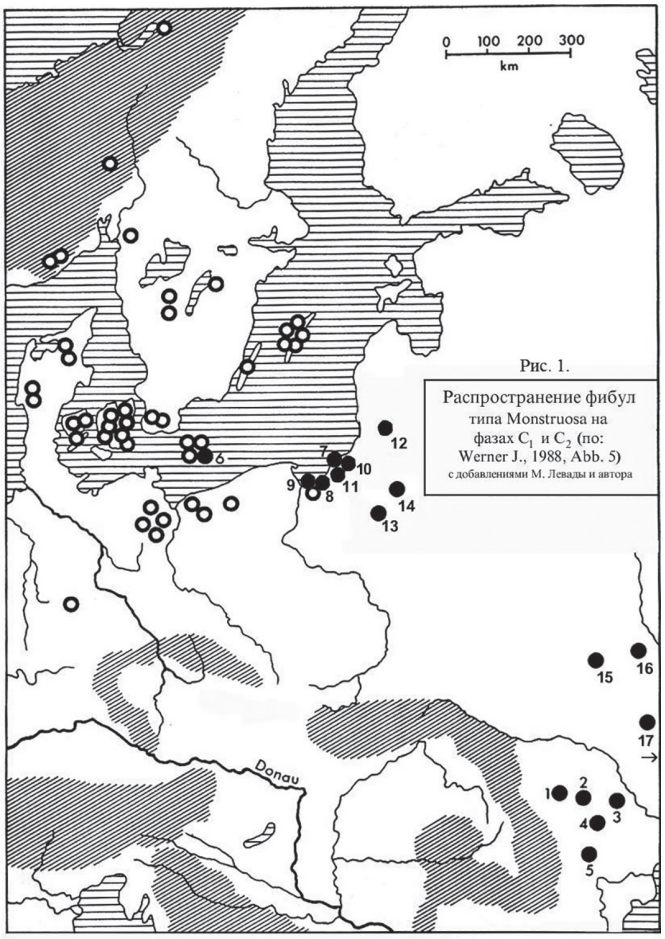


Рис. 1. Распространение фибул типа Monströse фаз C_1 и C_2 [5: рис. 45]

Fig. 1. Distribution of Monströse-type fibulae of phases C_1 and C_2 [5: Fig. 45]

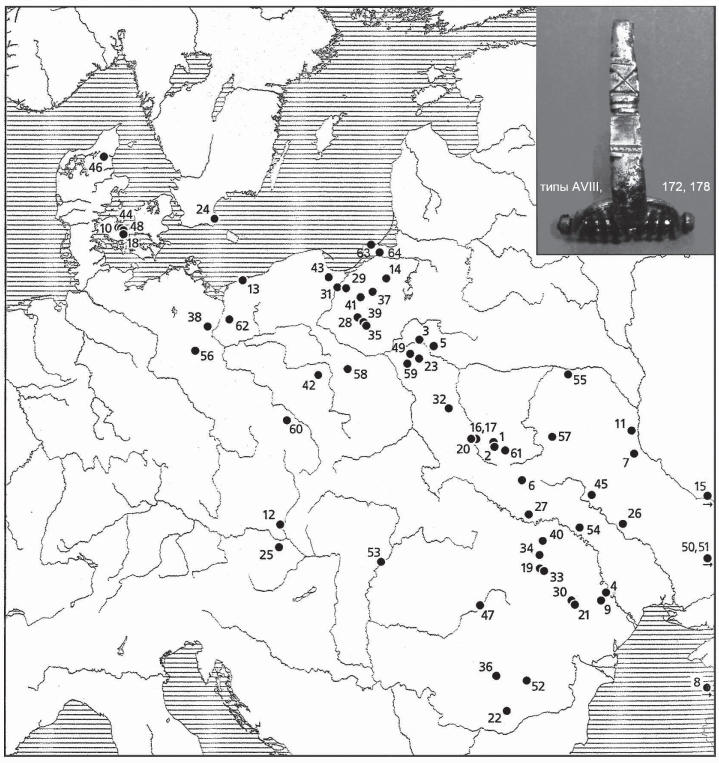


Рис. 2. Распространение подвязных фибул: 1 – Байів, Волынская обл., Украина, погр. 20; 2 – Боромель, Ровненская обл., Украина, 2 экз.; 3 – Brulino Koski, woj. mazowieckie, Polska, погр. 27; 4 – Budešti, Moldova, погр. 128; 5 – Cecele, woj. podlaskie, Polska, погр. 26, 283, 370, 374; 6 – Чернелів Руський, Тернопольская обл., Украина, погр. 146; 7 – Черняхов, Киевская обл., Украина, погр. 256. 2 экз.; 8 – Харакс, Крым, Украина, погр. 33; 9 – Dančeny, Moldova, погр. 118; 10 – Davinge, Fyn, Danmark, погр. 4; 11 – Деревянное, Киевская обл., Украина, погр. 4; 12 – Drosing, Niederösterreich, случ. находка; 13 – Dzierżęcino, woj. zachodniopomorskie, Polska, погр. 21; 14 – Grunden/Grądy Kruklaneckie, woj. warmińsko–mazurskie Polska, погр. 65; 15 – Градижк, Полтавская обл., Украина, поселение; 16 – Gródek nad Bugiem, woj. lubelskie, Polska, погр. 28; 17 – Gródek nad Bugiem, woj. lubelskie, Polska, поселение; 18 – Gudme III, Sjælland, Danemark; 19 – Hăneşti, jud. Botoşani, Romania, погр. 13; 20 – Hrubieszów–Antonówka, woj. lubelskie, Polska, погр.; 21 – Iaşi –Nicolina, Romania, поселение; 22 – Izvorul, jud. Giurgiu, Romania, погр. 21 (?); 23 – Jartypory, woj. mazowieckie, Polska, погр.; 24 – Jarrestad, Sverige, погр., 2 экз.; 25 – Jois, Niederösterreich, случ. находка; 26 – Косаново. Винницкая обл., Украина, погр. 2, 15; 27 – Костинцы, Черкасская обл., Украина, поселение; 28 – Kozlówko, woj. warmińsko–mazurskie, Polska, погр. 7 (?); 29 – Krosno, woj. warmińsko–mazurskie, Polska, погр. 192; 30 – Letcani, jud. Iaşi. Romania, погр. (?); 31 – Leczna, woj. lubelskie, Polska, погр. 32; 32 – Malbork–Wielbark, woj. warmińsko–mazurskie, Polska, погр. 4C; 33 – Mihălăşeni, jud. Botoşani, Romania, погр.; 34 – Miorcani, jud. Botoşani, Romania, погр. 20 (?), 55; 35 – Modła, woj. mazowieckie, Polska, погр. 28, 38, 65; 36 – Mogoşani, jud. Dimbovita, Romania, погр. 12, 17; 37 – Nerwik, woj. warmińsko–mazurskie, Polska, погр. 1; 38 – Neuhaus, Lkr. Uckermark, Deutschland, погр.; 39 – Niedanowo, woj. mazowieckie, Polska, погр. 109, 543; 40 – Оселівка, Черновицкая обл., Украина, погр. 41; 41 – Ostróda, woj. warmińsko–mazurskie, Polska, погр.; 42 – Piwonice, woj. Wielkopolskie, Polska, поселение; 43 – Pruszcz Gdański, woj. pomorskie, Polska, погр.; 44 – Roskilde, Fyn, Denemark, погр., 2 экз.; 45 – Самчинцы, Винницкая обл., Украина, поселение; 46 – Sejflod, Jylland, Denemark, погр. OO, 2 экз., XF; 47 – Sântana de Mureş, Romania, погр. 48 (?); 48 – Smedehoj, Fyn, Denemark, погр.; 49 – Stara Wieś, woj. mazowieckie, Polska, погр. 9 (?); 50 – Танаис (Недвиговка), Ростовская обл., кург. 1, погр. 1; 51 – Танаис (Недвиговка), Ростовская обл., город; 52 – Tirgşor, jud. Poieşti, Romania, погр. 1 (?), 139; 53 – Tiszavalk, Magyar, погр. 1, 12; 54 – Вилы Яругские, Винницкая обл., Украина, погр. 4 (?); 55 – Велемичи, Гомельская обл., Беларусь, погр.; 56 – Waltersdorf, Lkr. Dahme–Spreewald, Deutschland, поселение; 57 – Вербицка, Хмельницкая обл., Украина, случ. находка; 58 – Wola Branicka, woj. lódzkie, Polen. Siedlungsfund (Moszczynski 2000,209, Abb. 7,19); 59 – Wola Korytnicka, woj. mazowieckie, Polska, случ. находка; 60 – Zerniki Wielkie, woj. dolnosławskie, Polska, погр. 8; 61 – Зиновиччина, Тернопольская обл., Украина, погр.; 62 – Żukowo, woj. zachodniopomorskie, Polska, погр. 2, 2 экз.; 63 – Dollkeim/Коврово, Зеленоградский р-н, Калининградская обл., погр. Do–370; 64 – Lauth/Б. Исаково, Гурьевский р-н, Калининградская обл., погр. L–11 [5: рис. 59]

Fig. 2. Distribution of garter fibulae: 1 – Bayiv, Volyn region, Ukraine, burial 20; 2 – Boromel, Rivne region, Ukraine, 2 copies; 3 – Brulino Koski, Mazowieckie province, Poland, burial 27; 4 – Budešti, Moldova, burial 128; 5 – Cecele, Podlaskie province, Poland, burials 26, 283, 370, 374; 6 – Cherneliv Rus'ky, Ternopil region, Ukraine, burial 146; 7 – Chernyakhov, Kiev region, Ukraine, burial 256, 2 copies; 8 – Charax, Crimea, Ukraine, burial 33; 9 – Dančeny, Moldova, burial 118; 10 – Davinge, Fyn, Denmark, burial 4; 11 – Derevyannoye, Kiev region, Ukraine, burial 4; 12 – Drösing, Niederösterreich, accidental finding; 13 – Dzierżęcino, Zachodniopomorskie province, Poland, burial 21; 14 – Grunden/Grądy Kruklaneckie, Warmińsko–Mazurskie province, Poland, burial 65; 15 – Gradyzhk, Poltava region., Ukraine, settlement; 16 – Gródek nad Bugiem, Lubelskie province, Poland, burial 28; 17 – Gródek nad Bugiem, Lubelskie province, Poland, settlement; 18 – Gudme III, Sjælland, Denmark; 19 – Hăneşti, Botoşani county, Romania, burial 13; 20 – Hrubieszów–Antonówka, Lubelskie province, Poland, burial; 21 – Iaşi–Nicolina, Romania, settlement; 22 – Izvorul, Giurgiu county, Romania, burial 21 (?); 23 – Jartypory, Mazowieckie province, Poland, burial; 24 – Jarrestad, Sweden, burial, 2 copies; 25 – Jois, Niederösterreich, accidental finding; 26 – Kosanovo, Vinnytsia region, Ukraine, burials 2, 15; 27 – Kostintsy, Cherkasy region, Ukraine, settlement; 28 – Kozlówko, Warmińsko–Mazurskie province, Poland, burial 7 (?); 29 – Krosno, Warmińs-

ko–Mazurskie province, Poland, burial 192; 30 – Letcani, Iaşi county, Romania, burial (?); 31 – Leczna, Lubelskie province, Poland, burial 32; 32 – Malbork–Wielbark, Warmińsko–Mazurskie province, Poland, burial 4C; 33 – Mihălăşeni, Botoşani county, Romania, burial; 34 – Miorcani, Botoşani county, Romania, burials 20 (?), 55; 35 – Modła, Mazowieckie province, Poland, burials 28, 38, 65; 36 – Mogoşani, Dimbovita county, Romania, burials 12, 17; 37 – Nerwik, Warmińsko–Mazurskie province, Poland, burial 1; 38 – Neuhaus, Uckermark district, Germany, burial; 39 – Niedanowo, Mazowieckie province, Poland, burials 109, 543; 40 – Oselivka, Chernivtsi region, Ukraine, burial 41; 41 – Ostróda, Warmińsko–Mazurskie province, Poland, burial; 42 – Piwonice, Wielkopolskie province, Poland, settlement; 43 – Pruszcz Gdański, Pomorskie province, Poland, burial; 44 – Roskilde, Fyn, Denmark, burial, 2 copies; 45 – Samchintsy, Vinnytsia region., Ukraine, settlement; 46 – Sejflod, Jylland, Denmark, burials OO (2 copies), XF; 47 – Sântana de Mureş, Romania, burial 48 (?); 48 – Smedehoj, Fyn, Denmark, burial; 49 – Stara Wieś, Mazowieckie province, Poland, burial 9 (?); 50 – Tanais (Nedvigovka), Rostov region, burial mound 1, burial 1; 51 – Tanais (Nedvigovka), Rostov region, city; 52 – Tirgşor, Poieşti county, Romania, burials 1 (?), 139; 53 – Tiszavalk, Magyar, burials 1, 12; 54 – Vily–Yarugskie, Vinnytsia region, Ukraine, burial 4 (?); 55 – Velemichi, Gomel region, Belarus, burial; 56 – Waltersdorf, Dahme–Spreewald district, Germany, settlement; 57 – Verbitska, Khmelnitskiy region, Ukraine, accidental finding; 58 – Wola Branicka, Lódzkie province, Poland, settlement (Moszczynski 2000, 209, Fig. 7, 19); 59 – Wola Korytnicka, Mazowieckie province, Poland, accidental finding; 60 – Zerniki Wielkie, Dolnosławskie province, Poland, burial 8; 61 – Zinovichi, Ternopil region, Ukraine, burial; 62 – Żukowo, Zachodniopomorskie province, Poland, burial 2, 2 copies; 63 – Dollkeim/Kovrovo, Zelenogradsky district, Kaliningrad Region, burial Do–370; 64 – Lauth/B. Isakovo, Guryevsky district, Kaliningrad Region, burial L–11 [5: Fig. 59]

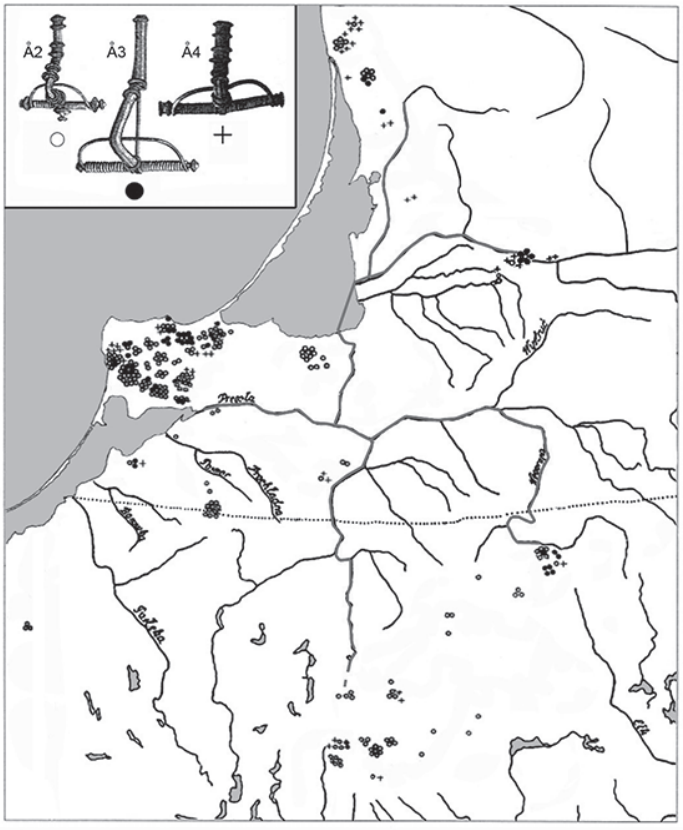


Рис. 3. Распространение фибул с кольцевой гарнитурой [7: Karte]

Fig. 3. Distribution of fibulae with decorative rings [7: Karte]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Almgren O. Studien zur Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte und Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch, 1923.

[2] Ныне – Калининградский п-ов в Калининградской области.

[3] Ареал расселения носителей пшеворских древностей (в том числе – вандалы) от р. Одера до р. Варты.

[4] Åberg N. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig: Almqvist, Wiksells Boktryckeri-A.-D, 1919. S. 14, 15.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 111 с.
2. Кулаков В. И. Долькайм-Ковово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.

3. Кулаков В. И. Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского музея (Майнц) // Российская археология. 2004. № 3. С. 123–127.
4. Кулаков В. И. Оберг // Большая Российская энциклопедия. Т. 23. М.: Большая Российская энциклопедия, 2013. С. 466.
5. Кулаков В. И. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н. э. Калининград: Калининградская книга, 2016. 362 с.
6. Хомякова О. А. Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры позднеримского периода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-история, 2010. С. 128–141.
7. Kulakov W. Jütland-Dobrudscha: die Rochade der “Barbaren” vom 2. bis 4. Jh.n.Chr. Archaeologia Bulgarica. Bd. V. Sofia: Institut of Archaeology, 2001. S. 45–58.
8. Lund Hansen U. Przybyła M. J. Rosettenfibeln – ein Klassifikationsversuch. Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age // Network Denmark-Polen 2005–2008. Kobenhavn; Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2010. S. 241–286.
9. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar, 1996. 169 s.
10. Schuster J. Untersuchungen zu den spätkaiserzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie. Bd. 35. Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum, 2004. S. 1–272.

Поступила в редакцию 29.10.2019

Vladimir I. Kulakov, Doctor of History, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
drkulakov@mail.ru

TRADE ROUTES IN SOUTHEAST BALTIA ACCORDING TO THE ARCHAEOLOGICAL FINDS OF THE LATE ROMAN PERIOD

Fasteners with decorative rings comprise the main archaeological material which enables to restore the trade routes of the late Roman period in the Amber Region. Mapping of these archaeological finds points to Sambia as the undisputed center for the appearance and production of these accessories. Moreover, the location of the groups of these fibulae on the western outskirts of the Baltic world indicates the development of their traditions on the right bank of the Neris River. The routes along which the samples of local craftspersons' products could be distributed from Sambia, as shown by the mapping of the found fibulae, ran along the waterways. In the VII century, Å4-type fibulae, manufactured in the western part of the Masurian Lake district, started to be brought in exchange for amber (?) to the Lamata and Curonien areas. The period when such fibulae ceased to be used is recorded on the basis of data from the Mazurian burials at the turn of the VIII century. It was the end of the five-hundred-year history of foreign and domestic trade, which was carried on by the Estii and included trading in fibulae – first, from Roman province and then from Sambia.

Keywords: southeastern Baltic, fibulae, tribal contacts

Cite this article as: Kulakov V. I. Trade routes in southeast Baltia according to the archaeological finds of the late Roman period. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.444

REFERENCES

1. Ambrose A. K. Fibulae of the south European part of the USSR. *Collection of Archaeological Sources.* Issue D1-30. Moscow, 1966. 111 p. (In Russ.)
2. Kulakov V. I. Dollkeim-Kovrovo. Research in 1879. Minsk, 2004. 135 p. (In Russ.)
3. Kulakov V. I. Baltic fibulae with decorative rings from the archive of copies of the Roman-Germanic Central Museum (Mainz). *Russian Archaeology.* 2004. No 3. P. 123–127. (In Russ.)
4. Kulakov V. I. Oberg. *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 23. Moscow, 2013. P. 466. (In Russ.)
5. Kulakov V. I. Treasures of the Amber Region. Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia between the I and the IV centuries. Kaliningrad, 2016. 362 p. (In Russ.)
6. Khomyakova O. A. The style of ring decor in the materials of the Sambian-Natangian culture of the late Roman period. *Slavic and Russian jewelry and its origins*. St. Petersburg, 2010. P. 128–141. (In Russ.)
7. Kulakov W. Jütland-Dobrudscha: die Rochade der “Barbaren” vom 2. bis 4. Jh.n.Chr. *Archaeologia Bulgarica*. Bd. V. Sofia, 2001. S. 45–58.
8. Lund Hansen U. Przybyła M. J. Rosettenfibeln – ein Klassifikationsversuch. Worlds apart? Contacts across the Baltic Sea in the Iron Age. *Network Denmark-Polen 2005–2008*. Kobenhavn; Warszawa, 2010. S. 241–286.
9. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa, 1996. 169 s.
10. Schuster J. Untersuchungen zu den spätkaiserzeitlichen Fibelformen Almgren 185 und 172 und deren gegenseitigem Verhältnis. *Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie*. Bd. 35. Wünsdorf, 2004. S. 1–272.

Received: 29 October, 2019

Т. 42. № 2. С. 14–22 **Всеобщая история** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.445
УДК 94(38).04

ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА СМИРНОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
esmirnova@petrsu.ru

ВОССТАНИЕ ВИНДЕКСА И НИЗЛОЖЕНИЕ НЕРОНА

Целью статьи является анализ причин, хода и значения восстания Гая Юлия Виндекса против императора Нерона в Галлии. Особое внимание уделяется разбору дискуссионных, неоднозначно трактуемых в античной традиции вопросов об отношениях Виндекса с наместником Испании Сервием Сульпицием Гальбой, который получил императорские полномочия после низложения Нерона, а также с военачальником Вергинием Руфом, войска которого разгромили армию Виндекса в битве при Везонции, в результате чего предводитель восстания покончил жизнь самоубийством. Актуальность исследования определяется тесной связью рассматриваемых сюжетов с проблемами специфики престолонаследия и роли провинций в эпоху раннего принципата. Обосновываются следующие выводы. Во-первых, несмотря на поражение, восстание Виндекса сыграло важную роль в событиях конца правления Нерона, став отправной точкой несколько лет вызревавшего всплеска недовольства императором в различных социальных слоях, который привел к низложению одиозного правителя. Во-вторых, восстание впервые с очевидностью показало, что западные провинции могут претендовать на участие в решении судьбоносного для государства вопроса о претенденте на высшую власть. Наконец, в развитии событий обнаружилось весьма примечательное усвоение жителями западных провинций Рима представлений о хорошем правителе как римском аристократе со старинными римскими нравами. Неоднозначность оценок личности и деятельности Виндекса в античной традиции может отчасти объясняться временем создания дошедших до наших дней произведений. Современники, как правило, подчеркивали, что Виндекс был удостоен похорон за государственный счет, и чтили его память как одного из борцов против тирании. Более поздние авторы были склонны отмечать, что выступление Виндекса положило начало кровопролитной гражданской войне и сложному для империи году четырех императоров.

Ключевые слова: Виндекс, Нерон, Гальба, Вергиний Руф, «год четырех императоров», Римская империя, принципат, гражданская война

Для цитирования: Смирнова Е. Л. Восстание Виндекса и низложение Нерона // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 14–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.445

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь императора Нерона оборвалась ночью 8 июня 68 года, когда он, покинутый телохранителями и слугами, сбежавший из Рима в окружении всего четырех спутников-вольноотпущенников, объявленный в сенате врагом и разыскиваемый для казни по обычаю предков, вонзил себе в горло меч с помощью своего советника по прошениям вольноотпущенника Эпафродита (Suet. Nero. 47.3; 48.1; 49.2–3; 57.1). Нерон стал последним представителем династии Юлиев-Клавдиев и первым принцепсом, кто «при жизни потерял императорскую власть» (Suet. Nero. 42.1; 49.2).

Многие детали драматических событий конца правления Нерона не вполне ясны, поскольку более или менее подробное описание мы находим лишь у Светония (Suet. Nero. 47–50; 57). «Анналы» Тацита обрываются на повествовании о гибели Тразеи Пета в 66 году (Tac. Ann. XVI. 35), а его «История» начинается с 1 января 69 года, и упоминания о событиях 68 года в ней имеют лишь эпизодический характер (Tac. Hist. I. 6, 8, 51, 53, 65, 70, 89; IV. 57). Крайне отрывочны сведения Иосифа Флавия (Jos. BI. IV. 8.1) и Флавия Филострата (Filostr. VA. V. 10–11). Рассказ Плутарха о событиях 68 года касается главным образом происходящего в Испании (Plut. Galba. 2–7), а LXIII книга «Истории» Диона Кассия сохранилась в сокращениях и извлечениях, выполненных в византийское время.

Светоний указывает, что «начало низвержению Нерона положила Галлия во главе с Юлием Виндексом, пропретором этой провинции» (Suet. Nero. 40.1). Но, несмотря на то что вопросы о причинах, целях и ходе восстания Виндекса, его роли

© Смирнова Е. Л., 2020

в приходе к власти Сервия Сульпиция Гальбы, о характере восстания и его значении для развития Римской империи привлекают внимание исследователей уже более ста лет, указанные сюжеты до сих пор остаются предметом дискуссий.

***

До сих пор является спорным вопрос о том, какой именно из галльских провинций управлял Гай Юлий Виндекс. Большинство ученых считают, что это была Лугдунская Галлия, однако есть мнение, что Белгика и, возможно, Нарбонская Галлия также находились в ведении Виндекса [13: 532], [20: 861], [21: 318], [25: 10], [26: 61]. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют прояснить ни детали наместничества Виндекса, ни даже год его вступления в должность.

Сведения о причинах восстания Виндекса имеются у Диона Кассия, Филострата и Ювенала. Дион Кассий вложил в уста Виндекса речь, направленную против Нерона, в которой в вину императору ставятся: грабеж в провинциях, уничтожение лучшей части сената, убийство матери и облик актера и кифареда, порочащий священное имя Цезаря и Августа (Dio Cass. LXIII. 22.2–6). Филострат приписывает Виндексу похожую по содержанию речь, вдохновляющую на борьбу с тираном, главные качества которого – корыстолюбие, безумие, жестокость и неспособность управлять государством (Filostr. VA. V. 10). Свирепость, кровожадность и не подобающие правителю выступления на сцене упомянуты и в восьмой сатире Ювенала как важнейшие характеристики правления Нерона, приведшие к выступлению Виндекса против императора (Juv. Sat. III. 8.221–223).

На рубеже XIX–XX веков в исследовательской литературе была сформулирована точка зрения о том, что Виндекс намеревался освободить Галлию от власти Рима, и, следовательно, галльский национализм и сепаратизм вкупе с нерешительностью Нерона при организации отпора галлам стали главной основой для свержения принцепса и последовавших затем гражданских войн[1]. В пользу этого мнения приводилось, во-первых, сообщение Диона Кассия о том, что Юлий Виндекс был по матери потомком рода аквитанских племенных вождей (Dio. LXIII. 22.1[2]), а во-вторых, упоминание Тацита о попытке Виндекса захватить власть при поддержке выступивших на его стороне галлов (Tac. Hist. I. 65).

Однако после появления в начале XX века подробных описаний легенд монет Виндекса и Гальбы[2] в работах по римской нумизматике и последовавшего за этим целого ряда исследований о характере восстания Виндекса [13], [15], [16], [22], [26] можно считать доказанным, что оно было не антиримским, а антинероновским, при сохранении лишь остатков «галльского национализма» и, в гораздо большей степени, при осознании галлами своей роли в общих делах империи [10: 97], [13: 543–559], [14: 67], [30: 160–161], [31: 257–258]. Цель Виндекса заключалась в стремлении улучшить экономическую и политическую ситуацию в империи путем замены плохого принцепса на достойного. При этом сам Виндекс к императорской власти не стремился (Plut. Galba. 4; Dio Cass. LXIII. 23.1) [13: 533–534], [20: 862], попытки же приписать ему подобные устремления принадлежат в повествовании Тацита лишь выходцам из г. Лугдуна, враждебно настроенным по отношению к поддержавшим Виндекса жителям галльского г. Виенны (Tac. Hist. I. 65 ср. I. 51).

По Плутарху, Виндекс получил поддержку ста тысяч галлов (Plut. Galba. 4), но цифры эти, возможно, завышены. Главную опору восстания составили галльские племена арвернов, секванов и эдуев. К ним, вполне возможно, присоединились и батавы (Tac. Hist. I. 51; IV. 3, 17). На стороне Виндекса выступили также жители г. Виенны – главного центра племени аллоброгов, который при Калигуле получил статус колонии римских граждан. Однако важно отметить, что г. Лугдун – столица Лугдунской Галлии – остался верен Нерону, и в этом немалую роль сыграла как давняя вражда с Виенной (Tac. Hist. I. 65), так и, возможно, тот факт, что Лугдун получил от Нерона четыре миллиона сестерциев на восстановление разрушенных стихийным бедствием зданий (Tac. Ann. XVI. 13). Прирейнские галлы также Виндекса не поддержали, причем Тацит указывает, что они люто ненавидели секванов, эдуев и их союзников (Tac. Hist. I. 51). Иными словами, никакого полного единения галлов вокруг Виндекса не было и в помине, местные разногласия играли очень важную роль в развитии событий. Любопытную особенность расстановки сил в Галлии отметил Ю. Б. Циркин: по его мнению, Виндекса поддержали менее романизированные общины, в то время как более романизированные заняли пронероновскую позицию [10: 102].

Дело для Виндекса осложнялось тем, что в его распоряжении не было легионов, и он управлял, по выражению Тацита, «безоружной провинцией» (Tac. Hist. I. 16). Еще до начала открытого выступления против Нерона Виндекс зимой 67/68 года отправил письма наместникам соседних провинций с призывом присоединиться к восстанию (Plut. Galba. 4). Однако адресаты Виндекса переправили полученные письма императору (ibid.), и только наместник Испании Сервий Сльпиций Гальба, хотя и не ответил Виндексу, тем не менее не донес о его планах в Рим.

Выжидательная позиция, которую занял Гальба, очень отличалась от поведения прочих наместников. Казалось бы, можно предположить, что восстание Виндекса сыграло решающую роль в подведении к концу принципата Нерона, так как без Виндекса Гальба не решился бы на отпадение от Нерона. Однако нельзя не отметить, что причины для неприязни к Нерону были и у самого Гальбы. Еще до письма от Виндекса он перехватил приказ Нерона к прокураторам о своей казни (Suet. Galba. 9.2), и некоторые исследователи не без оснований сомневаются в том, что Гальбе было очень уж необходимо побуждение от Виндекса к выступлению против императора [30: 159].

Но Гальба отличался от других наместников западных провинций не только отношением к письму Виндекса. Он сам по многим параметрам был не похож на большинство наместников из тех, кто получил должность в конце правления Нерона. Гальба безусловно превосходил легата Нижней Германии Фонтея Капитона и командующего легионами Верхней Германии Вергиния Руфа, а также Тита Флавия Веспасиана в Иудее, Требеллия Максима в Британии и Апония Сатурнина в Мезии знатностью происхождения и богатством. Гальба был знаменит военным опытом, свойственной человеку преклонных лет осмотрительностью и репутацией приверженца старинных нравов (Plut. Galba. 3; Dio Cass. LXIII. 23.1). Согласно Диону Кассию, Виндекс полагал, что именно такой человек, как полная противоположность императору Нерону, был достоин получить звание императора (Dio Cass. LXIII. 23.1). Именно Гальбе Виндекс написал второе послание с призывом не просто присоединиться к восстанию, но возглавить его: «принять верховное начальство и придать еще более силы могучему телу, ищущему головы» (Plut. Galba. 4), «стать освободителем и вождем рода человеческого» (Suet. Galba. 9.2).

Все это заставляет искать глубинные причины низложения Нерона не в деталях галльских или испанских событий, а в особенностях политического курса и личности императора. Последнее тем более важно, что система принципата формировалась как основанная на авторитете и личных заслугах первого принцепса – Октавиана Августа [5: 100], на партнерстве принцепса и сената в управлении государством и продолжении республиканских традиций [9: 3], [22: 223–224], [27: 80–85, 87–89, 95–96]. Важность субъективного фактора усиливалась в силу сосредоточения в руках императора огромной власти, практически не контролируемой легальными методами, и сложности задач, которые ему приходилось решать; кроме того, общественная идеология придавала большое значение роли личности [4: 38–39]. Определенную опасность для стабильности передачи власти таил и принцип усыновления в династической системе принципата [4: 39], [6: 529], [17: 189, 191].

Сведения античной традиции позволяют выделить три линии развития конфликта между Нероном и различными слоями общества Римской империи. Во-первых, Нерон нарушил правила поведения, обязательные для достойного императора, сенатора и просто римского гражданина, запятнав императорское достоинство выступлениями на ристалище и театральных подмостках. Во-вторых, он оказался неспособным справиться с проблемами провинциальной и внешней политики. Наконец, он проявил себя как чудовищно жестокий император, разрушивший созданную Августом систему партнерства с сенатом и убивший не только сводного брата, но даже собственную мать и жену.

В историографии нет единства в решении вопроса о том, что же стало решающим фактором восстания. Г. Х. Стевенсон и Б. В. Гендерсон отмечали напряженность во взаимоотношениях с армией вследствие пренебрежения Нерона к ней или из-за недостатков военной системы, созданной Августом[3]. Для С. И. Ковалева, А. Г. Бокщанина и В. А. Гольденберга особенно важными казались просчеты в провинциальной политике [1: 161–163, 169, 171], [2: 62], [6: 531]. А. Б. Егоров называл исходным моментом убийство Агриппины [5: 183][4]. Н. Х. Юдикис и Е. М. Штаерман считали[5] главным фактором ущемление экономических интересов сената [12: 141–142], [11: 559], а И. П. Портнягина, С. Н. Кочеров, Я. Ю. Межерицкий – открытое пренебрежение заветами Августа, нарушение принципов партнерства сената и принцепса, истребление нобилитета [7: 79], [8: 185], [9: 3]. Все исследователи, рассматривая причины нарастания недовольства императором, затрагивают тему поведения Нерона как недостойного принцепса и римского гражданина, бесцеремонно попирающего заветы предков.

Несмотря на отсутствие ответа от наместников соседних провинций, в середине марта 68 года Юлий Виндекс решился на открытое вооруженное выступление против Нерона. Версия о том, что восстание началось в мартовские иды, то есть 15 марта, в день годовщины убийства Цезаря [18: 87], [25: 5], представляется весьма вероятной.

Виндекс начал осаду г. Лугдуна и одновременно позаботился о том, чтобы представить свое выступление как спасение для римского мира. По его инициативе монетный двор провинции, расположенный в Виенне, отчеканил не менее десятка типов монет. На одном из них на лицевой стороне изображена Виктория – богиня Победы,

стоящая на земном шаре с лавровым венком и пальмовой ветвью в руках, а на оборотной – венок из дубовых листьев, обрамляющий буквы SPQR (RIC, I, The Civil wars, 68; 69; 71–73; 77). На некоторых из монет изображение Виктории на аверсе дополняется изображением Марса-Мстителя на реверсе (ibid, 67). На монетах встречаются изображения Юпитера (ibid, 40; 42; 59; 60; 62; 78) и некоторых других римских божеств, в том числе Фортуны (ibid, 49) и Ромы – богини, олицетворяющей Рим как повелителя Вселенной (ibid, 59–63). Надписи на монетах очень характерны: ROMA RESTITVTA – «возрожденный Рим» (ibid, 60–63), SALVS ET LIBERTAS – «благополучие и свобода» (ibid, 64–66), PAX ET LIBERTAS – «мир и свобода» (ibid, 57–58), SECVRITAS – «безопасность» (ibid, 37–38), VIRTVS – «добродетель» (ibid, 78), CONCORDIA ORB(is) TER(rarum) – «согласие всего мира» (ibid, 41), GENIVS P(opuli) R(omani) – «гений римского народа» (ibid, 42–46) и, наконец, AVGVSTVS DIVI F(ilius) – «Август, сын божественного (Юлия Цезаря)» (ibid, 102). И выбор божеств, и легенды монет должны были показать, что целью Виндекса является возрождение основ принципата, заложенных его основателем – Октавианом Августом [19], [20: 864].

Гальба находился в Новом Карфагене, когда, с одной стороны, узнал о приказе Нерона казнить его, а с другой – получил письмо от Виндекса с призывом возглавить восстание против императора (Suet. Galba. 9.2). Созвав друзей на совет, Гальба, как сообщает Плутарх, сначала колебался, но затем поддался на уговоры начальника преторской когорты Тита Виния и принял предложение Виндекса, согласившись «служить отечеству» (Plut. Galba. 4–5). Важно отметить, что Гальба не принял титул императора, а именовал себя легатом сената и римского народа (Suet. Galba. 10.1; Plut. Galba. 5). И если выступление Виндекса наместники и полководцы соседних провинций не поддержали, то, узнав о выступлении Гальбы против Нерона, многие из них начали переходить на сторону Гальбы. Среди них были: наместник Лузитании Марк Сальвий Отон (Suet. Otho. 4), квестор Бетики Авл Алиен Цецина (Tac. Hist. I. 83), префект Ближней Испании Квинт Помпоний Руф [26: 63] и, вероятно, префект Египта Тиберий Юлий Александр [13: 536], [29: 60].

Скорее всего, указанную специфику развития событий можно объяснить сформировавшимися за годы правления Юлиев-Клавдиев представлениями об обязательных атрибутах претендента на престол. При отсутствии в системе принципата строгого порядка престолонаследия важнейшим критерием тем не менее являлась принадлежность к старинному римскому роду. В последние годы правления Нерона к этому прибавилась (и с очевидностью проявилась в ходе восстания Пизона 65 года) набирающая силу убежденность в том, что хороший принцепс должен быть приверженцем старинных римских нравов, исконных римских ценностей и традиций. Выступление Виндекса в этой связи выглядело не более чем авантюрой, чреватой опасными последствиями в виде дестабилизации ситуации в провинциях. Гальба же представлял собой удачную кандидатуру, являя полный контраст с Нероном во всем, кроме знатности. Он был человеком преклонных лет (Suet. Nero, 40.3; Galba. 4. 23; Plut. Galba. 8), соблюдал древний гражданский обычай ежедневного приветствия господина его рабами и вольноотпущенниками, изучал благородные науки, выполнил супружеский долг, снискал воинскую и репутацию строгого наместника, отличался спокойностью нрава, простым образом жизни, скромностью и воздержанностью в расходах (Suet. Galba. 5.1, 6.1, 7.1; Plut. Galba. 3). Не удивительно, что как только о решении Гальбы поддержать и возглавить выступление Виндекса против Нерона стало известно, Гальба получил поддержку целого ряда наместников.

Чрезвычайно интересный материал представляют монеты, отчеканенные от имени Гальбы в Испании и Галлии. Во-первых, частым изображением аверсов является изображение самого Гальбы с легендой GALBA IMP(erator) – «имп(ератор) Гальба» [23: 336–345]. Во-вторых, изображения и легенды ряда монет подтверждают заключение союза между Гальбой и Виндексом под главенством Гальбы: сохранились монеты с портретом Гальбы и надписью GALBA IMP(erator) на аверсе и с изображением рукопожатия фигур, олицетворяющих Испанию и Галлию, дополненным легендой GALLIA HISPANIA – на реверсе [23: 338, 349]. Встречаются на монетах изображения богини согласия с рогом изобилия в руках и надписью CONC[ORDIA PROVINCIARUM – «согласие провинций» [23: 337, 347–348], а также персонификации Испании и Галлии с богиней победы между ними, окруженные легендой CONCORDIA HISPANIARUM ET GALLIARUM [23: 293]. Наконец, безусловно преобладающими среди легенд монет являются: SPQR – «сенат и римский народ», LIBERTAS P. R. – «свобода римского народа», VICTORIA P. R. – «победа римского народа», SALUS GENERI HUMANI – «благополучие человечества», GENIUS P. R. – «гений римского народа», ROMA RESTITUTA – «восстановленный Рим», ROMA RENANSCENS – «возрожденный Рим» [23: 289–308], то есть ссылки на авторитет сената и народа римского, а также тема возрождения и восстановления Рима. Легенды монет подразумевали, как не раз указывалось в исследовательской литературе, не идею возвращения к

республике, но надежду на приход к власти нового императора, который будет править в рамках истинных римских традиций, в рамках заложенного в эпоху Августа согласия и сотрудничества между принцепсом и сенатом [5: 202], [15: 29]. Об этом же говорит титул Гальбы – «легат сената и народа римского» (Plut. Galba. 5; Suet. Galba. 10.1).

Нерон находился в Неаполе, когда ему донесли – около 20 марта 68 года [13: 532] – о вспыхнувшем в Галлии мятеже Виндекса, но, как указывает Светоний, император совсем не встревожился (Suet. Nero. 40.4). Во-первых, практически все наместники сообщили Нерону о планах Виндекса, подтвердив тем самым свою лояльность принцепсу (Plut. Galba. 4). Во-вторых, Виндекс был наместником безоружной провинции и, даже получив поддержку до ста тысяч галлов, не смог бы противостоять профессиональным легионерам Вергиния Руфа, которых Нерон отправил подавлять мятеж Виндекса (Tac. Hist. I. 8, 51, 53; IV. 17). Наконец, Нерону могли сообщить, что далеко не все галлы (Tac. Ann. XVI. 13; Hist. I. 8, 51, 65; II. 94; IV. 17, 57, 69) выступили в поддержку Виндекса. Однако главным, по-видимому, было то, что Виндекс хоть и имел славу мужественного и отважного, но был всего лишь сыном галла – «из тех, кого Клавдий впервые ввел в сенат» [30: 158].

Иной оказалась реакция императора на известие о том, что к мятежу Виндекса присоединился Гальба. По Светонию, Нерон «долго лежал как мертвый а когда опомнился, то… громко вскричал, что все кончено» (Suet. Nero. 42.1). Затем Нерон приказал отозвать легионы, набранные для экспедиции на Кавказ, призвал легионы из Александрии и Иллирии, включая XIV Близнецов, находившийся на пути из Британии на Восток и известный верностью императору (Tac. Hist. I. 6, 31, 70), начал набор нового легиона из моряков Мизенского флота (Plut. Galba. 15), а также римской бедноты и рабов (Suet. Nero. 44.2). Во главе легиона были поставлены Петроний Турпилиан и Рубрий Галл, и они тут же выступили в Галлию. В конце апреля Нерон принял единоличное консульство в надежде, что это принесет успех (Suet. Nero. 43.2). Изменение отношения Нерона к событиям в Галлии и Испании вполне объяснимо: в распоряжении наместника Испании были силы расквартированного в провинции легиона, а сам он по знатности и богатству превосходил всех современников, мало уступая даже принцепсу (Plut. Galba. 29). Таким образом, локальный провинциальный мятеж, обретя достойного предводителя, превратился в настоящую гражданскую войну (ibid.), которую поддержали несколько важнейших западных провинций.

Тем временем между новобранцами Виндекса и легионом Вергиния Руфа произошло сражение у местечка Везонций, в котором около двадцати тысяч галлов были перебиты, а сам Виндекс после поражения покончил жизнь самоубийством (Plut. Galba. 6). Это сражение и особенно события перед битвой получили противоречивое изображение в источниках (Dio Cass. LXIII. 25; Plut. Galba. 6; Tac. Hist. I. 8) и неоднозначно трактуются в научной литературе.

Вергиний Руф был легатом легионов Верхней Германии, имевшей в правление Нерона статус особой военной зоны в составе провинции Белгики [20: 866]. В источниках нет точной информации о том, выступил ли Вергиний против Виндекса по приказу Нерона (Dio Cass. LXIII. 24.1; Plut. Galba. 6) или по собственной инициативе еще до того, как получил указания из столицы [26: 64]. Под началом Руфа было три легиона: IV Македонский и XXII Первородный, дислоцированные в Могунциаке, и XXI Хищный легион, располагавшийся в Виндониссе. Войска Вергиния Руфа начали осаду Везонция, главного центра мятежа Виндекса [21: 327]. Виндекс сначала намеревался защищать город, но затем, по сообщению Диона Кассия, вступил в переписку с Вергинием, тайно с ним встретился и договорился о совместных действиях против Нерона (Dio Cass. LXIII. 24.2). Однако войска Руфа без приказа выступили навстречу силам Виндекса, решив, что те собираются пойти в атаку, и нанесли им столь серьезное поражение, что Виндекс покончил с собой (Dio Cass. LXIII. 24.3–4). Немного иную версию событий передает Плутарх. Подчеркивая, что Вергиний отличался от многих наместников, перешедших на сторону Гальбы, своим твердым убеждением в том, что императорскую власть должен вручать только Сенат, Плутарх сообщает тем не менее, что Вергиний медлил вступать в решающее сражение с силами мятежников. В результате, по Плутарху, воины Вергиния и Виндекса чуть ли не силой заставили полководцев решиться на битву, завершившуюся для Виндекса катастрофой (Plut. Galba. 6). И только после этого к Вергинию Руфу обратился Гальба, предлагая объединиться и совместными усилиями сберечь римлянам их державу и свободу (ibid.). В сочинениях Тацита и Плиния Младшего, наиболее близких к описываемым событиям, ни о каком соглашении Вергиния Руфа с Виндексом не упоминается (Tac. Hist. IV. 69, 2; Plin. Ep. IX. 19.1).

Вопрос об отношении Вергиния Руфа к выступлению Виндекса и о событиях, предшествующих сражению у Везонция, вызвал бурные дискуссии в научной литературе [3], [16], [18], [21], [24], [26], [28].

Согласно одной из версий [15: 32–33], [21; 330, 335], [24: 69], [30: 160–161], отвергающей предположение Диона Кассия о договоренности Вергиния Руфа и Виндекса о совместных действиях против Нерона, Вергиний оставался верен Нерону вплоть до гибели императора и отклонил предложение императорской власти, если оно вообще имело место (Plut. Galba. 6; Tac. Hist. I. 51). Позже, желая скрыть свою преданность Нерону, Вергиний содействовал распространению мнения о своем раннем отказе от верности императору, что нашло отражение в эпитафии Вергиния, которую приводит Плиний Младший (Plin. Ep. IX. 19.1; ср.: Plin. Ep. IX. 19.5), и в повествовании Плутарха (Plut. Galba. 6, 10).

С другой стороны, часть исследователей склонны доверять рассказу Диона Кассия о договоренностях Вергиния и Виндекса против Нерона и версии, будто битва при Везонции произошла по роковому стечению обстоятельств, вопреки планам обоих полководцев. В качестве аргументов в пользу отказа Вергиния от действий в соответствии с указами Нерона приводятся следующие моменты. Во-первых, битва произошла в мае 68 года [13: 540–541], [14: 8], [25: 26], [31: 260], то есть через два месяца после приказа Нерона о наступлении на Виндекса (Tac. Hist. I. 52), хотя армия Вергиния находилась в нескольких днях пути от месторасположения отрядов Виндекса [30: 160]. Во-вторых, Нерон, похоже, не слишком доверял Вергинию, так как развернул бурную кампанию по привлечению дополнительных воинских формирований. Наконец, не в пользу верности Вергиния Нерону говорит дальнейшая судьба Вергиния. Он не только был принят без видимой враждебности Гальбой (Tac. Hist. I. 8; Plut. Galba. 10), стал консулом при Отоне (Tac. Hist. I. 74) и явно не прозябал при Флавиях, но и снискал славу избавителя Рима от тирании (Plut. Galba. 10). Для сравнения: совсем по-другому сложилась судьба военачальника Петрония Турпилиана. «Неизменный сторонник Нерона», он поплатился жизнью в самом начале правления Гальбы (Plut. Galba. 15; Tac. Hist. I. 6).

Любопытной представляется точка зрения, высказанная Ч. Мурисоном. Исследователь полагает, что, получив известие о начале мятежа под главенством Виндекса, Вергиний Руф начал приготовления к подавлению волнений и выступил в поход со своими легионами. Но уже в пути Вергиний узнал о присоединении Гальбы к восстанию, и его решимость относительно действий в пользу Нерона поубавилась [25: 20]. Вероятно, следует учесть и замечание Э. Гримма[6] о том, что, с одной стороны, сохранившиеся сведения о взглядах Вергиния не позволяют предположить, будто он мог бы совершить предательство, но, с другой стороны, основой для сближения Вергиния и Виндекса могло стать опасение обоих полководцев относительно перерастания волнений в Галлии из выступления против Нерона в выступление против власти Рима.

Гальба мог не знать о переговорах Вергиния с Виндексом (если они вообще состоялись) либо видеть в Вергинии защитника императора или даже соперника в борьбе за императорский престол, поскольку, как следует из сообщений античных авторов, солдаты легионов Верхней Германии предлагали Вергинию звание императора (Tac. Hist. I. 8; Plut. Galba. 6; Dio Cass. LXIII. 25.1). По сообщению Диона Кассия, это случилось уже после битвы при Везонции, а по Плутарху, солдаты несколько раз пытались провозгласить Вергиния императором. Так или иначе, после известия о победе войск Вергиния при Везонции и о гибели Виндекса Гальба, по сведениям Плутарха и Светония, поначалу счел все для себя конченным (Plut. Galba. 6; Suet. Galba. 11). Его единственный легион и вспомогательные части из местного населения могли быть без труда перебиты войсками Вергиния Руфа, Петрония Турпилиана и Рубрия Галла (Dio Cass. LXIII. 27.1). Но тут стало известно о гибели Нерона и о признании Гальбы в сенате принцепсом (Plut. Galba. 7, 10; Suet. Galba. 11.1). Узнав, что Гальба признан сенатом, Вергиний убедил солдат признать нового принцепса (Plut. Galba. 10; Dio Cass. LXIII. 29.5–6), а сохранивший верность Нерону Турпилиан вскоре был казнен.

Скорее всего, часть войск Турпилиана и Рубрий Галл с отрядами, хоть и оставались верными императору дольше других (Tac. Hist. I. 8), все же предали Нерона еще при его жизни (Dio Cass. LXIII. 27.1a). Отпал от Нерона и Клодий Макр, наместник Африки, хотя он и не хотел признать императором Гальбу (Plut. Galba. 6; Tac. Hist. I.7). В связи с этим представляется не вполне обоснованной попытка объяснить падение Нерона одним только «духом поражения», охватившим принцепса некстати в неподходящий момент [17: 185–186], [23: 130–131], [30: 161].

Среди провинциалов Гальба и Виндекс тоже нашли поддержку, неспокойно было в Нижней Германии, Африке (Tac. Hist. I. 7) и, может быть, в Египте [29: 60]. В столице о Нероне ходили чудовищные слухи, все городские трибы проигнорировали воинский набор, и многие открыто отказывались жертвовать часть состояния на военные нужды (Suet. Nero 43–44). Если чернь некоторое время и была на стороне Нерона, то, когда он стал наживаться на дороговизне хлеба и использовать александрийские корабли для перевозки песка для гимнасия, он стал ненавистен и черни (Suet. Nero, 45.1). Даже к сенату, пребывавшему в глубоком страхе и

унынии после преследований 65–66 годов (Ann. XVI. 22), вернулась способность выражать негодование, пусть и завуалированным образом (Suet. Nero. 46.3).

Плутарх сообщает, что «положение Нерона сделалось безнадежным, и стало ясно, что он вот-вот бежит в Египет». В это же время префект претория Нимфидий Сабин начал побуждать преторианцев отпасть от Нерона, обещая им от имени Гальбы большие подарки (Plut. Galba. 2). В результате преторианские трибуны и центурионы отказались бежать с Нероном в Египет, а дворцовая стража бросила императора на произвол судьбы (Plut. Galba. 2; Suet. Nero. 47.2–3). Вполне возможно, что Нимфидий Сабин действовал, как предполагает Б. Уорминтон, сообща с кем-то из сенаторов [30: 62]. По крайней мере, в самом начале правления Гальбы сенаторы ходили к Нимфидию на пиры, и сенат же способствовал росту славы и могущества Нимфидия (Plut. Galba. 8). Кроме того, отказ преторианцев от поддержки Нерона и приказ сената об объявлении его врагом и утверждении у власти Гальбы произошли почти одновременно (Suet. Nero. 47.2–3 ср.: 49.2).

Итак, Нерон стал неприемлем для большей части населения империи – не только для римской элиты, но и армии, жителей Италии и провинций – после разрыва с сенатом и выставления напоказ своего пренебрежения к традиционным римским ценностям, как неспособный справиться с провинциальными, внешними и финансовыми проблемами, как чудовищно жестокий император. Решающим фактором были образ жизни и поведение Нерона, попирающее заветы предков, дорогие не только римлянам, но и провинциалам, которые, входя в состав сената или втягиваясь в различные сферы жизни империи, хотели быть похожими на настоящих римлян. Поскольку низложение императора произошло при отсутствии подготовленного преемника, и род Цезарей пресекся с Нероном, в силу того что система принципата не выработала четкого порядка престолонаследия и даже общепринятых критериев выбора преемника власти, в условиях достаточно сильного вовлечения провинций и легионов в политическую жизнь и открывшейся для этих сил возможности влиять на развитие событий, гражданские войны стали неизбежными и охватили всю империю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстание Виндекса сыграло важную роль в событиях конца правления Нерона. Оно не только стало отправной точкой для всплеска открытого недовольства императором, завершившегося низложением одиозного правителя. Оно впервые в истории империи с очевидностью показало, что основная часть западных провинций Рима достаточно глубоко втянута в общую социально-политическую ткань империи и может иметь серьезное значение в решении таких судьбоносных для государства вопросов, как вопрос о претенденте на императорский престол. Несмотря на то что сам вдохновитель восстания погиб, главная цель его выступления оказалась достигнута: Нерон был низложен, а высшая власть передана сенатом Гальбе. Любопытной особенностью событий можно, по-видимому, считать тот факт, что в ходе восстания обнаружилось несколько парадоксальное для жителей провинций усвоение представлений о хорошем правителе как римском аристократе со старинными римскими нравами.

Образ Виндекса в античной традиции, как представляется, несет отпечаток различного понимания значения его деятельности современниками и потомками. С одной стороны, подчеркивается, что Виндекс был удостоен похорон за государственный счет и римляне чтили его память как одного из борцов против тирании, а с другой – что его выступление положило начало кровопролитной гражданской войне и сложному для империи году «четырех императоров».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Henderson B. W. Life and Principate of the Emperor Nero. London: Methuen & Co, 1903. P. 399; Hardy E. G. Studies in Roman History. Second series. London: Swan Sonnenschein & Co, 1909. P. 130.

[2] Mattingly H. The Coinage of the Civil Wars of 68–69 A. D. // Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic society. 1914. Series 4. Vol. 14. № 54. P. 112–135; Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. 1. Augustus to Vitellius. London, 1923. CCXXXI, 464 p.

[3] Henderson B. W. Life and Principate of the Emperor Nero. P. 422; Stevenson G. H. The Year of Four Emperors // The Cambridge Ancient History. Vol. 10: The Augustan Empire, 44 B.C. – A.D. 70. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1934. P. 809.

[4] Схожее мнение высказывал уже в 1930-е годы А. Момильяно, см.: Momigliano A. Nero // The Cambridge Ancient History. Vol. 10: The Augustan Empire, 44 B.C. – A.D. 70. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1934. P. 717.

[5] Данная точка зрения получила развитие еще в советской историографии 1930-х – начала 1940-х годов, подробнее см.: Сергеев В. С. Принцепсы династии Клавдиев // Исторический журнал. 1938. № 6. С. 90; Фря-

зинов С. В. Принцепс, аристократия и сенат в Древнем Риме времени Нерона // Ученые записки исторического факультета Московского областного педагогического института. Т. 2. М., 1940. С. 218–219.

[6] Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти: В 2 т. Т. 2: Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб., 1901. С. 30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бокщанин А. Г. Социальный кризис Римской империи в I в н. э. М.: Изд-во МГУ, 1954. 239 с.
2. Гольденберг В. А. Очерки по истории Римской империи в I в. н. э.: гражданская война 69 года. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1958. 119 с.
3. Дороненко И. А. Политическая стратегия Луция Вергиния Руфа во время восстания Виндекса // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Сб. статей к 80-летию со дня рождения Г. К. Садретдинова. Омск, 2019. С. 29–41.
4. Егоров А. Б. О персональном факторе в истории Римской империи // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 37–44.
5. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 225 с.
6. Ковалев С. И. История Рима. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 744 с.
7. Кочеров С.Н. Стоическая оппозиция в римском сенате // Античность и раннее средневековье: политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород: Изд-во НГПИ, 1991. С. 78–93.
8. Межерицкий Я. Ю. Император Август, основание империи и проблема рубежа цивилизаций // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 180–189.
9. Портнягина И. П. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин: Изд-во КГУ, 1989. 82 с.
10. Циркин Ю. Б. Гражданская война 68–69 гг. и провинции // Античное общество. Проблемы политической истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 97–114.
11. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в эпоху империи // История Европы: В 9 т. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988. С. 534–593.
12. Юдикис Н. Х. Юлиев-Клавдиева династия // Ученые записки Вологодского государственного педагогического института. 1951. Т. 9. С. 139–169.
13. Brunt P. A. The revolt of Vindex and the fall of Nero // Latomus. 1959. Vol. 18. F. 3. P. 531–559.
14. Chilver G. E. F. A historical commentary on Tacitus' Histories I and II. Oxford: Clarendon press, 1979. X, 280 p.
15. 1Chilver G. E. F. The army in politics, A. D. 69–70 // Journal of Roman Studies. 1957. Vol. 47. P. 29–35.
16. Daly L. J. Verginius at Vesontio: The incongruety of the "Bellum Neronis" // Historia. 1975. Bd. 24. Hft. 1. P. 75–100.
17. Griffin M. T. Nero. The end of a dynasty. 3rd ed. London: Routledge Publ., 2000. 320 p.
18. Hainsworth J. B. Verginius and Vindex // Historia. 1962. Bd. 11. Hft. 1. P. 86–96.
19. Kraay C. M. The coinage of Vindex and Galba, AD 68, and the continuity of the Augustan principate // Numismatic Chronicle. 1949. Vol. 9. P. 129–149.
20. Królczyk K. The rebellion of Caius Iulius Vindex against Emperor Nero // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 3. С. 858–871.
21. Levick B. L. Verginius Rufus and the Four Emperors // Rheinisches Museum für Philologie. 1985. Bd. 128. P. 318–346.
22. Martin S. Images of power: The Imperial Senate // Journal of Roman Studies. 1985. Vol. 75. P. 223–228.
23. Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. 1. Augustus to Vitellius. London, 1923. CCXXXI, 464 p.
24. Morgan G. 69 A. D. The Year of the Four Emperors. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. 322 p.
25. Murison Ch. L. Galba, Otho and Vitellius: Careers and controversies. Hildesheim; Zürich; New York: Olms Publ., 1993. 175 p.
26. Shotter D. C. A. A time-table for the "Bellum Neronis" // Historia. 1975. Bd. 24. Hft. 1. P. 59–74.
27. Talbert R. J. A. The Senate of Imperial Rome. Princeton (N.-Y.): Princeton Univ. Press, 1984. XVII, 583 p.
28. Townend G. B. The reputation of Verginius Rufus // Latomus. 1961. T. 20. F. 2. T. 20. P. 337–341.
29. Turner E. G. Tiberius Iulius Alexander // Journal of Roman Studies. 1954. Vol. 44. P. 54–64.
30. Warmington B. Nero. Reality and legend. London: Chatto & Windus, 1969. XII, 180 p.
31. Wiedemann. T. E. J. From Nero to Vespasian // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. 10: The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008 (1996). P. 256–282.

Поступила в редакцию 30.01.2020

Ekaterina L. Smirnova, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
esmirnova@petrsu.ru

THE REVOLT OF VINDEX AND NERO'S DEPOSITION

The article analyzes the causes, course, and significance of the revolt of Caius Iulius Vindex against the Emperor Nero in Gaul, examines the controversial and ambiguously interpreted questions about the relationship of Vindex with the governor of Spain, Servius Sulpicius Galba, who received the Emperor's powers after the deposition of Nero, as well

as with a military commander Verginius Rufus, whose troops defeated the army of Vindex in the Battle of Vesontio, as a result of which the leader of the revolt committed suicide. Despite the defeat, the revolt of Vindex played an important role in the events at the end of Nero's reign. Firstly, it was the starting point of a few years of growing discontent with the Emperor in various social strata, which led to the deposition of the odious ruler. Secondly, the revolt clearly showed for the first time that the Western provinces could claim to participate in resolving the fateful question about the applicant for the highest power of the state. Finally, the development of the events revealed a very remarkable assimilation of ideas about a good ruler as a Roman aristocrat with ancient Roman morals by the inhabitants of the Western provinces of Rome. Vindex's personality and activities received mixed reviews in the ancient tradition. Contemporaries emphasized that Vindex was awarded a funeral at the expense of the state, and honored his memory as one of the fighters against tyranny. Later authors noted that the revolt of Vindex marked the beginning of a bloody civil war and the Year of the Four Emperors.

Keywords: Vindex, Nero, Galba, Verginius Rufus, "the Year of the Four Emperors", Roman Empire, principate, civil war

Cite this article as: Smirnova E. L. The revolt of Vindex and Nero's deposition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 14–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.445

REFERENCES

1. Bokshchanin A. G. The social crisis of the Roman Empire in the I century AD. Moscow, 1954. 239 p. (In Russ.)
2. Gol'denberg V. A. Essays on the history of the Roman Empire in the I century: the civil war of AD 69. Kharkov, 1958. 119 p. (In Russ.)
3. Doronenko I. A. The political strategy of Lucius Verginius Rufus during the revolt of Vindex. *Social Institutions in History: Retrospection and Reality. Collection of articles dedicated to the 80th birthday anniversary of G. K. Sadretdinov*. Omsk, 2019. P. 29–41. (In Russ.)
4. Egorov A. B. Personal factor in the history of the Roman Empire. *Politicians of antiquity, the Middle Ages and modern times*. Leningrad, 1983. P. 37–44. (In Russ.)
5. Egorov A. B. Rome on the verge of eras. Problems of creation and formation of the principate. Leningrad, 1985. 225 p. (In Russ.)
6. Kovalev S. I. History of Rome. Leningrad, 1986. 744 p. (In Russ.)
7. Kocherov S. N. Stoic opposition in the Roman Senate. *Antiquity and the early Middle Ages: Political and ethnocultural processes*. Nizhniy Novgorod, 1991. P. 78–93. (In Russ.)
8. Mezheritskiy Ya. Yu. Emperor Augustus, the foundation of the empire and the problem of civilization frontiers. *Civilizations*. Vol. 3. Moscow, 1995. P. 180–189. (In Russ.)
9. Portnyagina I. P. Senate and senators during the early principate. Kalinin, 1989. 82 p. (In Russ.)
10. Tsirkin Yu. B. The Civil War of AD 68–69 and the provinces. *Ancient society. Problems of political history*. St. Petersburg, 1997. P. 97–114. (In Russ.)
11. Shtaerman E. M. The heyday of slavery in the era of the Empire. *History of Europe: In 9 vols*. Vol. 1. Ancient Europe. Moscow, 1988. P. 534–593. (In Russ.)
12. Yudikis N. H. The Julio-Claudian dynasty. *Proceedings of Vologda State Pedagogical Institute*. 1951. Vol. 9. P. 139–169. (In Russ.)
13. Brunt P. A. The revolt of Vindex and the fall of Nero. *Latomus*. 1959. T. 18. F. 3. P. 531–559.
14. Chilver G. E. F. A Historical commentary on Tacitus' Histories I and II. Oxford, 1979. X, 280 p.
15. Chilver G. E. F. The army in politics, A. D. 69–70. *Journal of Roman Studies*. 1957. Vol. 47. P. 29–35.
16. Daly L. J. Verginius at Vesontio: The incongruety of the "Bellum Neronis". *Historia*. 1975. Bd. 24. Hft. 1. P. 75–100.
17. Griffin M. T. Nero. The end of a dynasty. London, 2000. 320 p.
18. Hainsworth J. B. Verginius and Vindex. *Historia*. 1962. Bd. 11. Hft. 1. P. 86–96.
19. Kraay C. M. The coinage of Vindex and Galba, AD 68, and the continuity of the Augustan principate. *Numismatic Chronicle*. 1949. Vol. 9. P. 129–149.
20. Królczyk K. The rebellion of Caius Iulius Vindex against Emperor Nero. *Vestnik of Saint Petersburg University*. History. 2018. Vol. 63. Issue 3. P. 858–871. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.312
21. Levick B. L. Verginius Rufus and the Four Emperors. *Rheinisches Museum für Philologie*. 1985. Bd. 128. P. 318–346.
22. Martin S. Images of power: The Imperial Senate. *Journal of Roman Studies*. 1985. Vol. 75. P. 223–228.
23. Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. Vol. 1. Augustus to Vitellius. London, 1923. CCXXXI, 464 p.
24. Morgan G. 69 A. D. The Year of the Four Emperors. Oxford, 2006. 322 p.
25. Murison Ch. L. Galba, Otho and Vitellius: Careers and controversies. Hildesheim, Zürich, New York, 1993. 175 p.
26. Shotter D. C. A. A time-table for the "Bellum Neronis". *Historia*. 1975. Bd. 24. Hft. 1. P. 59–74.
27. Talbert R. J. A. The Senate of Imperial Rome. Princeton (N.-Y.), 1984. XVII, 583 p.
28. Townend G. B. The reputation of Verginius Rufus. *Latomus*. 1961. T. 20. F. 2. T. 20. P. 337–341.
29. Turner E. G. Tiberius Iulius Alexander. *Journal of Roman Studies*. 1954. Vol. 44. P. 54–64.
30. Warmington B. Nero. Reality and legend. London, 1969. XII, 180 p.
31. Wiedemann. T. E. J. From Nero to Vespasian. *The Cambridge Ancient History*. Second Edition. Vol. 10: The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69. Cambridge, 2008 (1996). P. 256–282.

Received: 30 January, 2020

Т. 42. № 2. С. 23–31 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 2020
DOI: 10.15393/uchz.art.2020.446
УДК 94(470+571)“19”+002.2+929.52“19”

ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА АЛЕКСЕЕВА
кандидат филологических наук, специалист 1-й категории
web-лаборатории Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
lempi@mail.ru

ДЕЛО О ДВОРЯНСТВЕ РОДА КАК ИСТОЧНИК БИОГРАФИИ Н. ШАХОВА – АНОНИМНОГО АВТОРА ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «ГРАЖДАНИН»*

Статья отражает один из этапов исследования, посвященного атрибуции текста автора еженедельника «Гражданин», опубликовавшегося в № 41 за 1873 год под псевдонимом «Х.». Ранее было установлено, что анонимным автором оказался один из корреспондентов Ф. М. Достоевского, выпускник 1871 года 3-го Александровского военного училища, офицер 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского Его Величества полка Николай Александрович Шахов, имя и биография которого отсутствуют в существующей справочной литературе и иных печатных источниках. Установление некоторых фактов его биографии представляет цель данной работы. Актуальность настоящего исследования обусловлена современными тенденциями исторической науки, один из подходов которой – осмысление истории через призму человеческой личности, биографии. На основании установленных фактов в результате архивных поисков в Российском государственном историческом архиве (РГИА) был выявлен документальный источник, содержащий сведения о Николае Шахове, а именно – Дело о дворянстве рода Шаховых. Документы, собранные в Деле, позволили не только уточнить полученные ранее сведения о личности Шахова, но и составить его краткую биографию и установить близкое родство с небезызвестным в XIX веке государственным деятелем – Александром Николаевичем Шаховым, его отцом. Небольшой по объему архивный документ открывает возможности для дальнейших поисков новых фактов биографии Н. Шахова, ее реконструкции, установления его родственных связей и окружения, а в перспективе – составления и уточнения родословной дворянского рода Шаховых.

Ключевые слова: Российский государственный исторический архив, Николай Шахов, корреспондент Ф. М. Достоевского, еженедельник «Гражданин», анонимный автор, родословная дворянства, дело о дворянстве рода, биография, биографика, биографический метод

Для цитирования: Алексеева Л. В. Дело о дворянстве рода как источник биографии Н. Шахова – анонимного автора еженедельника «Гражданин» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 23–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.446

ВВЕДЕНИЕ

В статье «Кто скрывается за псевдонимом “Х.”?» были представлены результаты нашего исследования по атрибуции сочинения «Картинки из офицерской жизни» анонимного автора, опубликовавшегося под псевдонимом «Х.» в № 41 еженедельника «Гражданин» за 1873 год [1]. На основании различных материалов (архивных источников, исторической, справочной и др. литературы) было установлено, что им является один из корреспондентов Ф. М. Достоевского (бывшего в то время, в 1873–1874 годы, редактором «Гражданина»), который впоследствии отправил в еженедельник свое новое произведение и в письме к редактору просил опубликовать его под тем же псевдонимом, однако в газете-журнале оно так и не появилось[1]. Этим автором оказался Николай Александрович Шахов, офицер 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского Его Величества полка, выпускник 3-го Александровского военного училища, имя и биография которого оставались неизвестными до настоящего времени.

Биография – «жизненный путь человека в исторической социокультурной континуальности» [16: 64], – отчасти отображаемая в исторических источниках, может быть реконструирована исследователем. От наличия и качества этих источников, от используемых методов исследования, господствующей научной парадигмы зависит точность реконструкции биографии [16: 64]. Работа по изучению архивных материалов и документов разного характера (мемуаров, хроник и др.), направленная на решение историографических, источниковедческих, теоретических, методических проблем изучения и формирования биографий личности, входит в задачи такой вспомогательной исторической дисциплины,

© Алексеева Л. В., 2020

как биографика (см.: [3: 233], [17: 31]). Она носит междисциплинарный характер и тесно связана с другими историческими дисциплинами (генеалогией, геральдикой, палеографией и др.), филологией, краеведением, словарно-энциклопедическим делом, биобиблиографией и др. [3: 233].

Понятие биографики появилось в отечественной науке в 1920-е годы, однако сам термин в языке в то время не закрепился, и для ее обозначения использовались как синонимичные понятия «биография», «биографическая литература», «биографический жанр». Биографика может быть определена как «древнейшая форма исторического исследования, в фокусе которой – анализ конкретной исторической личности, ее жизни и деятельности в социокультурных условиях эпохи» [16: 64]. Разработкой ее проблем в эти годы в России занимались И. Т. Филиппов, Г. О. Винокур и Н. А. Рыбников, которому принадлежала идея создания Биографического института как научного центра изучения и сохранения биографий[2]. Во второй половине XX века вопросы биографики освещались в трудах И. Л. Беленького [2], [3], А. Л. Валевского [5], [6], Б. С. Мейлах [14], И. Ф. Петровской [19], М. Г. Ярошевского [27], которые обосновывали понимание биографики как системы знаний о биографии, определяли значение, возможности биографии, формулировали ее задачи. В монографии И. Ф. Петровской, исследовавшей теоретические основы биографики как науки, приводится подробный обзор источников биографических сведений о россиянах 1801–1917 годов, рассматриваются специальные издания (1800–2000-х годов), архивные материалы государственных учреждений и личные фонды, что может оказать существенную помощь в конструировании и изучении биографии конкретного лица.

Основополагающим в биографике является биографический метод [18: 75], который состоит в исследовании личностной активности человека [16: 65] и может быть использован для получения информации не только об изучаемом объекте, но и о его семье, связях с родным краем и др. [13: 48]. В области истории биографический метод – «это метод сбора, структурирования, анализа фактов по историческим источникам с последующей реконструкцией в форме биографии для дополнения научной картины мира» [16: 65]. Современные биографические исследования выходят на качественно новый теоретико-методологический уровень. Биография предлагает исторической науке один из новых подходов осмысления истории через призму человеческой личности, не только выдающейся, но и «второстепенной», и ее деятельности. Междисциплинарность является необходимым условием современных исследований в этой области. Задачей биографа становится восстановление жизненного пути человека в социокультурных условиях эпохи на основе разрозненных источников. Эти тенденции определяют актуальность данного исследования.

***

Служба Николая Шахова офицером в привилегированном полку, а значит, и возможная принадлежность к дворянскому сословию определили направление наших дальнейших поисков новых фактов его биографии.

Принадлежность лица к российскому дворянству подтверждается наличием свидетельств о причислении к дворянскому роду и внесении в Родословную книгу, выданных губернским Дворянским депутатским собранием[3], а также свидетельств о признании в дворянстве и праве на внесение в Родословную книгу, выданных Департаментом герольдии Правительствующего сената. Дворянин, не внесенный в Родословную книгу какой-либо губернии, не мог принадлежать дворянству той губернии и пользоваться ее дворянскими преимуществами[4]. Решение о признании принадлежности к потомственному дворянству и внесении в одну из шести частей Родословной книги[5] давалось губернским Дворянским депутатским собранием на основании предоставленных в него документов и утверждалось указом Департамента герольдии Правительствующего сената[6]. Рожденные после указа Сената сопричислялись к роду лишь на основании одного определения Дворянского собрания, которое отсылало списки сопричисленных в Департамент герольдии[7]. Таким образом, документация и сведения о доказательстве истинности положения фамилий российского дворянства были сосредоточены в Департаменте герольдии Правительствующего сената[8].

Дела о признании Сенатом принадлежности к дворянскому сословию и губернские родословные книги (как правило, их копии) хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, а дела о внесении в родословные книги губерний и сами книги – в фондах губернских Дворянских депутатских собраний в Государственных архивах соответствующих областей[9]. Особый интерес для исследователей представляет фонд РГИА № 1343 Департамента герольдии Сената, который содержит многочисленные документы (около 165 000 дел)[10], помогающие составить генеалогию рода, проследить судьбу нескольких поко-

лений: о пожаловании в дворянское (княжеское, графское, баронское) достоинство, о дворянских, городских гербах, списки причисленных к дворянству, родословные, метрики, формулярные списки и др. (см., напр.: [15], [22], [26]). Привлечение этих документов также позволяет исследователям уточнить факты из жизни конкретного лица или получить новые сведения о нем, восполнив недостающие звенья при реконструкции его биографии.

Шаховы внесены в списки дворянских родов различных губерний[11]. Дела о дворянстве рода Шаховых Вологодской, Екатеринославской, Калужской, Костромской, Московской, Рязанской и других губерний за 1826–1890 и 1906 годы хранятся в Департаменте герольдии Правительствующего сената[12]. В одном из изданий, упомянутом в библиографическом указателе списков дворянских родов Российской империи, отмечено, что Николай Шахов и его отец Александр Николаевич значатся в списке дворянских родов, внесенных в Родословную книгу Калужской губернии на основании определения Дворянского депутатского собрания 7 декабря 1889 года и Сенатского указа от 24 марта 1890 года[13], а именно – в ее 3-ю часть, куда заносилось потомственное дворянство, приобретенное на гражданской службе или посредством пожалования ордена (то есть по чину или ордену)[14].

Дело о дворянстве интересующего нас рода Шаховых Калужской губернии[15] содержит документы, являющиеся источником сведений о малоизвестном корреспонденте Ф. М. Достоевского – Н. Шахове, выступившем анонимным автором в еженедельнике «Гражданин». В их числе: копии прошения отставного гвардии прапорщика Николая Александровича Шахова в Калужское дворянское депутатское собрание от 12 октября 1889 года, указ об отставке, копия метрической справки, выданной протоиереем Дмитрием Кастальским, копии отношений Московской духовной консистории и Канцелярии Министерства юстиции, копия формулярного списка о службе сенатора действительного тайного советника А. Н. Шахова (отца Н. А. Шахова), копия определения Калужского дворянского депутатского собрания от 7 декабря 1889 года, а также рапортов Калужского дворянского депутатского собрания 1889 и 1890 годов[16]. Обстоятельства дела о дворянстве Шахова изложены в прилагающемся к документам рапорте Калужского дворянского депутатского собрания за 1889 год:

«Дворянское Депутатское Собраніе имѣетъ честь представить на ревизію Правительствующаго Сената дѣло о признаніии отставнаго Гвардіи Прапорщика Николая Александровича Шахова въ потомственномъ дворянскомъ достоинствѣ по личнымъ заслугамъ родителя его, дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Александра Николаевича Шахова, со внесеніемъ въ третью часть дворянской родословной книги, заключающееся на двадцати шести листахъ съ приложеніемъ родословной настоящей фамиліи и подлиннаго прошенія г. Шахова»[17].

Документы дела становятся важнейшим и наиболее полным на данный момент источником биографии малоизвестного автора еженедельника «Гражданин» Николая Шахова и значительно дополняют полученные нами сведения о нем.

Так, имеющаяся в деле о дворянстве рода копия указа императора Александра II от 13 декабря 1874 года дает более подробную информацию об учебе и военной службе Николая Шахова (см.: [1: 48]):

«Предъявитель сего Прапорщикъ Николай Александровъ Шаховъ. Родился 23 Сентября 1852 года. Изъ дворянъ Московской губерніи. Вѣроисповѣданія православнаго. Воспитывался въ 3мъ Военномъ Александровскомъ училищѣ; въ службу вступилъ юнкеромъ въ 3 военное Александровское училище 1869 года Августа 25. По окончаніи курса наукъ по второму разряду произведенъ Высочайшимъ приказомъ въ прапорщики въ 1й Лейбъ-Гренадерскій Екатеринославскій Его Величества полкъ тысяча восемьсотъ семдесятъ перваго года Августа одиннадцатаго дня. Адьютантомъ 2го баталіона 1872 года Марта 1го. Прикомандированъ Лейбъ-Гвардіи къ 1му Стрѣлковому Его Величества баталіону для исполненія по службѣ и перевода впослѣдствіи 1873 года Января 23. Сдалъ должность Адьютанта 1873 г. Января 28. Отправился къ мѣсту прикомандированія 1873 г. Февраля 1го. Прибылъ 2 февраля 1873 года. Подпоручикомъ 1873 г. Сентября 3. Высочайшимъ приказомъ переведенъ Лейбъ-Гвардіи въ 1й Стрѣлковый Его Величества баталіонъ прапорщикомъ <л. 4> 1873 г. Сентября 8, со старшинствомъ 1873 г. Августа 9. Зачисленъ въ списки баталіона 1873 г. Сентября 24. <…> Холостъ. Имущества родоваго или благопріобрѣтеннаго не имѣетъ. Въ штрафахъ, по суду безъ суда и подъ слѣдствіемъ не былъ. Особыхъ порученій по Высочайшему повелѣнію и отъ своего начальства не имѣетъ. Въ службѣ офицера сего не было обстоятельствъ лишающихъ права на знакъ отличія безпорочной службы, а также отдаляющихъ срокъ выслуги къ этому знаку. Высочайшимъ приказомъ тысяча восемьсотъ семдесятъ четвертаго года Ноября двадцать девятаго дня Прапорщикъ Шаховъ уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ. Въ удостовѣреніе всего вышеизложеннаго и данъ ему указъ сей за надлежащимъ подписомъ съ приложеніемъ казенной печати. Декабря 13 дня 1874 года. г. Царское село <л. 4 об.>»[18].

Кроме того, что Шахов получил образование в 3-м Александровском военном училище, откуда поступил на службу в 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский Его Величества полк, становится известно, что на учебу он был зачислен

25 августа 1869 года и окончил училище (как было известно ранее, в августе 1871 года) по второму разряду, то есть имел не менее 7 баллов в среднем по военным предметам, не менее 5 – по остальным предметам, не менее 8 – по поведению и знанию строевой подготовки, что давало возможность выпуститься на службу прапорщиком[19] (ср.: по первому разряду – 8, 6 и 9 баллов соответственно, выпускались в подпоручики; остальные по третьему – в юнкера с правом производства в офицеры через полгода[20]). Пройдя службу в нескольких стрелковых батальонах, не имея штрафов, судебных преследований и других обстоятельств, лишающих права на знак отличия беспорочной службы, 29 ноября 1874 года высочайшим приказом Шахов был уволен «по домашнимъ обстоятельствамъ». На момент подписания указа об увольнении – 13 декабря 1874 года – он был холост, имения родового или приобретенного не имел.

Однако в прошении Н. Шахова от 12 октября 1889 года в Калужское дворянское депутатское собрание появляются новые факты, в том числе касающиеся его имущественного состояния:

«Состою я записаннымъ въ шестой части дворянской родословной книги по Московской губерніи. Въ настоящее время, по состоянію за мною недвижимаго имѣнія въ Медынскомъ уѣздѣ болѣе 2000 десятинъ земли, я желаю быть записаннымъ въ дворянскую родословную книгу по Калужской губерніи[21], а потому представляя при семъ дворянскій капиталъ шестьдесятъ руб.[22], указъ объ отставкѣ моей и семь гербовыхъ марокъ восьмидесяти коп. достоинства, имѣю честь покорнѣйше просить Дворянское Депутатское Собраніе, по истребованіи отъ Канцеляріи Министерства юстиціи копіи съ формулярнаго списка о службѣ покойнаго родителя моего, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Александра Николаевича Шахова, служившаго сенаторомъ въ 3 Департаментѣ Правительствующаго Сената отъ <л. 3> Московскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія копіи съ указа Правительствующаго Сената объ утвержденіи меня въ потомственномъ дворянскомъ достоинствѣ и отъ Московской Духовной Консисторіи справки о рожденіи и крещеніи моемъ, сдѣлать надлежащее распоряженіе о внесеніи меня въ надлежащую часть дворянской родословной книги по Калужской губерніи. Родился я 23 сентября 1852 г., а крещенъ въ г. Москвѣ въ церкви Ржевской Божьей матери по Большему Знаменскому переулку. Октября 12 дня 1889 года. Подписалъ: отставной Гвардіи Прапорщикъ Николай Александровичъ Шаховъ <л. 3 об.>»[23].

Так, на момент предоставления документов в Сенат Шахов был записан в Родословную книгу Московской губернии. Следует отметить, что указанные размеры имения – 2 000 десятин – позволяют относить Шахова к крупнопоместному дворянству, которое во второй половине XIX века было немногочисленно. Размер имения таких дворян превышал 1 000 десятин, для сравнения: у среднепоместных – от 100 до 1 000 десятин и мелкопоместных – менее 100 десятин [23: 67].

Кроме того, в прошении, а также в копии метрической справки от Московской духовной консистории[24] сообщаются дата рождения Н. Шахова (23 сентября 1852 года), время и место крещения, обряд которого совершился 28 сентября 1852 года в церкви Ржевской иконы Божьей Матери московским священником Георгием Недумовым, о чем имеется запись под № 12 в метрической книге этой церкви. Указанная церковь с приделом Николая Чудотворца находилась в Тверской части Москвы на Большом Знаменском переулке (современный адрес: Гоголевский бульвар, д. 8, стр. 1 и сквер рядом[25]) у Пречистенских ворот[26].

Эти же документы, копии прошения и метрической справки, содержат сведения о родителях Николая Шахова – Александре Николаевиче Шахове (впоследствии был женат вторым браком на Ольге Егоровне, дочери генерала от инфантерии Егора Евстафьевича Ризенкампфа[27]) и Анастасии Александровне православного вероисповедания – и о восприемниках (крестных): коллежском асессоре и кавалере Александре Павловиче Соколове и дочери его Софии Александровне[28], проживавших в Москве по Большому Знаменскому переулку, то есть неподалеку от церкви Ржевской иконы Божьей Матери[29].

Как следует из материалов, представленных в деле о дворянстве, Николай Шахов был сыном небезызвестного государственного деятеля Александра Николаевича Шахова, имевшего высочайший чин действительного тайного советника. Этот гражданский чин II класса по Табели о рангах соответствовал чинам полного генерала (генерала от кавалерии, от инфантерии, от артиллерии, инженер-генерала), адмирала, высшим придворным чинам (обер-камергеру, обер-гофмаршалу, обер-гофмейстеру и др.)[30]. Высокое положение позволяло служить в главных государственных учреждениях, таких как, например, Правительствующий сенат – высший орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи, в котором и занимал должность А. Н. Шахов. Формулярный список А. Н. Шахова[31], приложенный к делу о дворянстве, свидетельствует о его многочисленных заслугах, отмеченных орденами, и значительном карьерном росте[32].

Высочайшие служебные заслуги и ордена отца, наличие имения в Медынском уезде давали право Николаю Шахову на утверждение его в потомственном дворянстве и внесении в 3-ю часть Дворянской родословной книги Калужской

губернии, за чем он и обратился в Калужское дворянское депутатское собрание вскоре после смерти отца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, материалы дела о дворянстве рода Шаховых, хранящегося в архиве РГИА в Санкт-Петербурге, являются ценным источником информации об одном из представителей этого дворянского рода – Николае Шахове, корреспонденте Ф. М. Достоевского, опубликовавшемся в одном из номеров еженедельника «Гражданин». Этот документ не только дает новые и подтверждает некоторые ранее установленные факты биографии Н. Шахова, но и позволяет обнаружить родственные связи с другим небезызвестным представителем рода, А. Н. Шаховым. Данное исследование, носящее междисциплинарный характер, открывает широкие перспективы дальнейших разысканий – поиска сведений о жизни Н. Шахова как одного из представителей XIX века с целью реконструкции его биографии, изучения его окружения, установления родственных связей с другими представителями рода или составления генеалогии рода с учетом сделанных дополнений. Работа в данном направлении в контексте современных тенденций исторической науки остается актуальной.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-04-00619-ОГН («Редакционный архив газеты-журнала “Гражданин” (1872–1879 гг.)»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо Н. Шахова к Ф. М. Достоевскому. 27 октября <1873 г.> // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) (далее: РО ИРЛИ). Ф. 100. № 29899. 1 л.

[2] Рыбников Н. А. Биографии и их изучение. М., 1920; Филиппов И. Т. К вопросу о науке биографии // Известия Северо-Кавказского государственного университета. Ростов-на-Дону, 1926. Т. VIII. С. 89–92; Винокур Г. О. Биография и культура. М., 1927.

[3] О Родословных книгах (губернских) см. в «Указателе видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. – 1917)»: [8].

[4] См. «Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 года» (Жалованную грамоту дворянству 1785 года) в 5-м томе «Российского законодательства X–XX веков» [25: 38]. Историк, автор сочинения 1776 года, посвященного российскому дворянству, Г. Ф. Миллер среди доказательств права на дворянство, помимо владения имением, службы предков и дипломов, ставит родословные книги на первое место, то есть признает родословие выше остальных качеств российского дворянства (см.: Миллер Г. Ф. Известие о дворянех [Российских] // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное / Сост., ст. А. Б. Каменского; Примеч. А. Б. Каменского, О. М. Медушевской. М.: Наука, 1996. С. 219–225. О формировании отечественной историографии дворянства см.: [9]).

[5] О шести частях родословной книги см. подробнее в 5-м томе «Российского законодательства X–XX веков»: [25: 39–41], см. также, напр.: [8], [20: 21].

[6] Согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 года, недовольный рассмотрением своего дела Губернским предводителем дворянства и уездными депутатами имел право представить доказательства непосредственно в Герольдии (см. Жалованную грамоту дворянству 1785 года в 5-м томе «Российского законодательства X–XX веков» [25: 42–43]).

[7] См.: Российское Дворянское Собрание. 2004–2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nobility.ru/rus/join/ (дата обращения 01.08.2019). Перечень доказательств дворянского достоинства см. в 5-м томе «Российского законодательства X–XX веков»: [25: 44–45]. О порядке присвоения или подтверждения дворянского достоинства см. также, напр.: [20].

[8] О разделении Сената и функциях Герольдии после Манифеста 1763 года см.: История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. II: Правительствующий Сенат в царствования Елизаветы Петровны и Петра Федоровича. С. 421–422 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://runivers.ru/lib/book7660/433203/ (дата обращения 20.11.2019).

[9] См.: Российское Дворянское Собрание. 2004–2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nobility.ru/rus/join/ (дата обращения 20.11.2019). После прочтения родословной книги в Дворянском собрании Родословная книга губернии отдавалась в архив Собрания, а подписанные две копии отсылались в архив Губернского правления и Герольдию Сената (см. Жалованную грамоту дворянству 1785 года в 5-м томе «Российского законодательства X–XX веков» [25: 43]).

[10] См. описание фонда № 1343 на сайте Российского государственного исторического архива (РГИА) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fgurgia.ru/object/27604089/ (дата обращения 20.11.2019).

[11] См. подробнее: интерактивный путеводитель по библиографическому указателю списков дворянских родов Российской империи, составленный С. В. Думиным: [10].

[12] РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. Д. 574–585; Оп. 51. Д. 454, 542, 671; Ф. 577. Оп. 13. Д. 1589, 1590.

[13] Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е октября 1908 года, и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года / Изд. Н. Булычов. Калуга, 1908. С. 159 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/13670-kaluzhskaya-guberniya-spisok-dvoryan-vnesennyh-v-dvoryanskuyu-rodoslovnuyu-knigu-po-1-e-oktyabrya-1908-goda-kaluga-1908#mode/inspect/page/163/zoom/4 (дата обращения 20.11.2019).

[14] Списки дворянских родов, внесенных в Родословные книги Дворянских Депутатских собраний губерний, наместничеств и областей Российской империи. Калужская губерния // Геральдический сайт Сергея Панасенко [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://goldarms.narod.ru/kaluga.htm (дата обращения 20.11.2019).

[15] Дело о дворянстве рода Шаховых // РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 26.

[16] См. опись дела о дворянстве Шахова: РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 2.

[17] РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 1. Здесь и далее рукописные документы XIX века приводятся с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

[18] РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 4–4 об.

[19] Младший обер-офицерский чин, установленный Петром Великим и упраздненный в 1884 году. Соответствует X классу Табели о рангах. В военное время допускалось производство унтер-офицеров в прапорщики за боевые отличия, без экзамена при наличии среднего и высшего образования. После демобилизации оставаться на действительной службе в чине прапорщика могли только получившие орден св. Георгия. Остальные зачислялись в запас и при желании продолжить службу обязаны были в течение года сдать офицерский экзамен (см.: Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1898. Т. XXIVa (48). С. 953).

[20] О системе военно-учебных заведений XIX века см. подробнее: [7: 138–139].

[21] Согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 года, дворяне вносились в Родословную книгу той губернии, в которой владели недвижимым имуществом (см. 5-й том «Российского законодательства X–XX веков» [25: 37–38]).

[22] «При внесении рода в родословную книгу отдается на волю дворянского собрания той губернии, имеет ли каждый род внести и сколько денег в дворянскую казну, что при каждом съезде единожды дворянское собрание определить имеет, но не выше двух сот рублей» (см. Жалованную грамоту дворянству 1785 года [25: 42]).

[23] РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 3–3 об.

[24] РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 6.

[25] Пречистенский – ныне Гоголевский бульвар, 8 (сквер), Большой Знаменский пер. – ныне ул. Грицевецкая, 9, куда выходили алтари. См.: [11].

[26] См.: Указатель Москвы, составленный по распоряжению г. московского обер-полицеймейстера редактором Ведомостей Московской городской полиции М. Захаровым. Часть первая. М.: В Тип. Ведомостей Московской городской полиции, 1851. С. 89. См. также: [12].

[27] Факт второго брака А. Н. Шахова отмечен в имеющейся в деле копии его формулярного списка: РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 9. Егор Евстафьевич Ризенкампф (1797–1871) – российский генерал от инфантерии, член Главного Военного суда, происходил из дворянского рода Эстляндской губернии Ризенкампфов, из которого происходил и врач, ботаник, близкий друг Ф. М. Достоевского Александр Егорович Ризенкампф (1821–1895), родственные связи между которыми требуют отдельного рассмотрения и, возможно, помогут установить новые факты биографии Н. Шахова. О Е. Е. Ризенкампфе см. подробнее: Русский биографический словарь: В 25 т. / Изд. А. А. Половцова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1913. Т. XVI. С. 195–196 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.runivers.ru/bookreader/book436312/#page/197/mode/1up; Ежегодник русской армии за 1872 год. СПб.: В Военной типографии, 1872. С. 69–70 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dlib.rsl.ru/viewer/01004072706#?page=74; Список генералам по старшинству. Исправлено по 20 июня 1840 г. СПб.: В Военной типографии, 1840. С. 295 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dlib.rsl.ru/viewer/01003051486#?page=316; Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е февраля 1869 г. СПб.: В Военной типографии, 1869. С. 122–124 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vivaldi.nlr.ru/bx000010296/view#page=148) (дата обращения 20.11.2019). Об А. Е. Ризенкампфе см.: [4: 146–148].

[28] РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 6.

[29] Как указано в «Книге адресов жителей Москвы» (алфавитном списке купечества и чиновников неслужащих), А. П. Соколов, коллежский асессор, проживал по адресу: Большой Знаменский пер., собств. дом, Тверская часть (см.: Дополнение к Книге адресов жителей Москвы, составленное по официальным сведениям и документам К. Нистремом. Книга лиц неслужащих. М.: В Тип. Т. Т. Волкова и Комп., 1852. С. 233).

[30] См. Табель о рангах: [24: 56–61]. См. также: Кизеветтер Ал. Табель о рангах // Энциклопедический словарь: В 86 т. Т. XXXII (63). С. 440.

[31] РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 578. Л. 8–19.

[32] См. также о А. Н. Шахове: Ястребцев Е. Шахов, Александр Николаевич // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. XXII. С. 603–604; [21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л. В. Кто скрывается за псевдонимом «Х.»? // Неизвестный Достоевский. 2016. № 2. С. 45–53 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1484829929.pdf (дата обращения 01.08.2019).
2. Беленький И. Л. Проблемы биографического жанра в советской исторической науке: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1988. 28 с.
3. Беленький И. Л. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. В. Л. Янин. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 233–234.
4. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». СПб.: Алетейя, 2001. Т. II. 544 с.
5. Валевский А. Л. Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. 110 с.
6. Валевский А. Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1995. № 6. С. 32–68.
7. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
8. Глуховская И. И., Романова С. Н. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. – 1917) // Вестник архивиста. 1998–1999. № 46–50 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.familytree.ru/ru/vniidad/pointer.htm (дата обращения 20.11.2019).
9. Дубина В. С., Польской С. В. «Особый путь» русского дворянства в отечественной и зарубежной историографии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 227–234 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobyy-put-russkogo-dvoryanstva-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-istoriografii (дата обращения 20.11.2019).
10. Думин С. В. Списки дворянских родов Российской империи по губерниям: Библиографический указатель // Петербургский генеалогический портал PETERGEN.COM [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.petergen.com/metod/spdv.shtml (дата обращения 01.08.2019).
11. [Иванов Ю.] Церковь Иконы Божией Матери Ржевская у Пречистенских ворот / Сост. Ю. Иванов // Электронное периодическое издание «Храмы России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.temples.ru/card.php?ID=1855 (дата обращения 01.08.2019).
12. Лебедева Е. Церкви Ржевской иконы Божией Матери в Москве // Портал «Православие.RU» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravoslavie.ru/343.html (дата обращения 01.08.2019).
13. Медведева Е. В. Биографика в контексте региональных библиотековедческих исследований // Вестник Томского государственного университета культурологии и искусствоведения. 2013. № 3 (11). С. 46–49 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/uploads/import/927/files/11-046.pdf (дата обращения 25.12.2019).
14. Мейлах Б. С. Биография как методологическая проблема // Человек науки / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1974. С. 7–18.
15. Меркулов И. В., Штыков Н. В. Первые поколения рода Шишковых // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 349–358 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-pokoleniya-dvoryanskogo-roda-shishkovyh/viewer (дата обращения 20.11.2019).
16. Меркулов С. А., Казакова Е. А. Эволюция взглядов и трансформация подходов в составлении строго документированных научных биографий // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 64–67 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1045/files/28_064.pdf (дата обращения 25.12.2019).
17. Некрасова Н. В. Биографика // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 31–33.
18. Николаева А. Б. Основные историко-герменевтические факторы конструирования текста научной биографии как онто-культурного континуума // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2018. № 9 (95). С. 75–78 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_2618-9690_2018_9_16.pdf (дата обращения 25.12.2019).
19. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Петрополис, 2009. 384 с.
20. Соколова Е. В. К вопросу о порядке присвоения и подтверждения дворянского достоинства в Псковском крае в к. XVIII – н. XIX вв. // Псков. 2008. № 28. С. 21–30 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-poryadke-prisvoeniya-i-podtverzhdeniya-dvoryanskogo-dostoinstva-v-pskovskom-krae-v-k-xviii-n-xix-vv (дата обращения 20.11.2019).
21. «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. / Вступ. ст. Б. Козьмина; Ред. текста и предисл. М. Брискмана; Коммент. М. Брискмана и М. Аронсона // Литературное наследство / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский; Зав. ред. И. С. Зильберштейн. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. Т. 22/24. С. 79–308.
22. Тимофеев Л. В. Факты и домыслы о происхождении Алексея Николаевича Оленина // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 268–285 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/11/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB_8_print.pdf (дата обращения 20.11.2019).
23. Федосеев Р. В. Структура дворянского землевладения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века // Экономическая история. Саранск: Нац. исследовательский Мордовский гос. ун-т

им. Н. П. Огарева, 2014. № 2 (25). С. 66–75 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jeh.isi.mrsu.ru/assets/econ_hist_2014_25.pdf (дата обращения 01.08.2019).
24. [Чистяков О. И.] Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
25. [Чистяков О. И.] Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / Отв. ред. Е. И. Индова. М.: Юридическая литература, 1987. 528 с.
26. Яковенко Т. Г. Документы РГИА как источник для изучения истории дворянского рода Оттов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 44–52 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/dokumenty-rgia-kak-istochnik-dlya-izucheniya-istorii-dvoryanskogo-roda-ottov (дата обращения 01.08.2019).
27. Ярошевский М. Г. Биография как науковедческая проблема // Человек науки / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1974. С. 45–56.

Поступила в редакцию 17.12.2019

Lyubov V. Alekseeva, PhD in Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
lempi@mail.ru

ENNOBLEMENT RECORDS AS A SOURCE FOR THE BIOGRAPHY OF N. SHAKHOV, AN ANONYMOUS CONTRIBUTOR TO *GRAZHDANIN* WEEKLY*

The article reflects one of the research stages aimed at the attribution of an anonymous contributor's text published in 1873 by *Grazhdanin* weekly (No 41) and signed as "X." Earlier it was established that this anonymous contributor was Nikolay Alexandrovich Shakhov, one of the F. M. Dostoevsky's correspondents, a 1871 graduate of the Third Alexandrovsk Military School in Moscow, and the officer of the 1st Ekaterinoslav Leib-Grenader Regiment of His Majesty the Emperor. Shakhov's name and biography are not mentioned in the existing reference literature and other printed sources. The purpose of this work is to establish some facts from his biography. The modern state of historical science, with one of its approaches being an intention to understand history through the prism of human personality and personal biography, determines the relevance of this research. The search in the Russian State Historical Archive (RSHA) resulted in establishing certain facts and revealed a documentary source containing personal information about Nikolay Shakhov, namely a set of ennoblement records granting nobility to the Shakhov family. These records enabled not only to clarify the information about Nikolay Shakhov obtained earlier, but also to draw up his brief biography and establish the fact that he was the son of Alexander Nikolayevich Shakhov, a prominent statesman of the XIX century. This collection of documents, however small, opens up opportunities for further research aimed at finding new facts from Nikolay Shakhov's biography, reconstructing his life story, establishing his family relations and environment, as well as drawing up and clarifying the Shakhov family tree in the longer term.

Keywords: Russian State Historical Archive, Nikolay Shakhov, correspondent of Fyodor Dostoevsky, *Grazhdanin* weekly, anonymous contributor, nobility family tree, ennoblement records, biography, biographical studies, biographical method

***** The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 17-04-00619 "The editorial archive of the newspaper/magazine *Grazhdanin* (*The Citizen*) (1872–1879)".

Cite this article as: Alekseeva L. V. Ennoblement records as a source for the biography of N. Shakhov, an anonymous contributor to *Grazhdanin* weekly. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 23–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.446

REFERENCES

1. Alekseeva L. V. Who is behind the pseudonym "X."? *The Unknown Dostoevsky.* 2016. No 2. P. 45–53. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1484829929.pdf (accessed 01.08.2019). (In Russ.)
2. Belen'kiy I. L. Problems of the biographical genre in Soviet historical science: Scientific and Analytical Review. Moscow, 1988. 28 p. (In Russ.)
3. Belen'kiy I. L. National history. Russian history from the ancient times to 1917: Encyclopedia: In 5 vols. Moscow, 1994. Vol. 1. P. 233–234. (In Russ.)
4. Belov S. V. F. M. Dostoevsky and his circle. Encyclopedic dictionary. St. Petersburg, 2001. Vol. 2. 544 p. (In Russ.)
5. Valevskiy A. L. Foundations of biographical studies. Kiev, 1993. 110 p. (In Russ.)
6. Valevskiy A. L. A Biographical studies as a humanitarian discipline. *Persons: Biographical almanac.* Moscow, St. Petersburg, 1995. No 6. P. 32–68. (In Russ.)
7. Volkov S. V. Russian officer corps. Moscow, 2003. 414 p. (In Russ.)
8. Glukhovskaya I. I., Romanova S. N. Index of types of documents containing genealogical Information (from the XVI century to 1917). *Herald of an Archivist.* 1998–1999. No 46–50. Available at: http://www.familytree.ru/ru/vniidad/pointer.htm (accessed 20.11.2019). (In Russ.)

9. Dubina V. S., Polskoy S. V. "Special way" of Russian nobility in home and west historiography. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009. Vol. 11. No 2. P. 227–234. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobyy-put-russkogo-dvoryanstva-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-istoriografii (accessed 20.11.2019). (In Russ.)
10. Dumin S. V. Lists of noble families of the Russian Empire by provinces. Bibliographic index. *St. Petersburg Genealogical Portal PETERGEN.COM*. Available at: http://www.petergen.com/metod/spdv.shtml (accessed 01.08.2019). (In Russ.)
11. [Ivanov Yu.] The Church of the Rzhev Icon of the Mother of God at the Prechistenka Gate. *Electronic periodical "Churches of Russia"*. Available at: http://www.temples.ru/card.php?ID=1855 (accessed 01.08.2019). (In Russ.)
12. Lebedeva E. Churches of the Rzhev Icon of the Mother of God in Moscow. *Web portal Pravoslavie.RU*. Available at: http://pravoslavie.ru/343.html (accessed 01.08.2019). (In Russ.)
13. Medvedeva E. V. Biographical studies in the context of regional library science research. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2013. No *3 (11). P. 46–49. Available at:* http://journals.tsu.ru/uploads/import/927/files/11-046.pdf (accessed 25.12.2019). (In Russ.)
14. Meylakh B. S. Biography as a methodological problem. *Person of Science*. (M. G. Yaroshevskiy, Ed.). Moscow, 1974. P. 7–18. (In Russ.)
15. Merkulov I. V., Shtykov N. V. The origins of the Shishkov noble family genealogy. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 16. No 3 (2). P. 349–358. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-pokoleniya-dvoryanskogo-roda-shishkovyh/viewer (accessed 20.11.2019). (In Russ.)
16. Merkulov S. A., Kazakova E. A. The evolution of attitudes and transformation approaches in drafting strictly documented scientific biographies. *Tomsk State University Journal of History*. 2014. No 2 (28). P. 64–67. Available at: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1045/files/28_064.pdf (accessed 25.12.2019). (In Russ.)
17. Nekrasova N. V. Biographical studies. *Theory and methodology of historical science: Terminological dictionary*. (A. O. Chubaryan, Ed.). Moscow, 2014. P. 31–33. (In Russ.)
18. Nikolaeva A. B. Main historical-hermeneutic factors of scientific biography text construction as ontocultural continuum. *Manuscript*. Tambov, 2018. No 9 (95). P. 75–78. Available at: http://scjournal.ru/articles/issn_2618-9690_2018_9_16.pdf (accessed 25.12.2019). (In Russ.)
19. Petrovskaya I. F. Biographical studies: Introduction to science and review of biographical information sources on Russian prominent figures of 1801–1917. St. Petersburg, 2009. 384 p. (In Russ.)
20. Sokolova E. V. The procedure of granting and confirming titles of nobility in the Pskov region in the late XVIII and the early XIX centuries. *Pskov*. 2008. No 28. P. 21–30. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-poryadke-prisvoeniya-i-podtverzhdeniya-dvoryanskogo-dostoinstva-v-pskovskom-krae-v-k-xviii-n-xix-vv (accessed 20.11.2019). (In Russ.)
21. "Current chronicle and special incidents". Diary of V. F. Odoevsky, 1859–1869. *Literary heritage*. (P. I. Lebedev-Polyanskiy, Ed.). Moscow, 1935. Vol. 22/24. P. 79–308. (In Russ.)
22. Timofeev L. V. Facts and speculations about the origin of Alexey Nikolayevich Olenin. *Petersburg Historical Journal*. 2015. No 4. P. 268–285. Available at: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/11/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB_8_print.pdf (accessed 20.11.2019). (In Russ.)
23. Fedoseev R. V. Structure of the Middle Volga nobility tenure in the second half of XIX century – early XX century. *Economic History*. Saransk, 2014. No 2 (25). P. 66–75. Available at: http://jeh.isi.mrsu.ru/assets/econ_hist_2014_25.pdf (accessed 01.08.2019). (In Russ.)
24. [Chistyakov O. I.] Russian legislation between the X and the XX centuries: in 9 vols. Vol. 4: Legislation of the time of absolutism formation. Moscow, 1986. 512 p. (In Russ.)
25. [Chistyakov O. I.] Russian legislation between the X and the XX centuries: in 9 vols. Vol. 5: Legislation of the time of absolutism rise. Moscow, 1987. 528 p. (In Russ.)
26. Yakovenko T. G. Documents of the Russian State Historical Archive as the source for studying the history of the Ott noble family. *Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 2. 2008. Issue 2. P. 44–52. Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/dokumenty-rgia-kak-istochnik-dlya-izucheniya-istorii-dvoryanskogo-roda-ottov (accessed 01.08.2019). (In Russ.)
27. Yaroshevskiy M. G. Biography as a research problem. *Person of science*. (M. G. Yaroshevskiy, Ed.). Moscow, 1974. P. 45–56. (In Russ.)

Received: 17 December, 2019

Т. 42. № 2. С. 32–41 **Отечественная история** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.447
УДК 94(47).084.3

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БОЧКОВ
доктор исторических наук, профессор, член совета
Межрегиональная общественная организация «Академия военно-исторических наук»
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
be57@yandex.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КАРЕЛИИ. ВТОРЖЕНИЕ ОЛОНЕЦКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Актуальность данной темы определяется необходимостью объективного анализа и оценки событий Гражданской войны в Карелии (1918–1920), а также вмешательства иностранных государств (в частности, Финляндии) во внутренние дела РСФСР. На основе ранее не публиковавшихся архивных документов и мемуарных источников исследована военно-политическая обстановка, сложившаяся на Северо-Западе России весной – летом 1919 года; освещены многочисленные факты вмешательства Финляндии во внутренние дела РСФСР; раскрыта подрывная деятельность финских политических и военных деятелей, направленная на разжигание сепаратистских настроений среди местного карельского населения; выявлена роль Олонецкой добровольческой армии как инструмента реализации агрессивных планов военно-политического руководства Финляндии. Олонецкий поход финских «добровольцев» (1919) является типичным примером открытой военной интервенции против советской республики с целью отторжения русской Карелии. Меры, предпринятые Реввоенсоветом республики, командованием 7-й армии, морских сил Балтийского моря и Онежской флотилии весной – летом 1919 года по отражению агрессии, не всегда оказывались эффективными в силу объективных и субъективных причин. На Северо-Западе России (как и по всей стране) шел сложный процесс формирования РККА и РККФ из осколков Русской императорской армии и Русского императорского флота. Значительный вклад в создание боеспособных вооруженных сил советской республики внесли бывшие офицеры Российской империи, участники Первой мировой войны (1914–1918), принявшие командование армиями, дивизиями, полками, флотами, флотилиями и кораблями в сложный период отечественной истории.

Ключевые слова: русская Карелия, Финляндия, белофинские войска, Олонецкая добровольческая армия, финские егеря, Гражданская война, военная интервенция, междуозерный район, Олонецкий боевой участок, морские силы Балтийского моря, Онежская флотилия, минный заградитель, сторожевое судно

Для цитирования: Бочков Е. А. Гражданская война и военная интервенция в Карелии. Вторжение Олонецкой добровольческой армии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 32–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.447

ВВЕДЕНИЕ

История Гражданской войны в Карелии (1918–1920 годы) по-прежнему привлекает внимание отечественных и зарубежных историков, несмотря на то, что по этой теме написаны десятки книг и сотни статей. Это вполне объяснимо: со временем меняются социально-политические взгляды исследователей, выявляются новые источники. Все это требует переосмысления и оценки. Также необходимо учитывать и то обстоятельство, что даже по истечении столетнего периода последствия гражданского противостояния в России, на наш взгляд, не преодолены. Полярные суждения о событиях Гражданской войны можно встретить как в научной литературе, так и на бытовом уровне. Некоторые новые аспекты гражданского противостояния в Карелии в 1918–1920 годах и роли Финляндии в ее разжигании раскрывают документы, выявленные в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ).

* * *

В течение января – марта 1919 года Финляндия официально не вела крупномасштабных военных действий против РСФСР. Лишь небольшие отряды финских добровольцев просачивались на советскую территорию в район Реболы и Поросозера. 21 января 1919 года начальник штаба 7-й армии РККА сообщал, что

> «в наступлении противника в районе Совдозеро участвовали, главным образом, карелы под руководством финнов; в настоящее время отряд отступил в пределы Финляндии»[1].

Однако руководство Финляндии уже длительное время вынашивало планы по аннексии рус-

© Бочков Е. А., 2020

ской Карелии. Финское командование заранее тщательно готовило крупное военное вторжение в Россию. Агентурная разведка Красной армии уже с декабря 1918 года фиксировала активную военную деятельность финнов в непосредственной близости от границ Советской России. В оперативной сводке командования 7-й армии от 28 декабря 1918 года сообщалось:

«За истекшую неделю замечалась особенная активность в тылу противника. По словам местных жителей и беженцев, противником предполагается произвести нападение на русскую Карелию во многих местах фронта. По-видимому, в связи с этим в Сердоболе… сосредоточено разного рода войск 10 тыс. при 9 орудиях и 10 аэропланах. Причем замечен подвоз из Импелахти значительного количества боевых припасов и продовольствия. На пароходе "Валаам", стоящем в Сердоболе, устроен склад патронов… На побережье Ладожского озера в деревне Конгунойа (Так в документе. – *Е. Б.*) находится штаб восточно-карельской группы [войск] в 40 человек при 20 человек охраны. Начальник штаба – немец Гейценден. В Кяснясельки, будто бы, ожидается прибытие крупных сил. В местечке Копринойа находятся 50 человек и лазарет, в Куопио – до 10 тыс. войск, в Салми – 300 человек пехоты при пяти легких орудиях. Ладожское озеро – два парохода бывшего Выборгского пароходства "Выпури". Оба служат подвижной огнестрельной базой»[2].

Весной 1919 года военно-политическая обстановка в Карелии значительно обострилась в связи с наступлением английских и белогвардейских войск на северодвинском, вологодском и петрозаводском направлениях. 11 апреля 1919 года белогвардейские войска при поддержке англичан захватили железнодорожную станцию Уросозеро, расположенную на перегоне Медвежья Гора – Сегежа. В этой обстановке и руководство Финляндии решило отрезать свой кусок от «русского пирога».

В апреле 1919 года финны под лозунгом «освобождения» соплеменников от власти большевиков начали непосредственное осуществление плана по аннексии советских территорий. 21 апреля 1919 года отряды так называемой Олонецкой добровольческой армии (фин. *Aunuksen vapaaehtoinen armeija*, сокращенно *AVA*), сформированной в Финляндии, перешли границу на нескольких участках и вторглись в Карелию на олонецком и пряжинско-петрозаводском направлениях. К началу вторжения, по данным А. В. Кийски, численность финских добровольцев составляла более 1 тыс. человек. Всего в экспедиции участвовало около 4,5 тыс. финских добровольцев и 2 тыс. карел. Наибольшая одновременная численность финнов на фронте составляла до 3 тыс. человек[3]. На вооружении «добровольцев» были не только легкое стрелковое оружие, но и станковые пулеметы и артиллерийские орудия.

Официально Финляндия не вела военные действия против РСФСР. Но реально формирование, вооружение, материальное обеспечение Олонецкой добровольческой армии осуществляло финляндское государство. Это не являлось секретом для командования РККА. Штаб Онежской флотилии на основе имеющихся разведывательных данных обоснованно делал вывод о причастности реакционных политических сил Финляндии к созданию «добровольческой армии»:

«…Способы организации первоначальных белых добровольческих отрядов, их материальное и боевое снабжение, а также целый ряд других симптомов явственно указывали на закулисное содружество с главными вдохновителями этого движения, моральную и материальную поддержку их»[4].

В составе войск, вторгшихся весной 1919 года на территорию РСФСР, было 118 активистов егерского движения, прошедших военную подготовку в Германии. Командование подразделениями Олонецкой добровольческой армии осуществляли кадровые финские офицеры. Командующим армией был назначен подполковник Н. Э. Гадолин. Руководство Финляндии, чтобы дистанцироваться от участия в этой военной авантюре, на период Олонецкого похода отправило своих военнослужащих «в длительный отпуск».

Финское командование для вторжения на территорию Карелии создало две группы. Северная группа включала: 3-й батальон численностью 200 человек под командованием майора П. Талвела (П. Ю. Торена), дислоцировался в деревнях Орусъярви и Кяснясельки; 4-й батальон численностью 327 человек егерского лейтенанта Л. А. Маскула был сосредоточен в деревне Кайпаа. В его составе было около 100 карел из различных населенных пунктов Олонецкой губернии. Группа имела задачу наступать по двум маршрутам через Тулмозеро – Ведлозеро и Вешкелицу – Сямозеро на Пряжу и Петрозаводск. Южная группа также состояла из двух батальонов: 1-й батальон (300 человек), командир – капитан У. Сихвонен; 2-й батальон (около 300 человек), командир – капитан К. Хюппёля. Батальоны дислоцировались в селе Салми[5]. Южная группа должна была, продвигаясь вдоль восточного побережья Ладожского озера через Видлицу – Олонец, вести наступление на Лодейное Поле. Координировал действия 1-го и 2-го батальонов немецкий офицер на финской военной службе майор Г. Э. фон Герцен. Кроме того, на олонецком направлении со льда Ладожского озера действовали два отряда, выполнявшие специальные (диверсионные) задачи: разведывательный отряд (взвод) фельдфебеля П. Марттина и рота фельдфебеля Исотало из состава 2-го батальона.

Для борьбы с белофиннами в южной Карелии Красная армия располагала ограниченными силами и средствами. Один из агентов американской и британской разведок бывший чиновник московской таможни П. М. Солюс (проходивший в ноябре – декабре 1918 года в качестве обвиняемого по делу американского дипломата Р. Б. Локкарта), посетивший 22–23 августа 1918 года Петрозаводск с разведывательной целью, в своем донесении писал:

«Советские войска разбросаны незначительными отрядами по всей площади Олонецкой губ[ернии], так, например, штаб 3-го пехотного Олонецкого полка стоит в гор[оде] Лодейное Поле, а остальные части раскинуты по всему уезду. Это объясняется тем, что все силы, которыми только могла располагать советская власть, двинуты на север против наступления английских войск» [1: 501].

К началу января 1919 года задачи по обороне перешейка между Онежским и Ладожским озерами (Олонецкого перешейка) были возложены на 19-ю стрелковую дивизию (начальник дивизии – П. А. Солодухин, военный комиссар – М. Г. Авсарагов, начальник штаба – Н. И. Кадников) в составе трех пехотных бригад, отдельного кавалерийского дивизиона и двух артиллерийских дивизионов[6]. С целью централизации управления была введена должность командующего войсками междуозерного района. Фронт был разбит на два боевых участка. Правый боевой участок находился в зоне ответственности 1-й пехотной бригады под командованием А. М. Рябинина (163-й стрелковый полк, 164-й финский стрелковый полк, 165-й стрелковый полк, 1-й легкий артиллерийский дивизион); всего – девять стрелковых батальонов, восемь артиллерийских орудий[7]. Штаб бригады размещался в г. Петрозаводске. Левый боевой участок обороняла 3-я пехотная бригада под командованием А. П. Николаева (169-й стрелковый полк, 170-й стрелковый полк, 171-й стрелковый полк, 2-й легкий артиллерийский дивизион); всего – девять стрелковых батальонов, восемь артиллерийских орудий[8]. Штаб бригады дислоцировался в Лодейном Поле. Перед 3-й бригадой была поставлена задача:

«Выдвинуть заставы силою взвод каждая в направлении д[еревень] Нурмойла и Ильинское, главными силами оставаясь на занимаемых ныне местах, имея в виду прикрыть собою олонецкое направление со стороны финляндской границы»[9].

В связи с отсутствием на данном участке боеспособных регулярных частей Красной армии, белофинские войска беспрепятственно двигались вглубь советской территории. Разгромив советскую погранзаставу в деревне Погранкондуши, отряды Олонецкой добровольческой армии утром 21 апреля 1919 года подошли к населенному пункту Видлица. Регулярных частей Красной армии в селе не было. Здесь находились лишь штаб пограничного отряда и небольшая вооруженная группа крестьян, поддерживающих советскую власть. Она была сформирована по инициативе местной ячейки РКП(б). Несмотря на то что силы были неравными, было решено оказать вооруженное сопротивление белофинским интервентам.

Бой начался в поле на подступах к селу. Руководил им председатель волостной парторганизации, рабочий Путиловского завода М. Е. Розенштейн. Под натиском превосходящих сил противника отряд вынужден был отойти к селу и занять оборону в каменном здании церкви. В течение дня бойцы отражали непрерывные атаки белофиннов. Бой завершился только с наступлением сумерек. На следующий день, 22 апреля, интервентам удалось ворваться в церковь. М. Е. Розенштейн, не желая сдаться врагу, застрелился. Оставшиеся в живых бойцы были схвачены белофиннами и после истязаний расстреляны на окраине села.

23 апреля 1919 года отряды добровольческой армии заняли Тулоксу, вечером этого же дня – Олонец, 24 апреля – Вешкелицу. Местные жители радостно встретили финнов и накрыли для них столы с угощением. 70 карел пополнили ряды Олонецкой добровольческой армии. В Вешкелице из числа местных жителей был создан отряд самообороны, а для прикрытия тыла из состава батальона в селе было оставлено 25 человек. Утром 25 апреля батальон вышел из Вешкелицы по направлению к Сямозеру. Деревню Эссойла удалось взять без боя. Утром 26 апреля белофинны, застигнув врасплох спящих красноармейцев, также без боя захватили Алёкка. В плену оказался 31 красноармеец. По утверждению А. В. Кийски, «русских отпустили по домам, а финны и карелы, как предатели племенной идеи, были расстреляны на месте»[10]. Во время Олонецкого похода это была общая практика. Существовал даже специальный приказ Н. Э. Гадолина относительно пленных: «…не создавать специальных мест для содержания пленных и подразделений для их охраны, пленных или расстреливать на месте, или отпускать по домам»[11].

29 апреля северная группа добровольческой армии захватила Пряжу. Отряды южной группы, сломив сопротивление частей Красной армии и партизанских отрядов, вышла на рубеж реки Свирь в районе Лодейного Поля. 3 мая белофиннами были захвачены населенные пункты Коткозеро и Матросы. Возникла реальная угроза захвата противником Петрозаводска.

В советской историографии, посвященной Гражданской войне в Карелии, традиционно го-

ворилось о «героическом сопротивлении» Красной армии белофинским интервентам [2: 29], [6: 37–42]. Не отрицая фактов мужества и героизма отдельных защитников Советской Карелии, приходится признать, что ряд частей РККА проявил малодушие, а нередко и трусость. Принципиальная оценка боеспособности воинских частей, оборонявшихся в конце апреля 1919 года на подступах к Олонцу, дана в документах штаба Онежской флотилии:

«22 апреля [1919 г.] в районе Олонца внезапно начала действие “Олонецкая добровольческая армия”. Совершенно неожиданным открытием военных действий эта армия вселила панику в наши сухопутные военные части и вызвала паническое отступление от Олонца на Лод[ейное] Поле, и 27-го числа передовые части противника подошли на четыре версты к правому берегу р[еки] Свирь против селения Канома»[12].

В машинописном тексте архивного документа имеются правки карандашом, и в окончательном варианте характеристика деятельности сухопутных войск звучит значительно мягче.

29 апреля 1919 года Петроградский комитет РКП(б) постановил немедленно (не позже 2 мая) отправить 1 тыс. мобилизованных на Карельский фронт и 1 тыс. коммунистов – на Олонецкий фронт [4: 186]. 2 мая 1919 года Совет рабочей и крестьянской обороны советской республики объявил Петроград, Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. 4 мая 1919 года была объявлена всеобщая мобилизация. Для отпора войскам Белого движения и финским интервентам действовавшие на Олонецком перешейке части Красной армии были подчинены единому командованию. Приказом командующего войсками 7-й армии А. К. Ремезова от 19 мая 1919 года № 193 командующим войсками междуозерного района был назначен Н. Н. Жданко. Левофланговым – олонецким – участком командовал начальник 1-й стрелковой дивизии М. П. Гусаров. В первых числах июня М. П. Гусаров принял на себя общее командование войсками междуозерного района.

11 мая 1919 года из штаба 7-й армии в адрес начальника морских сил Балтийского моря была направлена гневная телеграмма:

«Срочно донести, почему флотилии Ладожского озера и заградители “Яуза”, “Березина” и “Шексна” не воспрепятствовали противнику произвести высадку десанта на восточном берегу [Ладожского] озера и какие меры были приняты для наблюдения за деятельностью противника в Ладожском озере»[13].

По нашему мнению, данная телеграмма является не чем иным, как попыткой штаба 7-й армии переложить ответственность на командование Онежской флотилии. Дело в том, что вторжение Олонецкой добровольческой армии на территорию Карелии было осуществлено на сухопутном участке. Корабли Онежской флотилии никоим образом не могли противодействовать противнику на побережье. Ледовая обстановка на реках и в Ладожском озере в конце апреля 1919 года не позволяла начать навигацию, и корабли флотилии находились в пунктах базирования. Также необходимо учитывать и то обстоятельство, что командование Онежской флотилии не располагало достаточными силами и средствами для противодействия противнику на Ладожском озере, где финны имели боевые корабли и авиацию (в том числе гидропланы). Главное командование РККА в своих указаниях, направленных начальнику морскими силами республики Е. А. Беренсу 22 мая 1919 года № 2415/оп, было вынуждено признать, что на Ладожском озере

«в настоящее время флотилия противника сильнее нашей. Это обстоятельство для нас чревато весьма пагубными последствиями, так как при сохранении этого положения противник получит возможность делать десант на южном берегу Ладожского озера и развивать операции в южном и юго-западном направлениях…» [3: 372].

Успех Олонецкой добровольческой армии во многом был обеспечен и ее высокой боевой способностью, хорошим техническим оснащением и материальным обеспечением. Современному читателю необходимо понимать, что это не была толпа вооруженных людей. Это было полноценное воинское формирование, возглавляемое опытными командирами, прошедшими обучение в Германии и получившими боевой опыт в рядах кайзеровской армии в годы Первой мировой войны. Объективную оценку противнику дало командование Онежской флотилии:

«…Следует отметить основные черты первоначально высшего командования [Олонецкой добровольческой армии]. Правильный выбор главных ударных направлений, основанный на знании топографических особенностей местности, и расположения войск противника, технические передвижения частей, организация и систематизация [данных] разведки, выбор главных и тактических баз, великолепное их оборудование и снабжение, хорошо поставленная служба связи – все это вместе взятое с несомненностью доказывало большую степень подготовленности командования к общему руководству армией»[14].

Характер военных действий на Олонецком перешейке имел ряд особенностей. Во-первых, в военные действия были вовлечены не только регулярные войска, но и различные партизанские отряды, местное вооруженное население, не подчинявшееся никакой власти, а также группы вооруженных дезертиров. Во-вторых, в силу местных географических и военно-политических условий здесь отсутствовал сплошной фронт, бои

носили преимущественно очаговый характер, поэтому противники часто использовали такие тактические формы, как обход и охват противника, рейдовые действия в тылу противника и налет, поиск (ведение войсковой разведки подвижными группами). В-третьих, военные действия на территории Карелии не являлись непрерывными. Бои возобновлялись в различных районах после нескольких недель затишья в зависимости от конкретных условий. Все это создавало ситуацию непредсказуемости и случайности происходящего. Эти выводы подтверждаются оперативными документами штаба 7-й армии РККА. В донесении от 6 мая 1919 года сообщается:

«Нашими войсками заняты Лижмозеро в 20 верстах севернее и Заостровье в 20 верстах западнее Олонца. Окруженный противник, отходящий в северо-западном направлении, оказывает упорное сопротивление на сооруженных им в Олонце баррикадах»[15].

Однако уже на следующий день оперативная обстановка резко изменилась:

«На Олонецком участке наше наступление успешно развивалось. На Петрозаводском шоссе мы заняли деревню Торосозеро и по Финляндскому шоссе продвинулись на 13 верст от Олонца. По дальнейшим донесениям начальника Олонецкого участка тов. Гусарова, противник высадил большой десант и давлением на наши части вынудил к отходу. Части отступают по дороге на Лодейное Поле, оставив Олонец в руках противника… Из Петрозаводска отправлено в Лодейное Поле все, что можно. Но теперь, с занятием противником вновь Олонца, надо ожидать дальнейших его операций на Петрозаводск со стороны Пряжи»[16].

Всю первую половину мая на олонецком и петрозаводском направлениях шли напряженные бои между частями Красной армии и финскими интервентами. Архивные документы свидетельствуют о том, что морально-политическое состояние личного состава противоборствующих сторон было низким. В оперативных сводках можно найти немало примеров тому, когда и белые, и красные части в условиях неопределенности обстановки поддавались панике и покидали занимаемые позиции. В телеграмме штаба 7-й армии от 7 мая 1919 года читаем:

«Закончен охват оставшихся в тылу белых. Последние [отряды Олонецкой добровольческой армии], разбитые в районе Сармяги – Гомаргора (в 20 верстах южнее Олонца), потеряв всякую организованность, побросав оружие, разбежались по лесам. Севернее Олонца разбитый противник поспешно отступает по дорогам к финской границе…»[17].

Через два дня ситуация на фронте кардинально изменилась. Распространившиеся слухи о высадке белофинского десанта в тылу частей Красной армии, оборонявшихся в районе Олонца, вызвали панику среди личного состава. В оперативной сводке за 9 мая 1919 года командование 7-й армии сообщало:

«47-й стр[елковый] полк, занимавший оборону в 30 верстах западнее Олонца, обойденный белыми, в панике начал отступление, остановить которое удалось лишь на линии реки Мегрега»[18].

При этом в ходе отступления часть военного имущества и боеприпасов была уничтожена, а значительная часть просто брошена. Организационные выводы последовали незамедлительно. Командующий войсками междуозерного района Н. Н. Жданко в приказе от 11 июня 1919 года № 10 писал:

«За донесение о десанте и о глубоких обходах по непроверенным данным, за отход от Олонца без боя, [за] распоряжение о взрыве части продовольственных припасов, снарядов и патронов, количество которых выясняется, [за] потерю связи отходящего штаба [Олонецкого] участка со штабом [междуозерного] района в течение нескольких часов начальника Олонецкого участка тов[арища] Франка отрешить от командования участком»[19].

Прибывшему из отпуска М. П. Гусарову этим же приказом было предписано вступить в командование войсками олонецкого участка.

Обеспечение Олонецкой добровольческой армии вооружением, боеприпасами, продовольствием, обмундированием и другими материальными средствами осуществляла Финляндия. На восточном побережье Ладожского озера в селе Видлица белофинны создали опорную базу, через которую войска интервентов снабжались всем необходимым для ведения военных действий в русской Карелии. Здесь же был развернут штаб Олонецкой добровольческой армии и госпиталь. Выбор командованием Олонецкой добровольческой армии села Видлица в качестве базы для снабжения своих войск был не случаен. Географически оно находилось недалеко от границы с Финляндией, что позволяло оперативно перебрасывать сюда резервы и пополнять запасы материальных средств как по суше (гужевым и автомобильным транспортом по почтовому тракту вдоль восточного берега), так и по воде (на судах через Ладожское озеро).

Село имело развитую инфраструктуру. Здесь находилось отделение Путиловского завода – чугунолитейный завод, имелась телеграфная связь. У Видлицы было хорошее дорожное сообщение с уездным городом Олонцом (49 км). Немаловажное значение имело и то, что населенный пункт находился в устье реки Видлица у ее впадения в Ладогу. Глубины здесь составляли 10–12 м, что обеспечивало безопасную навигацию. А глубоководное русло реки делало ее судоходной для судов с большой осадкой и позволяло им укрываться в устье в случае шторма. Один из участни-

ков Олонецкого похода (1919) Л. Меримаа в своих мемуарах, изданных в Хельсинки в 1930 году, писал, что созданная в Видлице база была «для южных отрядов армии одним из важных этапных пунктов: туда прибывало из Финляндии на кораблях пополнение и военное снаряжение…» [2: 30].

Переброска подкрепления и вооружения в Видлицу осуществлялась с западного побережья Ладоги, из Сердоболя (Сортавалы). По данным агентурной разведки Красной армии, там были сосредоточены большие запасы артиллерийского и стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и инженерного имущества. По состоянию на 14 мая 1919 года в Сердоболе находились пароходы «Тампере» и «Мурман», вооруженные одним 5-дюймовым и двумя 4-дюймовыми орудиями; пароходы «Випури» и «Пеллер» (без артиллерийского вооружения); пароходы «Валаам» (с огнеприпасами) и «Ласточка». Финские суда вели разведку, несли сторожевую службу, огнем своих орудий поддерживали действия сухопутных войск против Красной армии, регулярно доставляли в районы боевых действий оружие и боеприпасы. На аэродроме, расположенном в окрестностях города, базировалась авиация из состава 1-го авиаотряда ВВС Финляндии в готовности поддержать с воздуха действия «добровольцев» в русской Карелии: девять аэропланов, в том числе восемь гидропланов[20]. Аэропланы были иностранного (в основном германского и французского) производства. Летный состав был представлен «белым интернационалом» – немцы, французы, шведы, русские, финны.

Хорошо осознавая оперативное значение Видлицы как опорной базы, командование Олонецкой добровольческой армии предприняло все меры для ее надежной обороны. В селе располагался многочисленный гарнизон. На побережье в районе завода были установлены четыре 88-мм полевых орудия германского производства и четыре 57-мм пушки, а в районе пристани – три японских бомбомета. Одна 57-мм пушка была установлена в районе устья реки Тулокса с целью не допустить проход судов противника вверх по реке и высадку десанта.

28 апреля 1919 года командующий Олонецкой добровольческой армией Н. Э. Гадолин из-за разногласий, возникших с одним из инициаторов похода майором Г. Э. фон Герценом, подал рапорт об отставке. 15 мая 1919 года на эту должность был назначен полковник А. Сихво. 11 мая 1919 года финские отряды, действовавшие на южном участке, были объединены и преобразованы в 1-й полк Олонецкой добровольческой армии. Командиром полка был назначен майор Г. Э. фон Герцен. 22 мая северная группа была переформирована во 2-й полк под командованием П. Талвела.

Командование Красной армии и Балтийского флота осознавало важность Видлицы в оперативном отношении. Однако ни командование войсками междуозерного района, ни командование Онежской флотилии не имели сил и средств для освобождения Видлицы. Все, что могло предпринять командование Олонецкого боевого участка против финских интервентов, окопавшихся на восточном побережье Ладоги, это ведение разведки и беспокоящий обстрел берега судами Онежской флотилии. Приказание командующего войсками Олонецкого участка об обстреле побережья без разведки конкретных целей вызывало у флотского командования непонимание и протест.

Начальник дивизиона заградителей Онежской флотилии В. Е. Бурачёк докладывал 8 мая 1919 года:

> «С сухопутным начальством очень трудно разговаривать, нашего дела они не понимают. Например, заставили меня обстреливать дорогу, идущую параллельно берегу. Мои указания на бесцельность не помогли. Суда расстреляли запас. Я указал срок, к которому они вновь будут боеспособны. Но начальство, не дожидаясь срока, требовало от меня повторение сделанного абсурда»[21].

За два часа минные заградители «Куница» и «Горностай» сделали 33 залпа, израсходовав 95 снарядов[22]. Результаты обстрела остались неизвестны, так как дорога проходила за лесом и была скрыта от наблюдения со стороны озера. Между тем приказания М. П. Гусарова об обстреле побережья судами флотилии для «создания паники среди войск противника» продолжали поступать ежедневно.

Однако есть и примеры результативных действий судов Онежской флотилии против Олонецкой добровольческой армии. 8 мая 1919 года заградители «Куница» и «Горностай» были направлены для наблюдения за обстановкой в район населенных пунктов Видлица и Тулокса. Вечером этого же дня В. Е. Бурачёк докладывал юзограммой[23] начальнику морских сил Балтийского моря:

> «При выполнении поручения в 8 часов 55 минут [суда] приблизились к берегу у [села] Видлица на 11 кабельтовых и были встречены оружейным огнем с берега. В устье реки [Видлица] были обнаружены два парохода, по которым был открыт огонь из орудий. Одному пароходу удалось уйти вверх по реке, другой не успел отойти от пристани и [был] уничтожен. За пристанью у моста обнаружено [сооружение], похожее на радиотелеграфную точку»[24].

На сухопутном участке фронта части Красной армии вели напряженные бои за овладение этим важным в оперативном отношении районом. Об

ожесточенности боев свидетельствует оперативная сводка командования 7-й армии от 15 мая 1919 года:

«После упорных уличных боев нами взят Олонец. Частями, наступающими на флангах, захвачены [населенные пункты] Сельги Малые и Сельги Большие, что в десяти верстах северо-восточнее, и Заостровье, в пяти верстах западнее Олонца. Наши части преследуют отступающего противника. В Олонце нами захвачено три орудия, склад винтовок, патронов, пулеметных лент, подрывного материала и фуража. В населенном пункте Сельги Большие захвачено несколько подвод с германскими винтовками и воз шинелей»[25].

В телеграмме от 19 мая 1919 года сообщалось:

«Наши части заняли населенный пункт Сяндебская Пустынь, но противником, перешедшим на всем фронте в наступление, оттеснены со значительными потерями к Тенгу-Сармяги. В районе Ренила (Так в документе. – *Е. Б.*) неприятель, занявший южный берег [реки] Тулоксы, нашей контратакой отброшен. Участвовавшая в бою наша артиллерия, выкатив орудия в передовую цепь, обстреляла противника прямой наводкой»[26].

20 мая 1919 года штаб 7-й армии докладывал начальнику морских сил республики:

«Неприятель, занявший Вехтозеро, что северо-восточнее Торосозера, нашей контратакой выбит. К западу от Торосозера по притоку [реки] Тулоксы нами заняты Гушкола и Санаевская Пустынь. 19 мая наши части заняли правобережье [реки] Тулоксы, где в районе Ренила (Так в документе. – *Е. Б.*) и Верхний Конец идет ожесточенный бой»[27].

В этот же день две роты противника при поддержке артиллерии переправились на левый берег реки Тулоксы и предприняли попытку ударить частям Красной армии во фланг. Однако с подходом резервов пехота белофиннов была окружена и уничтожена. В оперативной сводке штаба 7-й армии от 22 мая 1919 года сообщалось:

«На реке Тулокса четвертый день идет бой. Со стороны противника большое количество артиллерии. В шести верстах севернее Погоста Тулококкала нами прорван фронт противника, и наши части, переправившись через [реку] Тулоксу, пошли в обход левого фланга противника, принудив его отступить. Западнее деревень Рабола (Так в документе. – *Е. Б.*) и Ренила (Так в документе. – *Е. Б.*) противнику удалось по понтонному мосту переправиться на наш берег в обход нашего левого фланга. Но также огнем артиллерии и пулеметов с большим уроном был отбит»[28].

Частям Красной армии, сражавшимся на Олонецком перешейке, в этот период приходилось вести борьбу не только с отрядами белофиннов, но с вооруженными отрядами «местной самообороны». Значительная часть населения Карелии с настороженностью восприняла приход большевиков к власти в России. Карелы и советская власть мирно сосуществовали до тех пор, пока не были затронуты коренные интересы местного крестьянства. Антиправительственные выступления в южной Карелии начались после того, как советская власть попыталась провести мобилизацию местного населения в Красную армию.

Американский агент П. М. Солюс, упоминавшийся нами выше, так охарактеризовал сложившуюся в южной Карелии обстановку:

«В Олонецкой губернии крестьянство, смело можно сказать, все настроено враждебно к советской власти, и если это настроение сейчас не выливается в более резкой форме, то это можно объяснить, что и сама советская власть, очевидно, учитывая настроение и положение, не позволяет себе слишком сильного вмешательства во все внутренние дела крестьян. Для примера могу привести Купецкую волость Пудожского уезда Олонецкой губ[ернии], которая совершенно не признает советской власти и управляется внутри себя своим прежним укладом жизни, немного освеженным, а на попытку ввести в ее жизнь новые “советские порядки”, крестьяне помянутой волости ответили, что в них не нуждаются и на угрозу ввести эти порядки насильственным путем, ответили одним попробуйте; тем дело и ограничивается до настоящего времени. Мобилизация, объявленная Советской коммуной… в Олонецкой губернии совершенно не удалась, так как крестьяне во всех уездах и волостях заявили, что согласны подвергнуться мобилизации при условии, если оружие им будет выдано на месте, так как они прекрасно знают, с кем и за что надо драться» [1: 500–501].

Остается фактом, что карельское население Олонецкой губернии в большинстве своем поддержало Олонецкую добровольческую армию. Феномен этого явления объясняется не тем, что карелы разделяли идею создания «Великой Финляндии», а вполне прагматическими интересами. Как отмечает доцент Хельсинкского университета доктор философии Марина Александровна Витухновская-Кауппала, «карелы совершенно не были заражены в массе своей этой великой финской идеей»[29]. Более того, в массе своей карелы воспринимали финнов «как нечто чужеродное – по разным причинам, начиная от религиозных, кончая историческими» и не хотели связывать с ними свою судьбу[30]. К союзу с финнами карел подтолкнула политика большевиков, которые установили свою власть в южной Карелии. Объясняя этот факт, М. А. Витухновская-Кауппала подчеркивает:

«…Карелы крестьянский народ, и для них был важен мотив экономический, то есть, говоря совсем просто, самосохранение. Они боролись за то, чтобы их не довели до состояния голода, это была доминанта во всех их действиях, а большевики… очень активно занимались продовольственной насильственной политикой. Продразверстка, насильственная мобилизация, размещение формирований Красной армии в деревнях с использованием там соответственно инфраструктуры, скота, лошадей, которые были вообще самой главной ценностью для крестьян. И, конечно, в южной Карелии,

в Олонецкой Карелии, это давление большевистское породило противодействие»[31].

25 мая 1919 года штаб 7-й армии докладывал в центр о восстании крестьян в деревнях Лижмозеро – Белая Гора. Восставшие разоружили красноармейцев, а также захватили несколько пакетов с секретными донесениями[32]. Причем во главе восстания стояли представители местной власти. В оперативной сводке от 28 мая 1919 года сообщалось:

«Мобилизованные деревни Тивдия и Белая Гора восстали и захватили посланного с донесением и 900 патронами в первый пограничный батальон. Организаторы восстания – военный комиссариат в лице военкома, военрука и секретаря»[33].

Для подавления вооруженного выступления местного населения из Петрозаводска были отправлены рота 40-го стрелкового полка и отряд партизан, которым было приказано арестовать восставших, а в случае сопротивления – «вступить в бой». 29 мая 1919 года восстание в тылу Красной армии было подавлено, о чем телеграммой командование 7-й армии сообщило РВС республики.

Между тем в оккупированном финнами Олонце был создан Олонецкий временный организационный комитет, который должен был сформировать местное правительство из числа карел. Этими действиями руководители Финляндии формально снимали с себя ответственность за те события, которые развертывались в русской Карелии. В конце мая было создано Олонецкое временное правительство в количестве пяти человек. В него вошли представители города Олонца, Рыпушкальской, Видлицкой и Тулмозерской волостей Олонецкого уезда, а также Сямозерской волости Петрозаводского уезда. Председателем правительства был избран представитель известной в Олонце купеческой династии Г. В. Куттуев. Несмотря на создание местного правительства, Олонецкий временный организационный комитет, полностью состоявший из подданных Финляндии, продолжил свою работу. Этот факт наглядно свидетельствует о степени «независимости» самопровозглашенного правительства.

Более того, некоторые члены Олонецкого временного правительства были тесно связаны с финскими спецслужбами. Так, например, уроженец села Святозеро Петрозаводского уезда Н. Ф. Вешкельский, входивший в состав правительства, после разгрома Олонецкой добровольческой армии бежал в Финляндию. В 1919–1921 годах он самостоятельно и в составе группы сделал несколько ходок через границу с разведывательным заданием. Однако 11 июня 1921 года Н. Ф. Вешкельский вместе с другими членами разведгруппы был арестован олонецкими чекистами. При обыске у финских разведчиков были найдены оружие и антисоветская литература. Петрозаводские историки Э. П. Лайдинен и С. Г. Веригин в своей книге «Финская разведка против советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.)» пишут, что «финская сторона, что бывает редко, подтвердила направление Вешкельского с разведцелью в Карелию, заявив, что его арест явился для них большой потерей» [5: 187].

5–7 июня 1919 года в селе Видлица состоялось собрание, на котором присутствовали представители восьми волостей восточной Карелии. Они выразили поддержку Олонецкому временному правительству. С подачи финских кураторов делегатами была принята резолюция об отделении олонецкой Карелии от РСФСР и присоединении ее к Финляндии. Для ведения переговоров с официальными финляндскими властями в Гельсингфорс (Хельсинки) была направлена делегация.

Олонецкая добровольческая армия была лишь инструментом реализации агрессивных планов высшего политического и военного руководства Финляндии. Истинные планы были изложены в письме регента королевства Финляндии К. Г. Э. Маннергейма Верховному правителю России и Верховному главнокомандующему русской армией адмиралу А. В. Колчаку 10 июля 1919 года. Бывший генерал русской императорской армии хотел от бывшего адмирала русского императорского флота получить гарантии передачи Финляндии территорий в Карелии взамен на военную помощь[34].

Весь май и первую половину июня в южной Карелии шли бои местного значения. Ни белофинские войска, ни части Красной армии не могли переломить ситуацию в свою пользу. Крупное наступление Олонецкой добровольческой армии на Петрозаводск началось 20 июня 1919 года. Сломив сопротивление немногочисленных заслонов Красной армии, выставленных на правом берегу реки Вилга[35], передовые подразделения противника к исходу этого же дня вышли на рубеж Сулажгора – Виданы – Половина – Лососинское. Создалась реальная угроза захвата противником Петрозаводска. «К ночи [20 июня 1919 года] положение стало настолько серьезным, что в 1 ч[ас] 21 июня канонерки заняли на рейде [в Петрозаводской губе] позицию для обстрела вокзала и дороги от него в город», – говорится в отчете командования Онежской флотилии об участии флотилии в кампании 1919 года[36]. Бои в районе деревни Сулажгора продолжались несколько дней, но прорвать оборону советских войск белофиннам не удалось. 22 июня наступление интервентов на петрозаводском направлении окончательно вы-

дохлось. Части Красной армии, перейдя в контрнаступление, отбросили противника от Петрозаводска к деревням Виданы и Матросы.

Командование Олонецкой добровольческой армии, не сумев с ходу овладеть Петрозаводском, готовило новое наступление, подтягивало резервы, перебрасывало артиллерию, подвозило боеприпасы и материальные средства. Однако финским планам по захвату Петрозаводска не суждено было сбыться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторжение Олонецкой добровольческой армии весной 1919 года на территорию РСФСР и оккупация восточной Карелии являются классическим примером агрессии и военной интервенции со стороны Финляндии. Цель интервенции – отторжение русской Карелии. Вовлечение части карельского населения в боевые действия на стороне Олонецкой добровольческой армии во многом было обусловлено не симпатиями к идее «Великой Финляндии», а прагматическими причинами – протестом против реквизиции продовольствия и мобилизации в Красную армию.

Неудачи частей РККА в вооруженном противостоянии белофинским интервентам на Олонецком перешейке в апреле – июне 1919 года были обусловлены малочисленностью советских войск, их недостаточной боевой выучкой и низким политико-моральным состоянием отдельных частей (подразделений). Процесс формирования регулярной Красной армии, начатый в феврале 1918 года, был еще далек от завершения. Вместе с тем ряд частей РККА и сформированных из местных крестьян партизанских отрядов, показал примеры мужества и героизма в боях с белофиннами. Именно благодаря их усилиям удалось не допустить захвата противником Петрозаводска и создать предпосылки для изгнания оккупантов за пределы республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 127. Л. 49–50.
[2] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 127. Л. 6.
[3] Кийски А. В. Сямозерье во время Олонецкой экспедиции 1919 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://syamozero.ru/index.php/%D0%A1%D1%8F%D0%BC%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D1%80%D1%8C%D0%B5_%D0%B2%D0%BE_%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F_%D0%9E%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8_1919_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (дата обращения 17.05.2019).
[4] РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 349. Л. 57.
[5] Кийски А. В. Указ. соч.
[6] РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 349. Л. 152–153.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же. Л. 149.
[10] Кийски А. В. Указ. соч.
[11] Там же.
[12] РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 349. Л. 40.
[13] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 158. Л. 27.
[14] РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 349. Л. 57 об.
[15] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 128. Л. 17–18.
[16] Там же. Л. 28–29.
[17] Там же. Л. 23.
[18] Там же. Л. 39.
[19] РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 166. Л. 6.
[20] РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 175. Л. 4 об.
[21] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 158. Л. 22 об.
[22] Там же. Л. 30.
[23] Юзограмма – сообщение, передаваемое абоненту с использованием электрического буквопечатающего аппарата конструкции инженера Д. Э. Юза.
[24] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 158. Л. 28.
[25] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 128. Л. 58–59.
[26] Там же. Л. 82.
[27] Там же. Л. 85 об.
[28] Там же. Л. 98.
[29] Гражданская война в Карелии: противоборство сил и интересов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gazeta-licey.ru/public/70868-grazhdanskaya-voyna-v-karelii-protivoborstvo-sil-i-interesov (дата обращения 05.03.2019).
[30] Там же.

[31] Там же.
[32] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 128. Л. 125.
[33] Там же. Л. 169.
[34] Подробнее см.: Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. М.: Эксмо, 2018. С. 241–242.
[35] Река Вилга – приток реки Шуи.
[36] РГА ВМФ. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 349. Л. 72 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив ВЧК: Сборник документов / Отв. ред.: В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров; Сост.: В. Виноградов, Н. Перемышленкова. М.: Кучково поле, 2007. 720 с.
2. Власова М. Н., Морозов К. А. Видлицкая операция 27 июня 1919 г. (в воспоминаниях) // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918–1920 гг.). Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1960. С. 29–38.
3. Директивы Главного командования Красной армии (1917–1920): Сборник документов. М.: Воениздат, 1969. 884 с.
4. Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. М.: Эксмо, 2018. 576 с.
5. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск: Версо, 2013. 295 с.
6. Морозов К. А. Онежская флотилия в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920). Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1961. 128 с.

Поступила в редакцию 12.09.2019

Evgeniy A. Bochkov, Doctor of History, Interregional Public Organization "Academy of Military Historical Sciences" (St. Petersburg, Russian Federation)
be57@yandex.ru

CIVIL WAR AND MILITARY INTERVENTION IN KARELIA. THE OLONETS VOLUNTARY ARMY INVASION

The relevance of this topic is determined by the need for an objective analysis and evaluation of the events of the Civil war in Karelia (1918–1920), as well as the interference of foreign states (in particular Finland) in the RSFSR internal affairs. The political and military situation in North-West Russia in the spring and summer of 1919 is analyzed using previously unpublished archival documents and memoirs; numerous facts of Finland's interference in the RSFSR internal affairs are covered; the subversion of the Finnish political and military leaders aimed at inciting separatist sentiments among local Karelian population is revealed; the role of Olonets volunteer army as a tool for the implementation of the aggressive plans of Finland's military and political leadership is discovered. The Olonets campaign of Finnish "volunteers" (1919) is a typical example of open military intervention against the Soviet Republic to reject Russian Karelia. Measures taken by Karelia's Revolutionary Military Council and by the Command of the 7th Army, the Baltic Naval Forces and Onega flotilla during the spring and summer of 1919 to repeal the aggression were not always effective due to objective and subjective reasons. In the North-West of Russia (as well as throughout the country) there was a complex process of the forming the Workers' and Peasants' Red Army and the Workers' and Peasants' Red Fleet from the fragments of the Imperial Russian Army and the Imperial Russian Navy. Significant contribution to the creation of efficient armed forces of the Soviet Republic was made by former officers of the Russian Empire, who had participated in the First World War (1914–1918) and took the command of armies, divisions, regiments, fleets, flotillas and ships during a difficult period of Russian history.

Keywords: Russian Karelia, Finland, White Finnish troops, Olonets voluntary army, Finnish chasseurs, civil war, military intervention, interlake district, Olonets battle area, naval forces of the Baltic Sea, Onega military fleet, minelayer, patrol vessel

Cite this article as: Bochkov E. A. Civil war and military intervention in Karelia. The Olonets voluntary army invasion. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 32–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.447

REFERENCES

1. Cheka archives: Collected documents (V. Vinogradov, A. Litvin, V. Christoforov, Eds.; V. Vinogradov, N. Peremyshlenkova, Comp.). Moscow, 2007. 720 p. (In Russ.)
2. Vlasova M. N., Morozov K. A. Vidlitsa operation of June 27, 1919 (in memoirs). *The history of intervention and the Civil war in Karelia (1918–1920).* Petrozavodsk, 1960. P. 29–38. (In Russ.)
3. Directives of the Chief Command of the Red Army (1917–1920): Collected documents. Moscow, 1969. 884 p. (In Russ.)
4. Kornatovskiy N. A. Fighting for Red Petrograd. Moscow, 2018. 576 p. (In Russ.)
5. Laidinen E. P., Verigin S. G. Special services of Finland against Soviet Russia. Special services of Finland and their intelligence activity in North-West Russia (1914–1939). Petrozavodsk, 2013. 295 p. (In Russ.)
6. Morozov K. A. Onega military flotilla during the Civil war and foreign intervention (1918–1920). Petrozavodsk, 1961. 128 p. (In Russ.)

Received: 12 September, 2019

Т. 42. № 2. С. 42–50 **Отечественная история** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.448
УДК 93/94

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии, политологии и социологии
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kasa-gp@yandex.ru

ПРОЕКТ ТРАНСПОЛЯРНОЙ МАГИСТРАЛИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Социально-экономическое развитие российского арктического пространства невозможно без создания целостной транспортной инфраструктуры региона, включающей водные: морские и речные, сухопутные: шоссейные и железнодорожные, а также авиационные коммуникации. Более полутора веков эту проблему решают специалисты, политики, предприниматели и энтузиасты. Выдвинуты десятки перспективных транспортных проектов, исследованы огромные территории Приполярного Урала, Северной Сибири, Дальнего Востока, российского побережья Северного Ледовитого океана, русел сибирских рек, проложены тысячи километров коммуникаций, но единой транспортной сети Российской Арктики так и не создано. Стержнем транспортной инфраструктуры региона может стать Трансполярная железнодорожная магистраль, всесезонная линия – связующее звено существующей Транссибирской железной дороги с ответвлениями, сибирских автомобильных дорог, Северного морского пути, судоходных сибирских рек и региональных авиапортов. Завершение этого грандиозного проекта увеличит пропускные возможности российского сегмента азиатско-европейского транспортного коридора, расширит социально-экономическое значение Российской Арктики, усиливая стратегическую значимость России.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, транспортный коридор, Арктика, Транссибирская магистраль, Северный морской путь, морской порт, железная дорога, мост, грузовые перевозки

Для цитирования: Голубев А. А. Проект Трансполярной магистрали: история и современность // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 42–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.448

ВВЕДЕНИЕ

Потенциал национальной экономики России зачастую ассоциируют с неисчерпаемыми природно-ресурсными запасами. Однако выгодное географическое положение и огромные размеры являются важнейшим фактором ее развития. Через территорию страны несколько столетий проходит азиатско-европейский транспортный коридор. Возведенная на рубеже XIX–XX веков Транссибирская магистраль создала первый всесезонный сухопутный путь по нему. В первой половине XX века началось освоение Северного морского пути (СМП) – кратчайшей морской магистрали между Атлантическим и Тихим океанами в Северном полушарии, водного маршрута данного транспортного коридора.

Сухопутные и морские широтные коммуникации не конкурируют, а дополняют друг друга. При этом дальнейшее увеличение перевозок по российскому азиатско-европейскому транспортному коридору неразрывно связано с их совершенствованием и расширением предлагаемых маршрутов. Идеальной транспортной схемой на бескрайних просторах Сибири и Дальнего Востока является транспортная сеть минимум трех широтных магистралей (Транссиб, СМП и Великий северный путь), соединенных несколькими меридиальными путями (сухопутными и водными). Необходимость возведения железной дороги в Арктической зоне России обосновывалась с последней трети XIX века. Специалисты рассматривали эту магистраль как самодостаточную, так и вспомогательную, обеспечивающую бесперебойную работу СМП и разгружающую Транссиб.

СЕВЕРО-СИБИРСКИЕ ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОЕКТЫ

Начало эксплуатации Транссиба показало не только преимущества в перевозке грузов на огромных просторах Сибири, но и его пределы в грузообороте, поэтому закономерно сразу возникли проекты альтернативного дублера – Великого Северного железнодорожного пути (Трансполярной магистрали[1]). Широтное соединение действующих и имеющих огромный потенциал промышленных районов севернее Транссиба является приоритетным для отечественной экономики. Конечные пункты и узловые станции

© Голубев А. А., 2020

этой магистрали должны опираться на морские порты. Целесообразность строительства новых линий в Северной Сибири появляется при востребованности перевозок, как транзитных, так и региональных.

В последней трети XIX века сибирские купцы М. К. Сидоров и А. М. Сибиряков разрабатывали планы установления морского сообщения между Европой и Сибирью. Среди прочих предлагались и планы строительства железной дороги от низовьев Оби до незамерзающих бухт Европейского Севера. В 1869 году М. К. Сидоров планирует построить тракт и узкоколейную железную дорогу от села Щугор на Печоре (Усть-Щугер) до зауральского села Ляпино (Саранпауль). Возведение этих магистралей началось в середине 1870-х годов. Однако в 1876 году строительство было остановлено решением губернских властей. В 1881–1888 годах А. М. Сибиряков достраивает тракт Щугор – Ляпино, получивший название «Сибиряковский». В это же время меценат ходатайствует о разрешении строительства узкоколейной железной дороги, но не получает его [16], [17].

В 1890 году с идеей транспортной связи Северной Америки с Евразией стальной магистралью выступил экс-губернатор штата Колорадо У. Гилпин. Политика и успешного предпринимателя поддержал союз тихоокеанских дорог США и железнодорожный магнат Э. Гарриман, создавшие акционерное общество «Транс Аляска – Сибирь». Общество планировало инвестировать железнодорожные проекты в Восточной Сибири. В 1894 году доклад о результатах предварительных изысканий по перспективному направлению был представлен Николаю II. Российское правительство отказалось выделить земли под строительство. В итоге акционерная компания обанкротилась[2]. В 1894–1906 годах для освоения золотых приисков в регионе ведется строительство узкоколейной железной дороги Бодайбо – Васильевское (44 км). Весной 1899 года первые поезда прошли от Перми через Вятку и порты Северной Двины в Котлас [9].

Первое детальное изучение линии будущей железной дороги в регионе по маршруту от Обдорска через Уральский хребет было проведено в 1900 году. 13 марта 1900 года в Обдорск прибыла экспедиция (12 человек: отечественные и иностранные инженеры, техники, астроном, геолог, доктор, два десятника, повар и плотник) под руководством инженера путей сообщения, действительного статского советника П. Э. Гетте. Целью экспедиции были железнодорожные изыскания от Обдорска до Белковской Губы. Исходной точкой будущего железнодорожного пути стал Лабытнанги. Предполагалось исследовать часть Урала по широте 67 градусов 32 минуты.

Экспедиция разделилась на два отряда. Одна партия проследовала к водоразделу рек Лонгот-Югана и Сарт-Ю. Другая пошла с триангуляционной съемкой к пункту, выбранному на Урале. 28 августа П. Э. Гетте вернулся в Обдорск, преодолев 520 верст. В сентябре П. Э. Гетте снова выехал в тундру к Белкову и Югорскому Шару, где встретился с А. И. Вилькицким, руководителем экспедиции по исследованию устьев Печоры, Енисея и южной части Карского моря. По результатам экспедиции было сделано заключение о необходимости возведения дороги[3].

Экспедиция П. Э. Гетте отметила преимущества Северного сибирского пути: провоз грузов железной дорогой (380 верст) не будет превышать 4 % протяжения между Западной Сибирью и европейскими портами; по всем судоходным рекам (Оби, Иртышу, Тоболу, Туре, Чулыму, Томи) вывозимое сырье будет следовать по течению, значительная часть грузов будет попадать на станции до закрытия навигации и доставляться на зарубежные рынки к началу зимы; путь будет независим ни от факторов, затрудняющих грузовое движение по железным дорогам, ни от препятствий в судоходстве. Расчетное время доставки грузов от Оби до Лондона составляло 30 суток. По железной дороге планировалось ежегодно вывозить до 60 млн пудов грузов, ввозить до 3 млн пудов. Проектируемый железнодорожный путь должен был послужить развитию производительных сил Западной Сибири.

П. Э. Гетте пришел к выводу, что непреодолимых препятствий для возведения дороги нет, но предстоят огромные объемы строительных работ, следовательно, необходимы значительные средства. К сожалению, в очередной раз казна была пуста[4]. В 1909 году английские золотопромышленники Березовского уезда поддержали инициативу строительства этой дороги. В это же время житель г. Романова-Борисоглебска Г. Виони попытался организовать общество Рыбинск-Обдорской северной железной дороги. Проектируемую железнодорожную магистраль от верхней Волги до Обдорска предполагалось устроить на частные средства. Дорога проектировалась не как стратегическая, а как доходная. В тот же период проект железнодорожной сети на Северо-Западе Европейской России предложил архангелогородский крестьянин М. П. Некрасов. Предлагаемая М. П. Некрасовым сеть должна была связать Мурманское побережье не только с промышленными центрами, но и с Северным

Уралом, а через него и с широкими просторами Сибири [3: 57].

С 1908 года идеи предшественников о соединении Северной Сибири с Европейской транспортной сетью активно пропагандировал А. А. Борисов (живописец Арктики, писатель, общественный деятель и исследователь полярных земель). В 1910 году он публикует очередные соображения о водном пути из Баренцева моря до Сибири[5]. К 1915 году А. А. Борисов разрабатывает проект строительства Обь-Мурманской железной дороги через Котлас и предлагает перспективный план развития комбинированной железнодорожно-морской транспортной сети севера России и Сибири[6].

Предложения П. Э. Гетте, Г. Виони, М. П. Некрасова и А. А. Борисова были замечены в Министерстве путей сообщения (МПС), обсуждавшем два основных направления. Инженер В. Н. Вольтман предлагал построить железную дорогу от села Чемаши на Оби до Архангельска. Второй – инженера Ю. И. Успенского: Обь – Котлас – Сорока с веткой от Котласа на Петроград. Главной задачей было соединение Архангельского порта с нижним течением Оби. Конечным пунктом магистрали в Сибири должны были стать Салехард или пункт в 180 верстах к югу от Обдорска. На строительство отводилось три года. В Особом межведомственном совещании по выработке пятилетнего плана железнодорожного строительства МПС с 3 по 7 ноября 1916 года проекты были обсуждены. Однако большинством голосов (28 против 24) их отклонили[7].

В защиту проекта железной дороги в Северной Сибири выступил начальник статистического отдела Министерства финансов и промышленности В. П. Семенов-Тянь-Шанский, который отмечал ее значение и требовал внеочередного возведения. По его мнению, линия Котлас – Обь в совокупности с железной дорогой Лодейное Поле – Вытегра – Котлас становилась головным участком будущей Северо-Сибирской магистрали, которая пройдет с Северного Урала через Енисейск, северный берег Байкала и выйдет к Николаевску-на-Амуре[8]. Совещание по выработке плана железнодорожного строительства на 1917–1922 годы приняло рекомендации по разработке плана развития сети транспортных коммуникаций, связывающих европейскую часть России и ее морские порты с внутренними территориями Сибири и побережьями Тихого и Северного Ледовитого океанов. План строительства железной дороги Обь – Котлас был признан приоритетным. Однако ни одно из принятых на совещании предложений не было реализовано [22].

После 1917 года А. А. Борисов продолжил активную работу по разработке проекта Северо-Сибирской железной дороги. В 1918 году совместно с уполномоченными норвежского банка братьев Ганновег он представил в Совет народных комиссаров (СНК) проект сооружения железнодорожной магистрали: Обь – Котлас – Сорока и Котлас – Званка [1], [23]. Концессионеры просили предоставить им исключительное право на эксплуатацию лесных массивов в бассейнах Оби и Печоры площадью до 8 млн десятин. При включении этих линий в действующую сеть железных дорог создавались условия для обеспечения надежного сообщения Арктической зоны с Балтийскими портами и незамерзающим Мурманским побережьем. Позже эту магистраль предлагалось продолжить далее на восток [2: 108].

В январе 1919 года СНК принял «Декрет о железнодорожной программе на 1919–1920 годы». 4 февраля 1919 года по докладу Л. Б. Красина и Г. И. Ломова на заседании СНК под председательством В. И. Ленина было принято постановление о концессии на Великий Северный железнодорожный путь. СНК утвердил необходимость дороги, ее направление и общий план, а также признал данную концессию желательной. Особой комиссии было поручено в 2-недельный срок представить окончательно проект договора концессии. В. И. Ленин подготовил проект постановления СНК «О предоставлении концессии на Великий Северный железнодорожный путь»[9]. Однако в условиях разрухи все перспективные проекты транспортного строительства, в том числе и сооружение Великого Северного железнодорожного пути, были отложены на неопределенный срок. Единственным исключением являлся СМП – его исследование и освоение продолжались.

В 1928 году профессор В. М. Воблогой, участник строительства Печерской магистрали, и А. А. Борисов выступили с очередным предложением о строительстве железной дороги, соединяющей Атлантический, Северный Ледовитый и Тихий океаны [24]. Авторы проекта предлагали построить трансконтинентальную железнодорожную линию от Советской Гавани через Хабаровск, Киренск, Енисей, устье Иртыша, Урал, Котлас на Сороку и Мурманск. Строительство магистрали могло решить транспортные проблемы Севера и привести к значительному подъему производительных сил страны.

А. А. Борисов продолжил публикацию статей с пропагандой и защитой проекта. Предложение усовершенствовалось: перейдя Обь в 200–300 км

ниже по течению от устья Иртыша, линия направлялась на Сургут. Далее предполагалось, что железная дорога пойдет на Енисейск. Отсюда магистраль делилась на два направления: первое шло на Канск, сокращая расстояние от Иркутска до Ленинграда более чем на 1000 км; второе – на северный конец Байкала и сливалось с Амурской железной дорогой, путь с Дальнего Востока на Запад сокращался более чем на 1500 км[10]. Рассматривались и другие варианты: некоторые приближались к побережью Северного Ледовитого океана, а другие, наоборот, к Томску.

За десятилетия идея Великого Северного железнодорожного пути трансформировалась. На рубеже 1920–1930-х годов магистраль трактовалась авторами как составная часть комплексной программы промышленного и транспортного строительства, охватывающего приполярную Сибирь от Урала до Тихого океана, поэтому линию намечалось продолжить до Тихого океана. Вместе с существующей в европейской части железнодорожной сетью Великий Северный путь был призван обеспечить соединение по кратчайшему маршруту портов трех океанов: Архангельского и Мурманского на побережье Северного Ледовитого, Ленинградского – на Атлантическом и Аян, Эйкан, Николаевск-на-Амуре и Советскую Гавань – на Тихом.

В проекте была сформулирована программа комплексного освоения приполярных территорий Сибири: приоритетное транспортное строительство; разработка вопросов переселенческой политики; развитие ряда отраслей народного хозяйства, связанных с использованием природных богатств Сибири. Особое внимание уделялось развитию энергетики. Комплексный подход привлек внимание государственных органов, так как программа соответствовала требованиям плана развития народного хозяйства СССР и задачам хозяйственного освоения территорий на севере Сибири.

В ноябре 1931 года в Москве состоялся первый пленум постоянного совещания по проблемам сооружения Великого Северного железнодорожного пути с участием представителей наркоматов, региональных органов власти и ученых. Представители НКПС подвергли проект магистрали критике, так как приоритетным считали дальнейшее развитие Транссиба. Под их давлением сооружение единой магистрали было отвергнуто. Перспективным был признан только участок Тайшет – Усть-Кут. Перед Комсеверопути была выдвинута задача быстрейшего освоения восточной части СМП. В этом же году на Всесоюзной конференции по размещению производительных сил на Севере во второй пятилетке при Госплане СССР финансированию железнодорожного проекта на севере Сибири было отказано [11: 52–58].

Проект Великого Северного железнодорожного пути не был реализован ввиду его громадной стоимости. Если сравнить стоимость железной дороги в варианте 1928 года со стоимостью Транссиба, то она значительно выше из-за сложной геологии и низкой заселенности территорий. Магистраль можно было построить только по мере освоения новых промышленных районов, к которым сначала надо было построить линии от Транссиба[11].

Несмотря на отказ в строительстве магистрали, изыскательские работы в районе Полярного Урала продолжились. В период с 1932 по 1942 год Воркутинско-Печорское строительство Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) направило на исследование отдельных участков трассы пять экспедиций. Во время войны И. В. Сталин пришел к мысли о незащищенности Арктического побережья и необходимости строительства в регионе железной дороги. В годы Великой Отечественной войны начали строить линию Воркута – Салехард – Игарка – Норильск. В 1943–1944 годах были проведены изыскания с целью изучения соединения Норильско-Дудинской линии с сетью Европейской России. В 1943 году Уральская экспедиция Желдорпроекта Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД произвела предварительные изыскания линии Воркута – Салехард. В результате было выбрано направление для соединения железной дороги Кожва – Воркута с устьем Оби: от разъезда Чум по долинам рек Уса и Елец, через Елецкое седло и далее по реке Собь с выходом к Оби в районе Лабытнанги [14: 5].

В 1945 году у США появилась атомная бомба и усовершенствованные средства ее доставки, это обстоятельство потребовало укрепления границы СССР в Арктике. Советское правительство рассматривает вопрос создания военно-морских и военно-воздушных баз на Дальнем Востоке и побережье Северного Ледовитого океана. Для укрепления обороны Арктического побережья страны было необходимо надежное сообщение с центральной частью. Успешному созданию и функционированию военных баз в большей степени способствовал железнодорожный транспорт. 4 февраля 1947 года вышло постановление Совмина СССР № 298–104сс «О производстве проектно-изыскательских работ по выбору места для строительства порта, судоремонтного завода

с поселком в районе Обской губы и железной дороги от Северо-Печорской магистрали до порта». Военно-стратегические объекты, возводимые у 69-й параллели, планировалось соединить с промышленными центрами СССР железной дорогой протяженностью 700 км [20].

Совместный приказ МВД и Главного управления СМП от 17 февраля 1947 года организовал Северную объединенную проектно-изыскательскую экспедицию во главе с П. К. Татаринцевым, которая определила начало магистрали на станции Чум, возведение порта запланировала на Мысе Каменном. Железную дорогу Салехард – Игарка проектировали сотрудники Северной экспедиции Желдорпроекта. К 10 марта были сформулированы задания для изыскательских партий, которые вышли на трассу с двух сторон из Воркуты и Салехарда. Авторами проекта участка Чум – Лабытнанги (192 км) были инженеры Н. Д. Михеев и А. Д. Жигин. Проект Лабытнанги – Обская – Мыс Каменный разработали А. И. Пилин и Чулкевич. 22 апреля 1947 года Совет Министров СССР постановлением № 1255–331сс поручил строительство железной дороги ГУЛЖДС Министерства внутренних дел (МВД). Руководство работами осуществляло Северное управление ГУЛЖДС (начальник – полковник В. А. Барабанов) [8].

В августе 1947 года в поселке Абезь, на берегу реки Уса, начали возводить строительный городок. За 1947–1949 годы в районе проектируемого порта были построены три лагеря в поселках Яр-Сале, Новый Порт и Мыс Каменный [12]. Строители возвели пирс (5 км) и складские помещения. 2 августа 1947 года был сдан в эксплуатацию первый мост через реку Воркута. К концу 1947 года проектировщики обосновали первостепенную необходимость строительства железной дороги к устью Оби, в район Лабытнанги и Салехарда. Морской порт предлагалось возвести на следующем этапе. Строительство железной дороги началось от станции Чум [6]. В декабре 1947 года открылось рабочее движение на участке Чум – Собь (118 км). Весной 1948 года линия подошла к Уралу. Скорость строительства составила около 100 км за сезон. 3 декабря 1948 года открылось движение на линии Чум – Лабытнанги (196 км) и был построен участок от ст. Обская в направлении к морскому порту на 174 км. Малые реки магистраль пересекала по деревянным мостам, реки средней ширины (до 100 м) – по металлическим на бетонных опорах. Перевозки через Обь и Енисей осуществлялись паромами. В зимнее время возвели ледяную переправу через Обь. Ее строительством руководил инженер, капитан МВД З. М. Фрейдзон [19].

К концу 1948 года Портовая экспедиция Главного управления СМП закончила обследование акватории и доложила, что район Мыса Каменного не пригоден для расположения крупного морского порта, так как глубины не превышают 5 м. Строительство порта и судоремонтного завода на западном берегу Обской губы не удовлетворяло требованиям эксплуатации по инженерно-гидрологическим условиям. Постановлением Совета Министров СССР от 29 января 1949 года № 384–135сс строительство железнодорожной линии на Мыс Каменный было прекращено, объекты СМП перенесены на берега Енисея. Енисей с портами Игарка и Ермаково были пригодны для работы с речными и морскими судами. Проектирование комплекса портовых сооружений в Енисейском заливе было поручено Главному управлению СМП. Выход железной дороги на стык морских и речных коммуникаций обещал возможность создания в районе Игарка – Ермаково крупного транспортного узла. Экономически этот проект был более выгодным, чем Обский [21]. С изменением направления железной дороги на Игарку открывались новые возможности для развития Норильского горно-металлургического комбината и освоения новых нефтегазоносных районов, наличие которых академик И. М. Губкин научно обосновал в 1932 году. При рассмотрении проекта магистраль отклонили к северу к предполагаемым углеродным месторождениям, далее ее продлили через Дудинку до Норильска [18].

Строительные работы велись без утвержденного проекта. По предварительному проекту железную дорогу от Лабытнанги прокладывали на восток к левому берегу Енисея, до поселка Ермаково. В окончательном варианте магистраль шла от станции Чум через Салехард и Надым до Игарки (1500 км). Обь и Енисей линия пересекала паромами летом, а зимой с ледовыми переправами. Участок Салехард – Хетта с переправой через Обь проектировала Обская экспедиция Желдорпроекта (руководители Р. Я. Ульпе и А. Д. Жигин). Участок Хетта – Таз – Надымская экспедиция (автор проекта Л. Т. Малецкий). Участок Таз – Игарка, с переправой через Енисей – Енисейская экспедиция (руководители Г. Н. Шелепугин и А. А. Скляров). В октябре 1952 года Северная экспедиция Желдорпроекта представила технический проект магистрали на утверждение в Госкомстрой. По расчетам проектировщиков расходы на строительство линии увеличивались до 6 млрд руб. Трасса магистрали шла параллель-

но полярному кругу. По проекту линия однопутная с 28 станциями и 106 разъездами. Расчетная средняя скорость движения поездов до 40 км/ч. Пропускная способность – 6 пар поездов в сутки. На дороге планировалось построить 6 основных и 4 оборотных локомотивных депо. Ввод в строй дороги планировался в 1955 году [7: 64–133].

К осени 1949 года в Салехарде был торжественно открыт железнодорожный вокзал. В 1950 году открылось движение поездов по линии Москва – Лабытнанги. В 1952 году был построен временный мост через р. Надым [10]. Его основой были деревянные свайные опоры, на которые укладывались металлические пакеты. Весной перед началом ледохода железнодорожный путь и пакеты убирались, а после его окончания укладывались обратно. В 1953 году построен постоянный 13-пролетный мост (560 м) через р. Надым, грузопассажирские поезда пошли до Надыма и на запад от ст. Ермаково. Через Обь была сооружена железнодорожная паромная переправа [4].

В начале 1950-х годов идея построения нового порта в Арктике потеряла актуальность. Устанавливался атомный паритет с США, совершенствовались средства доставки. Военно-стратегическая необходимость укрепления арктических границ страны ушла на второй план. Экономические реалии показывали, что магистраль не окупится, так как по ней было нечего перевозить. Правительство резко снизило финансирование, начался отток работников. В 1951 году Северное управление было реорганизовано в Обское строительное управление (начальник В. В. Самодуров) и Енисейское строительное управление (руководители А. И. Боровицкий и Б. И. Степанов). В июле 1952 года руководство строительством магистрали Воркута – Салехард – Игарка было возложено на Обское управление (В. В. Самодуров и А. Д. Жигин).

В марте 1953 года между Салехардом и Надымом пустили пассажирский поезд. Однако из-за низкого качества пути его средняя скорость составила 15 км/ч. К 1953 году строители вышли к реке Большая Хетта, уложили 65 км пути от Игарки на юг к станции Енисейская, открыли рабочее движение поездов на участке Ермаково – Янов Стан, было запущено беспересадочное пассажирское сообщение от Москвы до Лабытнанги. Строители готовились к открытию рабочего движения на участках Салехард – Пангоды и Таз – Турухан – Ермаково. К весне 1953 года эксплуатировалось 850 км магистрали. На 673 км осуществлялось рабочее движение. По планам к концу года строители должны были возвести земляное полотно по всей длине от Салехарда до Норильска, а весной 1954 года – уложить 1000-й км главного пути магистрали [15: 6].

25 марта 1953 года вышло постановление Совета Министров СССР № 395–383сс о полном прекращении всех работ и консервации строительства железной дороги от Салехарда до Игарки. Строительство из ведения МВД было передано в МПС. К 1955 году МПС добилось разрешения Правительства на ликвидацию строительства. В постоянную эксплуатацию был принят только участок Чум – Лабытнанги. После закрытия проекта 75 тыс. заключенных были этапированы с магистрали. До конца года из Салехарда эвакуировали около 25 тыс. гражданских строителей. На 1 января 1954 года было построено 870 км магистрали на общую сумму 4 млрд руб. Предварительные ликвидационные затраты составили 95 млн руб. На полную ликвидацию строительства и консервацию объектов требовалось еще до 700 млн руб.[12] В целях экономии стройку решили просто бросить, а невывезенные материалы и оборудование уничтожить на месте[13].

Через 10 лет, с 1963 года, началось активное освоение нефтегазовых месторождений северной Сибири. Среди прочих было принято решение о строительстве железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут. В 1971–1972 годах трест «Севергазстрой» восстановил участок железной дороги от реки Надым до станции Хетта (52 км). В конце 1973 года открыто рабочее движение по линии Тюмень – Юганская Обь (575 км). Первый железнодорожный состав прибыл на станцию Сургут в августе 1975 года. В 1979 году в постоянную эксплуатацию сдана линия Сургут – Нижневартовск (216 км). В декабре 1980 года рельсовый путь дошел до Уренгоя. 6 ноября 1985 года из Тюмени в Новый Уренгой прибыл первый пассажирский поезд. В середине 1980-х годов Министерство транспортного строительства СССР создало производственное строительно-монтажное объединение по строительству железных дорог на полуострове Ямал, введшее в строй в 1986 году железную дорогу на Ямбург (236 км). Однако дальнейшее развитие железнодорожной инфраструктуры в Российской Арктике было остановлено кризисом 1990-х годов.

В начале XXI века экономическая составляющая транспортных проектов стала определяющей. Добыча газа и нефти в Ямало-Ненецком автономном округе, строительство заводов сжижения природного газа, круглогодичный выход на СМП для обеспечения его бесперебойной

работы и формирования грузовой базы заставили вернуться к проекту широтной железной дороги в Российской Арктике. 13 августа 2003 года было создано ОАО «Ямальская железнодорожная компания», которая достраивает и восстанавливает линии Обская – Салехард – Надым и Коротчаево – Игарка, строит железную дорогу Полуночная – Обская-2. Компания в июне 2009 года ввела в строй железнодорожный мост через р. Юрибей (4 км), в январе 2010 года пустила поезда до Бованенково (525 км), а в феврале 2011 года до Карской (572 км)[14].

В 2018 году Правительство РФ инициировало процедуру концессии на возведение Северного широтного хода (СШХ) – железной дороги, обеспечивающей Ямальскому полуострову постоянную связь с Большой землей[15]. Без СШХ невозможно расширить разработку действующих газовых месторождений, а также освоение новых. Магистраль соединит ст. Обская Северной железной дороги со ст. Коротчаево Свердловской железной дороги. Строительное соглашение заключено с ООО «СШХ»[16]. Проект предусматривает модернизацию существующих железнодорожных линий и строительство новых (498 км) с учетом подходов, общая протяженность линий составит 2353,3 км. Объем финансирования возводимой железной дороги составляет 236,7 млрд руб. Проект планируется завершить в 2025 году. Расчеты показывают увеличение объемов перевозок на 23,9 млн тонн в год. Срок действия концессии – до 31 декабря 2052 года [5].

С возведением СШХ Великий северный железнодорожный путь в значительной степени будет создан. Его действующими составными частями будут СШХ и БАМ. Завершением грандиозного инфраструктурного проекта станет проектируемая с 1980-х годов XX века Северо-Сибирская магистраль (Севсиб). Севсиб – 5-вариантный проект железной дороги, соединяющей транспортную сеть Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с БАМом. Разработанный Сибгипротрансом к 1983 году, 5-й вариант проекта (около 2 тыс. км) повторяет идеи предшественников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У проекта Трансполярной магистрали есть перспективное продолжение. В 2015–2019 годах появились публикации о возможном начале строительства комбинированного автомобильно-железнодорожного перехода на Сахалин[17]. Озвучено три варианта соединения Сахалина с континентальной Россией: мост, тоннель и дамба [13: 44–53]. Стоимость проекта оценена в сумму до 700 млрд руб. В 2017 году, накануне форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), появилась информация о возможности возведения моста между Сахалином и японским островом Хоккайдо[18]. У реализации этого проекта есть ряд внешне-политических проблем. Для мировой экономики, и в первую очередь для одной из ведущих – японской, реализация этого проекта в комплексе с «Трансполярным» может стать основой устойчивого экономического роста. России нельзя упускать проект, выгоды от которого для национальной экономики очевидны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Термин «Трансполярная магистраль» автор использует как общий в отношении единой железной дороги от Северного Урала до побережья Тихого океана. Названия отдельных линий и проектов приводятся в соответствии с документальными упоминаниями современников (аналог «Транссибирская магистраль» – состоит из ряда отдельных железнодорожных линий).

[2] Берингова дорога: Трасса в будущее [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.popmech.ru/technologies/ (дата обращение 17.08.2009).

[3] Гетте П. Э. Полярно-уральская железная дорога и Северный сибирский торговый путь. СПб.: Тип. А. Бенке, 1901. 18 с.

[4] Дунин-Горкавич А. Север Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1897. Вып. VII.

[5] Борисов А. А. Великий Северовосточный морской путь; Великий речной путь из Сибири в Европу. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1910. 52 с.

[6] Борисов А. А. Обь-Мурманская железная дорога. Пг.: Тип. товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1915. 24 с.

[7] Старокадомский Л. О великом северном пути // Мореплавание и судоходство. 1916. № 3–4. С. 11–16.

[8] Второй журнал заседания Особого междуведомственного совещания по выработке плана железнодорожного строительства на предстоящее пятилетие 1917–1922 гг. Пг.: МПС, 1917. С. 21.

[9] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 473.

[10] Воблогой В. М., Борисов А. А. Великий Северный путь. Великий Устюг: Северо-Двинск. губплан, 1929. С. 9–10.
[11] Итин В. А., Том А., Лазарев Н. Какой путь? О проекте Великого северного пути в связи с выходом на Урал и Северным морским путем. Новосибирск: Запсиботделение ОГИЗ, 1931. 70 с.
[12] Побожий А. Мертвая дорога // Новый мир. 1964. № 8. С. 89–181.
[13] Стройка № 503 (1947–1953). Документы. Материалы. Исследования. Вып. 1. Красноярск: Гротеск, 2000. 208 с.; Вып. 2. Красноярск: Знак, 2007. 229 с.
[14] Ямальская железнодорожная компания: Хронология [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yrw.ru/chronology/ (дата обращения 13.08.2018).
[15] Северный широтный ход – Что мы знаем о стройке века [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://marafonec.livejournal.com/sshh/ (дата обращения 10.04.2019).
[16] Кондрашова О. Назван концессионер проекта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravdaurfo.ru/news/sshh/ (дата обращения 03.10.2018).
[17] Кокорева М. Белозеров назвал возможные сроки строительства моста на Сахалин [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/business/ (дата обращения 30.10.2019).
[18] Мост Сахалин – Хоккайдо построят в будущем, а на материк в 2035 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eadaily.com/Sahalin-Hokkaydo/ (дата обращения 06.11.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. А. Борисов и Север: Тез. докл. региональной научно-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения А. А. Борисова. Архангельск: Архангельский филиал Географического общества СССР, 1991. 99 с.
2. Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 3. Л.: Морской транспорт, 1959. 511 с.
3. Голубев А. А. Мурманская железная дорога: история строительства (1894–1917 гг.). СПб.: ПГУПС, 2011. 205 с.
4. Голубев А. А. Транспортные коммуникации Арктики // Восемнадцатые Петровские чтения. СПб.: Северная звезда, 2016. С. 242–246.
5. Голубев А. А. Северный Широтный Ход – головной участок Трансполярной магистрали // Научные Горизонты. 2018. № 11 (15). Ч. 1. С. 77–81.
6. Гольдберг Р. С. 501-я. Тюмень: Тюменский курьер, 2003. 263 с.
7. Гриценко В. Н. История Ямальского Севера в очерках и документах: В 2 т. Т. 2. Омск, 2004. 336 с.
8. Гриценко В. Н., Калинин В. История «Мертвой дороги». Екатеринбург: Баско, 2010. 240 с.
9. Гузенков С. В. Бодайбинская железная дорога (1894–1917 гг.): Исторический очерк. Иркутск: Иркутский гос. пед. ун-т, 2001. 88 с.
10. Добровольский А. С. «Мертвая дорога» // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1994. С. 193–210.
11. Елькин А. Ю. Планы строительства железных дорог и их значение для экономического развития Русского севера (1918–1941 годы) // Северная железная дорога и развитие прилегающих территорий. Коноша, 2009. С. 52–58.
12. Кизны Т. ГУЛАГ: Соловки. Беломорканал. Вайгач. Театр в ГУЛАГе. Колыма. Воркута. Мертвая дорога / Пер. с польск. В. Т. Веденеева; Авт. предисл. С. А. Ковалев. М.: РОССПЭН, 2007. 486 с.
13. Круглов В. М. Переход через пролив Невельского: возможные решения // Мир транспорта. 2015. Т. 13. № 4. С. 44–53.
14. Ламин В. Секретный объект 503 // Наука в Сибири. 1990. № 3. С. 4–5.
15. Ламин В. Секретный объект 503 // Наука в Сибири. 1990. № 5. С. 6–7.
16. Ламин В. А. Ключи к двум океанам. Хабаровск: Кн. изд-во, 1981. 256 с.
17. Липатова Л. Ф. Дороги и судьбы. Салехард: Сев. изд-во, 2016. 503 с.
18. Пиманов А. С. История строительства железной дороги «Чум-Салехард-Игарка» (1947–1955). Тюмень, 1998. 114 с.
19. Побожий А. А. Сквозь северную глушь: записки изыскателя. М.: Современник, 1978. 318 с.
20. Полярная магистраль / Под ред. Т. Л. Пашковой. М.: Вече, 2007. 448 с.
21. Сигалов М. Р., Ламин В. А. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1988. 133 с.
22. Славин С. В. К истории железнодорожного строительства на Севере в дореволюционной России // Летопись Севера: Сборник. М.: Изд-во Главсевморпути, 1957. Вып. II. С. 188–205.
23. Чуракова О. В. «Великий северный путь» в проектах и мечтах художника Александра Борисова // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России: Материалы межрегион. научно-практ. конф. (г. Котлас, 6–7 апреля 2012 г.). Котлас, 2012. Вып. 5. С. 126–132.
24. Чуракова О. В. «Связать три океана». Проект строительства Обь-Мурманской железной дороги художника Александра Борисова // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее: Материалы межрегион. науч. конф., 26–28 сентября 2016 г. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 129–137.

Поступила в редакцию 19.09.2019

Alexander A. Golubev, Doctor of History, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
(St. Petersburg, Russian Federation)
kasa-gp@yandex.ru

TRANSPOLAR RAILWAY PROJECT: HISTORY AND MODERNITY

The socio-economic development of the Russian Arctic is impossible without the creation of an integrated transport infrastructure for the region, including water (sea and river), land (highway and railroad), and air lines of communication. For more than a century and a half, experts, politicians, entrepreneurs, and enthusiasts have been trying to solve this problem. Dozens of future transportation projects have been presented. The vast territories of the Polar Urals, Northern Siberia, the Far East, the Russian coast of the Arctic Ocean, and the channels of the Siberian rivers have been explored. Thousands of miles of communication lines have been laid, but a single transport network for the Russian Arctic has not been created so far. The Transpolar Railway, the all-season line linking the existing Trans-Siberian railway with its branches, the Siberian roads, the Northern Sea Route, the navigable Siberian rivers, and regional airports, can become the core of this regions' transport infrastructure. The completion of this ambitious project will increase the capacity of the Russian segment of the Asia-Europe transport corridor, expand the socioeconomic importance of the Russian Arctic, and strengthen the strategic importance of Russia.

Keywords: transport infrastructure, transport corridor, Arctic, Trans-Siberian Railway, Northern Sea Route, seaport, railway, bridge, freight transportation

Cite this article as: Golubev A. A. Transpolar Railway project: history and modernity. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 42–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.448

REFERENCES

1. A. A. Borisov and the North: Abstracts of papers of the Regional Research and Practice Conference Dedicated to the 125th Birth Anniversary of A. A. Borisov. Arhangelsk, 1991. 99 p. (In Russ.)
2. Belov M. I. The history of discovery and development of the Northern Sea route. Vol. 3. Leningrad, 1959. 511 p. (In Russ.)
3. Golubev A. A. The Murmansk Railway: the construction history (1894–1917). St. Petersburg, 2011. 205 p. (In Russ.)
4. Golubev A. A. Transport communication lines of the Arctic. *The XVIII Peter the Great Readings*. St. Petersburg, 2016. P. 242–246. (In Russ.)
5. Golubev A. A. The Northern Latitudinal Railway – the core section of the Transpolar Railway. *Scientific Horizons.* 2018. No 11 (15). Part 1. P. 77–81. (In Russ.)
6. Goldberg R. S. 501st Railroad. Tumen, 2003. 263 p. (In Russ.)
7. Gritsenko V. N. History of the Yamal North in essays and documents: In 2 vols. Vol. 2. Omsk, 2004. 336 p. (In Russ.)
8. Gritsenko V. N., Kalinin V. History of the "Dead Railroad". Ekaterinburg, 2010. 240 p. (In Russ.)
9. Guzenkov S. V. The Bodaybinsk Railway (1894–1917): Historical essay. Irkutsk, 2001. 88 p. (In Russ.)
10. Dobrovolskiy A. S. The "Dead Railroad". *Homeland: Local history almanac.* Moscow, 1994. P. 193–210. (In Russ.)
11. El'kin A. Yu. Railways construction plans and their significance for the economic development of the Russian North (1918–1941). *Northern railways and the development of adjacent territories.* Konosha, 2009. P. 52–58. (In Russ.)
12. Kizny T. GULAG: Solovki. The White Sea Canal. Vaigach. Theater in the gulag. Kolyma. Vorkuta. The Dead Railroad (V. T. Vedeneeva, Polish Transl.; S. A. Kovalev, Foreword). Moscow, 2007. 486 p. (In Russ.)
13. Kruglov V. M. Crossing the Nevelskoy Strait: possible solutions. *World of Transport*. 2015. Vol. 13. No 4. P. 44–53. (In Russ.)
14. Lamin V. A. Secret object No 503. *Science in Siberia*. 1990. No 3. P. 4–5. (In Russ.)
15. Lamin V. A. Secret object No 503. *Science in Siberia*. 1990. No 5. P. 6–7. (In Russ.)
16. Lamin V. A. Keys to two oceans. Khabarovsk, 1981. 256 p. (In Russ.)
17. Lipatova L. F. Roads and destinies. Salekhard, 2016. 503 p. (In Russ.)
18. Pimanov A. S. History of the construction of the Chum-Salekhard-Igarka Railway (1947–1955). Tumen, 1998. 114 p. (In Russ.)
19. Pobozhiy A. A. Through the northern wilderness: surveyor's notes. Moscow, 1978. 318 p. (In Russ.)
20. Polar Railway (T. L. Pashkova, Ed.). Moscow, 2007. 448 p. (In Russ.)
21. Sigalov M. R., Lamin V. A. Railway construction in the practice of economic development in Siberia. Novosibirsk, 1988. 133 p. (In Russ.)
22. Slavin S. V. The history of railway construction in the North in pre-revolutionary Russia. *Chronicle of the North: Collection of papers.* Moscow, 1957. Issue II. P. 188–205. (In Russ.)
23. Churakova O. V. "The Great Northern Route" in the projects and dreams of an artist Alexander Borisov. *Problems of transport infrastructure development in the European North of Russia*. Kotlas, 2012. Issue 5. P. 126–132. (In Russ.)
24. Churakova O. V. "Linking three oceans". Construction project for the Ob-Murmansk Railway by an artist Alexander Borisov. *Murman and the Russian Arctic: past, present, and future: Proceedings of the interregional research conference, September 26–28, 2016.* Murmansk, 2016. P. 129–137. (In Russ.)

Received: 19 September, 2019

Т. 42. № 2. С. 51–57 **Отечественная история** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.449
УДК 94(47).071

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ
доктор исторических наук, доцент кафедры истории и права
Социально-гуманитарного института
Мурманский арктический государственный университет
(Мурманск, Российская Федерация)
snikonov-77@mail.ru

МОРСКИЕ СУДОВЫЕ КОМАНДЫ НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: СОСТАВ И УСЛОВИЯ НАЙМА*

Рассматривается организация судовых команд Николо-Корельского монастыря в первой половине XVIII века. Актуальность работы связана с раскрытием системы коммуникаций морского прибрежного хозяйства в доиндустриальную эпоху. В эту эпоху работа коммуникаций носила сезонный характер, не обеспечивая круглогодичное поддержание отдаленных промыслов. К проблеме морских и речных коммуникаций монастырей Поморья исследователи неоднократно обращались, но для Николо-Корельского монастыря эта тема остается неразработанной. Монастырь перевозил грузы на мурманский промысел и припасы для гарнизона в Кольский острог. Для этих целей с 1720-х годов использовались два судна – яхта и гукор. Команды судов состояли из кормщиков и матросов. Выявлено территориальное происхождение членов судовых команд, устойчивость трудовых связей с монастырем, условия и размер оплаты труда. В ходе исследования были получены следующие выводы: Николо-Корельский монастырь испытал на себе воздействие Петровских реформ, потребовавших перехода от традиционных поморских судов к судам западноевропейского типа; рядовой состав команд был подвижным, меняясь практически ежегодно, в то время как капитаны (кормщики) трудились в течение длительного периода; оплата труда матросов носила фиксированный характер и зависела от протяженности морского маршрута, тогда как на мурманском промысле доход определялся объемом добычи и был непостоянным.

Ключевые слова: Николо-Корельский монастырь, Мурманский берег, Подвинье, артель, кормщик, Иван Ряба (Рябов), яхта, лодья, гукор, кочмара

Для цитирования: Никонов С. А. Морские судовые команды Николо-Корельского монастыря в первой половине XVIII века: состав и условия найма // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 51–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.449

ВВЕДЕНИЕ

Отлаженная работа рыбных, соляных и зверобойных промыслов Поморья во многом зависела от наличия морской инфраструктуры, обеспечивавшей поставку необходимого и вывоз продукции на мореходных судах. Инфраструктура промыслов охватывала не только прибрежные районы Белого моря, издавна освоенные крестьянами и монастырями, но и незаселенные территории, к которым относилось побережье Баренцева моря. В историографии последних лет неоднократно поднимался вопрос об организации этой инфраструктуры применительно к некоторым монастырям Поморья, в особенности Соловецкому. Так, в исследованиях А. В. Алёшковой (Богдановой), А. А. Богомазовой, П. А. Филина и других ученых рассматриваются вопросы кораблестроения и эксплуатации морских судов, руководства перевозками, состава кормщиков (капитанов) [2], [3], [4], [5], [13]. Начатая работа еще далека от завершения ввиду того, что своими «флотами» обладал не только Соловецкий, но и другие монастыри региона, независимо от численности братии и масштабов хозяйственной деятельности. К их числу, безусловно, относится и Николо-Корельский монастырь – одна из старейших православных обителей Русского Севера, основанная в начале XV века неподалеку от побережья Белого моря.

В XVII – первой половине XVIII века монастырь был активным участником мурманского промысла на побережье Баренцева моря. Занимаясь добычей трески и палтуса, Николо-Корельский монастырь создал самостоятельную инфраструктуру промысла, действовавшую с 1680-х годов[1].

***

В период Петровских реформ происходят значительные изменения в сфере судостроения в России. С 1714 по 1719 год выходит серия царских указов, предписывавших вместо традиционных

© Никонов С. А., 2020

типов судов строить корабли на европейский манер [6], [9], [11: 21–26]. Новое законодательство распространялось и на духовные организации Поморья. С конца 1720-х годов Николо-Корельский монастырь вынужденно отказывается от использования традиционной поморской лодьи и переходит к эксплуатации «новоманирной» яхты[2]. Судно получило название «Святитель Николай» в честь небесного патрона обители. С 1730-х годов для походов на Мурман наряду с яхтой используется и гукор. В 1751 году крестьянином Верхнекойдокурской волости Марком Бушуем была приобретена кочмара[3], также предназначавшаяся для мурманского промысла. К этому времени яхта и гукор уже не использовались.

У судов были разные задачи в обслуживании промысла. Так, лодья отвозила на становище Шубино припасы и увозила обратно добытую рыбу. Яхта, помимо перевозки монастырских грузов, использовалась для доставки в Кольский острог провианта, предназначенного для содержания местного гарнизона. Выполнение монастырским судном важного государственного поручения подкреплялось конвоем из двух военнослужащих, сопровождавших груз[4]. Гукор, напротив, использовался исключительно для потребностей мурманского промысла. Судно из Архангельска совершало рейс в Унское усолье, где покупалась соль для нужд промысла. Из усолья оно шло в становище Шубино, где происходили разгрузка соли и других припасов и погрузка рыбы, после чего возвращалось обратно.

В течение промыслового сезона лодья (конец XVII – первая четверть XVIII века) и гукор (1730–1740-е годы) совершали по два рейса в становище и обратно, яхта, чей путь лежал дальше, – только один. Обслуживавшие монастырские суда артели включали рядовых работников и кормщика. Рассмотрим состав артели для каждого судна отдельно, двигаясь в хронологическом порядке.

Судовая артель лодьи достаточно плохо прослеживается по источникам. Участниками артели были кормщик и покрученики. Для конца XVII века нам известны имена 5 кормщиков. Из них только один – Петр Курзеев – дважды (в 1685–1686 годах) выходил на промысел[5]. Все остальные в источниках упомянуты по разу[6]. Еще реже для этого периода в документах встречаются имена покрученики. Нам известно имя одного покрученика – Исака Андреева[7].

Отрывочны наши знания о лодейной артели в первой четверти XVIII века. В источниках встречаются имена двух кормщиков этого периода. Иван Ермолин сын Ряба (Рябов) упоминается в хозяйственных документах 1700–1701, 1703, 1706–1707, 1711 и 1713 годов[8], Иван Наживка – в 1716–1717 годах[9].

И. Е. Ряба так и остался бы для нас одним из рядовых кормщиков монастырского мурманского промысла, если бы не его участие в героических событиях обороны Архангельска в 1701 году. В мае 1701 года кормщик на монастырской лодье отправился с Двины на Мурманский берег «на мурманской рыбей палтусей и тресковой промысел». Во время пути судно застигла непогода, вынудившая лодью остановиться на три дня на острове Сосновец. Здесь 15 июня монастырская лодья была захвачена шведами [12: 94–95]. Неприятель попытался использовать лоцманские знания Ивана Рябы для провода военных судов устьем Двины к Архангельску. 25 июня 1701 года русским кормщиком в районе Новодвинской крепости было посажено на мель шведское судно (шнява). Это послужило причиной сражения, положившего конец планам шведов разорить Архангельск[10]. За мужество и героизм кормщик получил награду от Петра I[11].

Отдельные моменты биографии И. Е. Рябы были выявлены Н. Л. Коньковым и В. В. Брызгаловым. Так, было установлено, что кормщик родом из Мудьюжской волости, носил фамилию Седунов и трудился лодейным кормщиком Николо-Корельского монастыря [7], [8]. К этим фактам можно добавить следующее. И. Е. Ряба был не просто кормщиком, а служебником Николо-Корельского монастыря, о чем говорят регулярные упоминания его имени в платяных монастырских книгах (1703–1705, 1713–1715 годы). Кормщику выдавалось сукно на онучи, деньги на рубахи и предметы одежды[12]. После 1715 года Иван Ряба исчезает из монастырских документов, что, возможно, связано с его кончиной.

Более конкретны наши знания о судовых артелях монастыря того периода, когда произошел переход на эксплуатацию яхты, гукора и кочмары. Руководящее звено судовой артели яхты составляли кормщики. За период с 1728 по 1751 год нам известны имена шести кормщиков: Федора Конанова сына Михайловых (1728 год)[13], Прокопия Худякова (1730–1732 годы)[14], Никифора Новоселова-Перевозникова (1733–1734 годы)[15], Степана Тюрикова (1737–1740, 1742–1743 годы)[16], Степана Иванова сына Тюрина (1747 год)[17], Стефана Бовина (1751 год)[18]. Нельзя исключать, что С. Тюриков и С. И. Тюрин являются одним и тем же лицом. Происхождение кормщиков было связано с Подвиньем: Курейской волостью (Ф. К. Михайловых, Н. Новоселов-Перевозников), Холмогорами (П. Худяков), Ионинской деревней (С. И. Тюрин).

В последнем случае мы имеем дело с монастырским крестьянином.

Рядовой состав артелей яхты и кочмары в источниках называется работниками или матросами. Команда яхты состояла из четырех человек (1728, 1730, 1732, 1734, 1738 1743 годы)[19], в отдельные годы увеличиваясь до пяти (1740, 1747 годы)[20] или сокращаясь до трех человек (1733, 1737, 1751 годы)[21]. Колебания в численности артели яхты, скорее всего, были вызваны потребностями промысла.

За период с 1728 по 1751 год источникам известны имена 29 матросов. Для рядовой части артели яхты было свойственно непостоянство состава. Дважды в промысле участвовали пять работников: Михайло Никифоров сын Бовин (1747, 1751 годы)[22], Дмитрий Буженин (1738, 1743 годы)[23], Иван Вешняков Ваула (1730, 1734 годы)[24], Прокопий Козмин сын Корелских (1747, 1751 годы)[25], Анфилофей Плугов (1730, 1732 годы)[26]. Свыше двух раз на промысел выходили: Степан Иванов сын Бовин (1734, 1737–1740, 1747 годы)[27], Степан (Стефан) Тюриков (1728, 1731, 1732, 1733, 1734 годы)[28], Степан Хорин (1733, 1742, 1743 годы)[29]. Последний в источниках называется монастырским крестьянином. Один из названных работников – Степан Тюриков – смог подняться в иерархии артели до должности кормщика (см. выше).

Территориальное происхождение матросов яхтенной артели связано волостями Подвинья: Койдокурской (Мартемьян Малгин)[30], Курейской (Иван Харитонов сын Буглиных, Иван Михайловых)[31], Пурнемой (Евсей Манаков)[32], Чюхченемской (Осип Мартемьянов)[33]. Среди матросов были и выходцы из вотчинных деревень Николо-Корельского монастыря. Помимо отмеченного ранее С. Хорина, это М. Н. Бовин и С. Бовин (Шихиринская деревня), Д. Буженин (Ионинская), Гаврила Лябзин (Середовская)[34]. Монастырским крестьянином был и Никита Пергушин[35], происходивший из Уметской волости Кирилло-Белозерского монастыря.

Судовая артель гукора прослеживается по источникам за 1732–1734, 1737–1743 годы. Руководство артелью осуществлялось кормщиком. Нам известны имена четырех кормщиков: Никифор Артемьев сын Перевозников (1732 год)[36], Никита Иванов сын Воронцов (1733 год)[37], Алексей Нагавицын (1734 год)[38], Степан Карпов сын Малгин (1737–1743 годы)[39].

Занимавший в течение 7 лет должность кормщика С. К. Малгин для более раннего времени известен как карбасник мурманской артели. В этой должности он упоминается в источниках 1722–1723, 1726–1729, 1732–1734 годов. Кроме этого, кормщик принадлежал к служебникам монастыря, выполняя различные поручения и занимаясь ведением хозяйственной документации.

Происхождение гукорных кормщиков связано с волостями Подвинья: Койдокурской (С. К. Малгин) и Курейской (Н. А. Перевозников).

Рядовой состав артели гукора (работники или матросы) в количественном отношении уступал яхтенной артели, что было связано с небольшими размерами судна. В 1732–1734 и 1740–1741 годах артель состояла из двух работников[40], 1737–1739 годах – из четырех[41]. Таким образом, гукорной артели свойственна та же особенность, что и яхтенной, – колебания в численности, вызванные потребностями промысла на тот или иной момент.

Прослеживается все та же текучесть состава работников артели, характерная для судовой команды яхты. Из четырнадцати работников артели лишь пятеро более одного раза выходили на промысел. Это Федор Дмитриев сын Белых (1739–1740 годы)[42], Михаил Алексеев сын Герасимовых (1739–1740 годы)[43], Дмитрий Константинов сын Матвеевых (1737–1738 годы)[44], Фома Евдокимов сын Самодуевых (1737–1738 годы)[45] и Василий Семенов сын Темкин (1733–1734 годы)[46].

Происхождение работников артели также было связано с Подвиньем: Княжостровской (Петр Павлов сын Мосеев)[47], Койдокурской (Д. К. Матвеевых)[48] и Курейской (Тимофей Опаницын и В. С. Темкин)[49] волостями. Один из работников артели (Андрей Кожин) был онежанином[50].

Оплата труда судовой артели производилась на следующих основаниях. Во-первых, кормщики и матросы получали плату за свой труд в разное время и по отдельности, в то время как все виды выплат артели мурманщиков производились коллективу в целом. Работники судовой артели нанимались монастырем поодиночке, в результате чего первым выплату получал кормщик, а уже затем матросы. Во-вторых, судовая артель не принимала участия в промысле, в силу чего оплата труда не зависела от объема добычи рыбы.

Как правило, выплаты судовой артели производились частями: задаток – перед походом, основная плата – после. В некоторых случаях основная плата выдавалась перед навигацией. Размеры выплат кормщикам яхты представлены в табл. 1. Для ряда лет сведения таблицы неполны. Так, источники не приводят полных данных о размере оплаты кормщикам в 1730, 1737–1738, 1740, 1742 годах. В среднем размер жалованья кормщиков колебался от 6,75 до 7,5–8,5 руб.

Таблица 1. Выплаты кормщикам яхты Николо-Корельского монастыря

Table 1. Payments to helmsmen on the yacht of the Nikolo-Korelsky Monastery

Год	Кормщик	Задаток	Доплата	Выдано
1728	1	25 к.	6,5 р.	6,75 р.
1730	1	–	2 р.	2 р.
1732	1	2 р.	5 р. 16 ал. 4 де.	7 р. 16 ал. 4 де.
1733	1	4 р.	2 р.	6 р.
1734	1	5	3 р. 16 ал. 4 де.	8 р. 16 ал. 4 де.
1737	1	1 р.	0,5 р.	1,5 р.
1738	1	0,5 р.	1 р.	1,5 р.
1739	1	0,5 р.	6 р. 16 ал. 4 де.	7 р.
1740	1	–	4 р.	4 р.
1742	1	–	1 р. 1 гр.	1 р. 1 гр.
1743	1	1 р.	9 р.	10 р.
1747	1	–	–	7 р.
1751	1	–	–	5 р. 75 к.

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1791. Л. 5; Оп. 2. Д. 117. Л. 15 об.; Д. 151. Л. 11; Д. 158. Л. 2; Д. 173. Л. 24 об.; Д. 187. Л. 7 об., 9; Д. 197. Л. 8 об.–9; Д. 210. Л. 26; Д. 225. Л. 23–23 об.; Д. 240. Л. 9 об., 15 об.; Д. 289. Л. 8; Д. 325. Л. 16; Оп. 4. Д. 112. Л. 11; Д. 113. Л. 2 об., 3 об.

В табл. 2 представлены данные об оплате труда гукорных кормщиков.

Таблица 2. Выплаты кормщикам гукора Николо-Корельского монастыря

Table 2. Payments to helmsmen on the gukor of the Nikolo-Korelsky Monastery

Год	Кормщик	Задаток	Доплата	Выплачено
1732	1	1 р. 6 ал. 4 де.	2 р. 8 ал. 2 де.	3 р. 15 ал.
1733	1	–	–	3 р. 16 ал. 4 де.
1734	1	2 р.	2 р.	4 р.
1737	1	1,5 р.	–	1,5 р.
1738	1	2 р.	2 р.	4 р.
1739	1	2 р.	2 р.	4 р.
1740	1	2 р. 10 ал.	3 р.	5 р. 10 ал.
1741	1	2 р.	2 р.	4 р.
1742	1	2 р. 7 гр.	2 р.	4 р. 7 гр.
1743	1	–	5	5 р.

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2168. Л. 27; Оп. 2. Д. 151. Л. 15; Д. 158. Л. 12 об.; Д. 187. Л. 8, 12; Д. 197. Л. 8 об., 16 об.; Д. 210. Л. 24, 28 об., 33, 39 об.; Д. 225. Л. 19, 30 об.; Д. 239. Л. 15 об.; Оп. 4. Д. 112. Л. 13 об.; Д. 113. Л. 1.

Степень полноты данных таблицы более высокая. В среднем оплата труда кормщика на гукоре также колебалась от 3,5 до 4,5–5 руб. Меньшие, в сравнении с яхтой, размеры судна, а также более короткий маршрут отражались и на размере платы кормщику. Работа на гукоре оценивалась в 1,5–2 раза ниже, чем на яхте.

Данные об оплате труда матросов яхты представлены в табл. 3. В нее включены графы, отражающие колебания (минимальная и максимальная) выплат работникам артели.

Таблица 3. Выплаты работникам яхты Николо-Корельского монастыря

Table 3. Payments to sailors on the yacht of the Nikolo-Korelsky Monastery

Год	Кол-во человек в артели	Выплаты одному матросу		Итого
		min	max	
1728	4	3 р. 5 ал.	3 р. 30 ал.	14 р. 11 ал. 4 де.
1730	4	1 р. 11 ал. 4 де.	2 р. 3 ал. 2 де.	7 р. 21 ал. 4 де.
1732	4	2 р.	3 р.	10 р.
1733	3	2 р.	3 р.	7 р.
1734	4	3 р.	6 р.	18 р. 25 ал.
1738	4	16 ал. 4 де.	4 р.	5 р. 23 ал. 2 де.
1739	4	3, 5 р.	4 р.	11, 5 р.
1740	5	1 р. 16 ал. 4 де.	3 р.	10 р. 16 ал. 4 де.
1743	4	4 р.	8 р.	24 р. 25 ал.
1747	5	–	6 р.	30 р.
1751	3	–	4 р. 50 к.	13 р. 50 к.

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1791. Л. 5; Оп. 2. Д. 117. Л. 15 об.; Д. 151. Л. 11; Д. 158. Л. 2; Д. 173. Л. 24 об.; Д. 187. Л. 7 об., 9; Д. 197. Л. 8 об.–9; Д. 210. Л. 26; Д. 225. Л. 23–23 об.; Д. 240. Л. 9 об., 15 об.; Д. 289. Л. 8; Д. 325. Л. 16; Оп. 4. Д. 112. Л. 11; Д. 113. Л. 2 об., 3 об.

Для 1737 и 1742 годов выплаты матросам отражены в источниках не полностью. Размеры максимальной и минимальной платы в среднем различаются в два раза. Чем это объяснимо? Ведь матросы выполняли примерно одни и те же виды работ. Возможно, разница в оплате связана с тем, за чей счет кормился матрос во время пути – свой или монастыря. В первом случае следовало повышенное жалование, которое должно было покрыть расходы на питание.

В табл. 4 представлены данные об оплате труда матросов гукора. Значительные расхождения в размерах жалованья, выплачиваемого матросам, заставили нас отказаться от выделения граф min и max.

Таблица 4. Выплаты артели гукора Николо-Корельского монастыря

Table 4. Payments to the crew on the gukor of the Nikolo-Korelsky Monastery

Год	Задаток	Доплата	Итого
1732	16 ал. 4 де.	2 р. 16 ал. 4 де.	3 р.
1733	1 р. 26 ал. 4 де.	2 р. 6 ал. 4 де.	4 р.
1734	25 ал. 4 де.	2 р. 23 ал. 2 де.	3 р. 15 ал. 4 де.
1737	2 р. 23 ал. 2 де.	3 р. 3 ал. 2 де.	5 р. 26 ал. 4 де.
1738	2 р. 18 ал. 2 де.	4 р.	6 р. 18 ал. 2 де.
1739	3 р. 10 ал. 4 де.	4 р. 15 ал.	7 р. 25 ал. 4 де.
1740	1 р. 23 ал. 2 де.	3 р. 26 ал. 4 де.	5 р. 16 ал. 4 де.
1741	4 р. 16 ал. 4,5 де.	–	4 р. 16 ал. 4,5 де.

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 2168. Л. 27; Оп. 2. Д. 151. Л. 15; Д. 158. Л. 12 об.; Д. 187. Л. 8, 12; Д. 197. Л. 8 об., 16 об.; Д. 210. Л. 24, 28 об., 33, 39 об.; Д. 225. Л. 19, 30 об.; Д. 239. Л. 15 об.; Оп. 4. Д. 112. Л. 13 об.; Д. 113. Л. 1.

Труд матроса гукора оценивался примерно во столько же, во сколько и кормщика. Вместе с тем кормщик гукора получал в два раза меньше, чем кормщик яхты. Следовательно, при определении размеров оплаты труда во внимание принималась сложность управления судном и дальность маршрута.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на протяжении первой половины XVIII века Николо-Корельский монастырь для морских перевозок на Мурманский берег использовал разные типы судов: до 1720-х годов – традиционную поморскую лодью, с конца 1720-х годов под влиянием реформы судостроения – яхту и гукор. Только к середине XVIII века монастырь смог вернуться к эксплуатации традиционного поморского судна – кочмары. Это стало возможным благодаря изменению законодательства в послепетровский период, позволявшему строительство привычных для Поморья типов судов. Судовые команды включали кормщиков и матросов: первые составляли наиболее квалифицированную и устойчивую часть, вторые – наиболее текучую. Территориальное происхождение кормщиков и матросов было связано с районом Подвинья, где находились владения Николо-Корельского монастыря. Оплата труда судовых работников отличалась от тех принципов распределения доходов, который использовался на мурманском рыбном промысле. Если заработок мурманского промышленника зависел от объемов улова, то судовые работники получали фиксированную плату. Бóльшие выплаты получали работники яхты, что могло быть связано с протяженностью маршрута.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00154 А. «Монастырская и крестьянская промысловая колонизация районов Европейской Арктики в XVI–XVIII вв.»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее об этом см.: [10: 167–168, 170, 243].
[2] Яхта была построена мастером из Ровдогорской волости крестьянином Петром Долиным в 1727 году. См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 529н. Л. 124–125.
[3] ГААО. Ф. 191. Оп. 2. Д. 325. Л. 15 об.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 1791. Л. 5 об.; Оп. 2. Д. 117. Л. 15 об.; Д. 151. Л. 16 об.; Д. 239. Л. 15 об.
[5] Там же. Оп. 1. Д. 788а. Л. 4; Д. 790. Л. 42 об., 55 об.; Д. 791. Л. 7 об., 16 об., 47 об.
[6] Семен Зеленков (1682 год), Данила (1684 год), Иван Колоколнин (1685 год), Левонтий Ушков (1699 год). См.: ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 730. Л. 32; Д. 777. Л. 55 об.; Д. 790. Л. 42 об.; Д. 1082. Л. 73 об.
[7] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 730. Л. 32 об.
[8] Там же. Д. 1177. Л. 33; Д. 1193. Л. 10 об.; Д. 1269. Л. 66 об.; Оп. 2. Д. 9. Л. 13 об.; Д. 31. Л. 2 об.; Оп. 4. Д. 86. Л. 3 об.
[9] Там же. Оп. 1. Д. 1456. Л. 6.
[10] Подробный анализ Новодвинского сражения представлен в монографии Ю. Н. Беспятых. См.: [1: 256–285].
[11] По царскому указу от 24 октября 1701 года И. Е. Рябе были выданы сукно, деньги (5 р.), подводы и провожатый от Москвы до Двины. См.: [1: 327, 329]. Ранее документ был опубликован И. М. Гостевым. См.: [1: 327, 361].
[12] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1204. Л. 4; Д. 1228. Л. 3 об.; Д. 1247. Л. 4 об.; Д. 1407. Л. 1 об., 5 об., 9 об.; Д. 1456. Л. 10.
[13] Там же. Оп. 2. Д. 117. Л. 8 об., 15 об.
[14] Там же. Оп. 1. Д. 1791. Л. 5; Д. 1837. Л. 5; Оп. 4. Д. 112. Л. 11.
[15] Там же. Оп. 2. Д. 151. Л. 11; Д. 158. Л. 2.
[16] Там же. Д. 173. Л. 24 об.; Д. 187. Л. 7 об.; Д. 197. Л. 8 об.; Д. 210. Л. 26; Д. 225. Л. 23; Д. 240. Л. 9 об., 15 об.
[17] Там же. Оп. 1. Д. 2346. Л. 1; Оп. 2. Д. 289. Л. 8.
[18] Там же. Оп. 2. Д. 325. Л. 16.
[19] Там же. Оп. 1. Д. 1791. Л. 5–5 об.; Оп. 2. Д. 117. Л. 15 об.; Д. 158. Л. 3–3 об., 16; Д. 187. Л. 7 об., 9; Д. 240. Л. 9 об., 15 об.; Оп. 4. Д. 113. Л. 2 об.
[20] Там же. Оп. 2. Д. 210. Л. 26–26 об.; Д. 289. Л. 8.
[21] Там же. Д. 151. Л. 16 об.; Д. 173. Л. 24 об.; Д. 325. Л. 16.
[22] Там же. Оп. 1. Д. 2346. Л. 1; Оп. 2. Д. 325. Л. 16.
[23] Там же. Оп. 2. Д. 240. Л. 15 об.; Д. 187. Л. 7 об., 9.
[24] Там же. Оп. 1. Д. 1791. Л. 5 об.; Оп. 2. Д. 158. Л. 3 об.
[25] Там же. Оп. 1. Д. 2346. Л. 1; Оп. 2. Д. 289. Л. 8; Д. 325. Л. 16.
[26] Там же. Оп. 1. Д. 1791. Л. 5; Оп. 4. Д. 113. Л. 2 об.

[27] Там же. Оп. 1. Д. 2346. Л. 1; Оп. 2. Д. 158. Л. 16; Д. 173. Л. 24 об.; Д. 187. Л. 9; Д. 197. Л. 11 об.; Д. 210. Л. 26; Д. 289. Л. 8.
[28] Там же. Оп. 1. Д. 1837. Л. 5; Оп. 2. Д. 117. Л. 15 об.; Д. 151. Л. 16 об.; Д. 158. Л. 16; Оп. 4. Д. 113. Л. 2 об.
[29] Там же. Оп. 2. Д. 151. Л. 14, 16 об.; Д. 240. Л. 9 об., 15 об.
[30] Там же. Д. 158. Л. 3.
[31] Там же. Д. 117. Л. 15 об.
[32] Там же. Д. 210. Л. 26.
[33] Там же. Д. 197. Л. 11 об.
[34] Там же. Оп. 1. Д. 2346. Л. 1; Оп. 2. Д. 289. Л. 8.
[35] Там же. Оп. 2. Д. 210. Л. 26.
[36] Там же. Оп. 4. Д. 112. Л. 13 об.
[37] Там же. Оп. 2. Д. 151. Л. 15.
[38] Там же. Д. 158. Л. 12 об.
[39] Там же. Оп. 1. Д. 2168. Л. 16; Оп. 2. Д. 187. Л. 8; Д. 197. Л. 8 об.; Д. 210. Л. 24; Д. 225. Л. 19; Д. 240. Л. 14.
[40] Там же. Оп. 1. Д. 2168. Л. 16–16 об.; Оп. 2. Д. 151. Л. 13 об.; Д. 158. Л. 13–13 об.; Д. 210. Л. 27–28 об.; Оп. 4. Д. 113. Л. 1; Д. 112. Л. 14 об.
[41] Там же. Оп. 2. Д. 187. Л. 8; Д. 197. Л. 8 об.
[42] Там же. Д. 197. Л. 8 об.; Д. 210. Л. 27.
[43] Там же. Д. 197. Л. 8 об.; Д. 210. Л. 28 об.
[44] Там же. Д. 173. Л. 24 об.; Д. 187. Л. 8.
[45] Там же.
[46] Там же. Д. 151. Л. 13 об.; Д. 158. Л. 13 об.
[47] Там же. Д. 151. Л. 13 об.
[48] Там же. Оп. 2. Д. 173. Л. 24 об.; Д. 187. Л. 8.
[49] Там же. Оп. 4. Д. 112. Л. 14 об.
[50] Там же. Оп. 1. Д. 2168. Л. 16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспятых Ю. Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр “БЛИЦ”»: Историческая иллюстрация, 2010. 680 с.
2. Богданова А. В. Солдаты соловецкого гарнизона в XVIII веке // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2016. Вып. 15. С. 63–79.
3. Богданова А. В. Соловецкий монастырь в Екатерининскую эпоху: из истории секуляризационной реформы 1764 года. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 318 с.
4. Богомазова А. А. Лодейные кормщики XVI–XVII в. в документах Соловецкого монастыря // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2015. Вып. 14. С. 53–57.
5. Богомазова А. А. Транспортные связи Соловецкого монастыря с усольями в первой половине – середине XVII в. (на примере Летнорецкого усолья) // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2014. Вып. 13. С. 69–74.
6. Брызгалов В. В., Овсянников О. В., Ясински М. Э. Беломорские щерботы: «новоманерные» суда первой половины XVIII столетия // Труды Архангельского центра Русского географического общества. Архангельск: Архангельский центр Рус. геогр. о-ва, 2014. Вып. 2. С. 46–66.
7. Брызгалов В. В. Иван Ермолин, прозванием Ряб // Волна. 1992. 19 декабря.
8. Коньков Н. Л. Кто он, лодейный кормщик // Правда Севера. 1972. 30 июня.
9. Копытова Н. С. «Издревле как деды и отцы наши строили…»: строительство староманерных судов Соловецким монастырем и монастырскими крестьянами в первой трети XVIII в. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2012. Вып. 11. С. 8–14.
10. Никонов С. А. Монастырская и крестьянская промысловая колонизация Европейской Арктики в XVI–XVIII вв.: Дис. … д-ра ист. наук. Мурманск, 2018. 574 с.
11. Пузырев В. П. Паруса над студеным морем: (судостроение, промыслы и торговое судоходство на Белом море в 18 веке). М., 2009. 208 с.
12. Тревожные годы Архангельска, 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Изд. подгот.: Ю. Н. Беспятых, В. В. Брызгалов, П. А. Кротов. Архангельск: Арханг. фил. Рус. геогр. о-ва РАН, 1993. 430 с.
13. Филин П. А. Из истории судостроения Соловецкого монастыря // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2012. Вып. 11. С. 15–20.

Поступила в редакцию 24.06.2019

Sergey A. Nikonov, Doctor of History, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation)
snikonov-77@mail.ru

CREWS OF THE SEA VESSELS OF THE NIKOLO-KORELSKY MONASTERY DURING THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY: STRUCTURE AND EMPLOYMENT CONDITIONS*

The article deals with the organization of the ship crews of the Nikolo-Korelsky Monastery during the first half of the XVIII century. The relevance of the work is associated with the disclosure of the system of communications of the coastal marine economy in the pre-industrial era. In this era, communications operated seasonally, not providing year-round maintenance of remote fisheries. The problem of the sea and river communications of the Pomorye monasteries has been repeatedly addressed by researchers, but for the Nikolo-Korelsky Monastery this topic remains undeveloped. The monastery carried cargo to the Murmansk fishery and supplies for the garrison of the Kola fort. For these purposes, since the 1720s two types of ships were used – sailboats and hookers (gukors). Ship crews consisted of helmsmen and sailors. The research revealed the territorial origin of the crew members, the stability of labor relations with the monastery, the working conditions, and the wage rates. In the course of the study, the following conclusions were made: the Nikolo-Korelsky Monastery felt the impact of Peter the Great's reforms, which required the transition from traditional Pomor vessels to western European types of ships; the composition of the ship crews was flexible and changed almost annually, while captains (helmsman) worked for a long period; the wages of sailors were fixed and depended on the length of each sea route, while at the Murmansk fishery the income was determined by the volume of production and was unstable.

Keywords: Nikolo-Korelsky monastery, Murmansk coast, Podvinye, artel, helmsman, Ivan Ryaba (Ryabov), sailboat, rowboat, hooker, kochmara

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No 18-09-00154 A. "Monastic and peasant commercial colonization of the European Arctic in the XVI–XVIII centuries").

Cite this article as: Nikonov S. A. Crews of the sea vessels of the Nikolo-Korelsky Monastery during the first half of the XVIII century: structure and employment conditions. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 51–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.449

REFERENCES

1. Bespyatykh Yu. N. Arkhangelsk before and during the Great Northern War of 1700–1721. St. Petersburg, 2010. 680 p. (In Russ.)
2. Bogdanova A. V. Soldiers of the Solovetsky Monastery garrison in the XVIII century. *The Solovetsky Sea: Historical and literary anthology.* Arkhangelsk, Moscow, 2016. Issue 15. P. 63–79. (In Russ.)
3. Bogdanova A. V. The Solovetsky Monastery in the Catherine the Great era: the history of the 1764 secularization reform. Moscow, 2017. 318 p. (In Russ.)
4. Bogomazova A. A. Boat helmsmen of the XVI and the XVII centuries in the documents of the Solovetsky Monastery. *The Solovetsky Sea: Historical and literary anthology.* Arkhangelsk, Moscow, 2015. Issue 14. P. 53–57. (In Russ.)
5. Bogomazova A. A. Transport links between the Solovetsky Monastery and salt mining settlements in the first half and the middle of the XVII century (by the example of Letnoretskoye usolye). *The Solovetsky Sea: Historical and literary anthology.* Arkhangelsk, Moscow, 2014. Issue 13. P. 69–74. (In Russ.)
6. Bryzgalov V. V., Ovsyannikov O. V., Yasinski M. E. The White Sea scheerboots: "new-type" ships of the first half of the XVIII century. *Proceedings of the Arkhangelsk Branch of the Russian Geographical Society.* Arkhangelsk, 2014. Issue 2. P. 46–66. (In Russ.)
7. Bryzgalov V. V. Ivan Yermolin, nicknamed "Ryab". *The Wave*. 1992. December 19. (In Russ.)
8. Kon'kov N. L. This boat helmsman, who is he? *Truth of the North*. 1972. June 30. (In Russ.)
9. Kopytova N. S. "Like our grandfathers and fathers have built since the ancient times...": construction of old-type ships by the Solovetsky Monastery and monastic peasants during the first third of the XVIII century. *The Solovetsky Sea: Historical and literary anthology.* Arkhangelsk, Moscow, 2012. Issue 11. P. 8–14. (In Russ.)
10. Nikonov S. A. Monastic and peasant commercial colonization of the European Arctic in the XVI–XVIII centuries: Doctoral dissertation (History). Murmansk, 2018. 574 p. (In Russ.)
11. Puzyryov V. P. Sails above the icy sea: (shipbuilding, fisheries and commercial shipping on the White Sea in the XVIII century). Moscow, 2009. 208 p. (In Russ.)
12. Alarming years for Arkhangelsk, 1700–1721: Documents on the history of the White Sea region in Peter the Great era. (Yu. N. Bespyatykh, V. V. Bryzgalov, P. A. Krotov, Eds.). Arkhangelsk, 1993. 430 p. (In Russ.)
13. Filin P. A. The history of shipbuilding of the Solovetsky Monastery. *The Solovetsky Sea: Historical and literary anthology.* Arkhangelsk, Moscow, 2012. Issue 11. P. 15–20. (In Russ.)

Received: 24 June, 2019

Т. 42. № 2. С. 58–69 **Отечественная история** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450
УДК 94(470.22)

ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА ПЛЕХ
кандидат исторических наук, научный сотрудник центра «История России XIX – начала XX вв.»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской академии наук»
(Москва, Российская Федерация)
plekh@mail.ru

СОСТАВ ЧИНОВНИЧЕСТВА ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Рассматриваются проблемы кадрового обеспечения местных учреждений Олонецкой губернии в первой половине XIX века. На материалах систематического учета чиновничества (групповые формулярные списки) проанализирован состав служащих по сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Представленная характеристика позволила проиллюстрировать кадровые проблемы, с которыми столкнулась губерния в этот период, и результаты предпринимаемых правительством мер, направленных на их решение, а полученные статистические данные отразили особенности правительственного курса в области формирования социальной базы олонецкой бюрократии. Установлено, что в изучаемый период добиться укомплектования местных учреждений за счет внутренних ресурсов губернии не представлялось возможным, и аппарат управления Олонецкой губернии состоял наполовину из приезжих лиц. Назначение на должности служащих из других регионов, введение преимуществ по службе, разрешение принимать в канцелярское звание людей из податного состояния – все это влияло на состав бюрократии. Анализ сословного происхождения служащих выявил высокий удельный вес представителей дворянства, потомственных гражданских служащих и лиц из податных состояний. Показатели по возрастному составу первой четверти XIX века отражают кадровый голод и крайне медленное пополнение местных учреждений молодыми кадрами, а второй – наоборот, приток служащих из других губерний и постепенное омоложение, завершившееся в середине века «сменой поколений» служащих. Данные относительно образования свидетельствуют об общем низком уровне профессиональной подготовки. Несмотря на то что предпринимаемые правительством меры, связывавшие уровень образования с чинопроизводством, повышали заинтересованность будущих чиновников в получении аттестатов учебных заведений, однако и к середине века большинство служащих являлись лицами с начальным или домашним образованием.

Ключевые слова: кадровый состав, чиновничество, местное управление, гражданская служба, формулярные списки, сословное происхождение, возрастной состав, уровень образования, Олонецкая губерния

Для цитирования: Плех О. А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 58–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450

ВВЕДЕНИЕ

В современной науке наблюдается неугасающий интерес к истории бюрократии Российской империи. В отдельное направление исследований выделилось изучение провинциального чиновника, социокультурный облик которого в значительной степени отличался от столичных типажей и во многом зависел от специфики региона, с которым была связана его служебная деятельность [5], [7], [8], [10], [15][1]. При всей многочисленности имеющихся публикаций проблемы кадрового обеспечения местных учреждений Европейского Севера России в первой половине XIX века остаются практически неразработанными [1], [4], [14][2], а чиновничество Олонецкой губернии в указанных хронологических рамках еще не становилось предметом научного анализа. Между тем материалы по этой губернии представляются весьма ценными для изучения системы государственного управления Российской империи, поскольку, с одной стороны, это был регион с ярко выраженной спецификой, требовавшей учета при регулировании кадрового состава (речь идет о северной слабозаселенной территории, в сословном составе населения которой преобладали государственные крестьяне, дворянство было представлено незначительно, а в этническом – был высок процент инородцев), а с другой – в первой половине XIX века, когда государству приходилось комплектовать про-

© Плех О. А., 2020

винциальный аппарат управления в условиях дефицита квалифицированных кадров, местные учреждения Олонецкой губернии функционировали в условиях острого недостатка чиновников и, особенно, канцелярских служителей, и речь идет не о нехватке профессиональных управленцев, а о фактическом отсутствии желающих нести службу в суровом северном крае.

Итак, в центре внимания настоящей статьи – служащие Олонецкой губернии первой половины XIX века: их состав по сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Документальная основа исследования – материалы систематического учета чиновничества: групповые формулярные списки, сохранившиеся в фонде 1349 Российского государственного исторического архива (далее – РГИА)[3]. Историки, занимающиеся разработкой проблем кадрового обеспечения, активно обращаются к этим источникам, однако представленные в данной статье материалы по составу олонецких чиновников еще не вводились в научный оборот.

***

В ходе настоящего исследования проанализированы материалы групповых формулярных списков за 1803, 1826, 1844 и 1850 годы[4]. Выбор хронологических срезов обусловлен следующим. Документы, датированные 1803 годом, – это самый ранний групповой формулярный список, сформированный по результатам укомплектования местных учреждений на момент восстановления губернии[5]. Он включает не только чиновников, но и канцелярских служителей, что для данного источника является большой редкостью. По документам за 1826 год можно судить о результатах кадровой политики правительства Александра I, а за 1850-й – Николая I, однако и тот и другой списки содержат информацию только о чиновниках. В связи с этим еще проанализированы списки за 1844 год, которые, так же как и материалы 1803 года, включают полный состав служащих (и чиновников, и нечиновников). Информация из указанных источников была систематизирована в электронной базе данных, что позволило получить статистические показатели по составу служащих[6].

В табл. 1 представлено сословное происхождение служащих Олонецкой губернии. Полученные показатели весьма любопытны. Их объяснение требует учета многих факторов, определявших социальную базу комплектования олонецкой бюрократии. Напомним, что для верховной власти предпочтительным источником пополнения кадров провинциального аппарата управления являлись дворянство и потомственные служащие («обер-офицерские» дети и дети канцелярских служителей). Если эти сословные группы среди населения губернии были малочисленны и не обеспечивали требуемого притока кадров, то государство направляло на канцелярскую службу «излишних» детей священно- и церковнослужителей, для которых обучение грамоте являлось обязательным. Однако в изучаемой губернии состав населения был таков, что за счет внутренних ресурсов добиться желаемого кадрового обеспечения не представлялось возможным: в 1780-е годы из 230 тыс. человек, населявших губернию, потомственных дворян насчитывалось 238, или 0,1 %, разночинцев – 1739 (0,8 %), духовенства – 449 (0,2 %)[7]; в 1850-е годы из 287 тыс. человек – 1204 (0,4 %), 6108 (2,1 %), 4083 (1,4 %) соответственно[8]. Иными словами, показатели по сословному происхождению служащих связаны не только с составом населения. Немаловажную роль играло то, что в олонецких учреждениях была высока доля приезжих: удельный вес уроженцев губернии в 1803 году составлял 56,0 %, в 1826 – 44,8 %, в 1844 – 51,0 %, в 1850 – 41,8 %.

Таблица 1. Сословное происхождение служащих Олонецкой губернии
Table 1. Estate origins of civil servants in Olonetsk province

Год	Дворянство		Дети «обер-офицеров»		Духовенство		Дети приказных служителей		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1803	66	24,8	53	19,9	40	15,0	39	14,7	68	25,6	266	100
1826	29	27,6	37	35,2	12	11,4	5	4,8	22	21,0	105	100
1844	141	29,9	163	34,6	42	8,9	28	6,0	97	20,6	471	100
1850	152	37,3	136	33,4	39	9,6	10	2,5	70	17,2	407	100

Примечание. В таблице выделено 5 групп: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян (дети «обер-офицеров»); 3) дети канцелярских, или приказных, служителей; 4) духовенство (дети священно- и церковнослужителей); 5) прочие социальные группы, представители которых на гражданской службе были малочисленны (выходцы из купечества, мещанства, крестьянства, иностранцы, дети унтер-офицеров и солдат, дети низших служителей гражданского, военного, почтового, горнозаводского и духовного ведомств, дети из воспитательных учреждений и др.).

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

Итак, представленные в табл. 1 данные свидетельствуют о следующем. Во-первых, на протяжении всего изучаемого периода довольно высоким был удельный вес потомственных дворян: в начале века он равнялся 24,8 %, а к середине достиг 37,3 %[9]. Как уже стало понятно, эту динамику не следует связывать с численностью «благородного» сословия в Олонецкой губернии, которая и в абсолютном, и в относительном измерении была более чем скромной. Отметим, что несмотря на это в первое десятилетие XIX века в губернии даже проводились дворянские выборы (до 1811 года[10]), но на представительство сословия в составе служащих этот фактор значительного влияния не оказывал. Так, в 1803 году по результатам выборов были заполнены 30 должностей, но из них только 19 детьми потомственных дворян, а остальные выходцами из других сословий, приобретшими потомственные права на государственной службе. Во-вторых, удельный вес потомственных гражданских служащих (то есть детей чиновников, или «обер-офицерских детей», и детей приказных служителей) варьировался от 34,6 до 40,6 %, что также следует рассматривать как высокие показатели[11]. Подчеркнем, что на материалах Олонецкой губернии прослеживается общая для состава местной бюрократии тенденция, обусловленная изменениями в системе чинопроизводства: постепенное увеличение доли «обер-офицерских детей» (с 19,9 до 33,4 %) и уменьшение детей приказных служителей (с 14,7 до 2,5 %). В-третьих, представительство духовенства в составе олонецких служащих выглядит небольшим (по сравнению с другими губерниями, как северными, так и центральными[12]) и на протяжении первой половины XIX века сокращается с 15,0 до 9,6 %. В-четвертых, внушительными представляются показатели в графе «прочие» табл. 1 (с 17,2 до 25,6 %), куда отнесены в большинстве своем лица из податных состояний, а также такая характерная для горнозаводского района категория населения, как дети мастеровых и заводских рабочих, как положенных, так и неположенных в подушный оклад (в 1803 году их доля в общем составе служащих достигала 7,5 %, в 1826 – 1,9 %, в 1844 – 3,2 %, в 1850 году – 2,2 %).

При характеристике полученных данных и наблюдаемой динамики следует, конечно, учитывать предпринимаемые правительством меры, направленные на устранение кадрового голода, который испытывали местные учреждения Олонецкой губернии. На протяжении всего изучаемого периода государство направляло сюда чиновников из центральных учреждений и других губерний, в том числе и специалистов – врачей, землемеров и архитекторов (нехватка этих служащих, в особенности врачей, ощущалась повсеместно; лишь к 1840-м годам удалось наладить их профессиональную подготовку, позволявшую закрывать вакансии даже в отдаленных губерниях[13]). С 1816 года должности полицмейстеров и городничих замещались «отставными за ранами» офицерами по определению Александровского комитета о раненых[14]. Среди них, с одной стороны, были потомственные дворяне, а с другой – представители разных сословий, в том числе податных (крестьян, мещан, солдат, иностранцев), кому удалось на военном поприще выслужить классные чины. Кроме того, на определенные должности (квартальные надзиратели, тюремные смотрители, реже – канцелярские служащие) назначались вышедшие в отставку по выслуге лет военные нижние чины (в основном рекруты из крестьян и мещан). Довольно специфичной выглядела практика определения к должностям лиц, сосланных в губернию под надзор полиции: одних «за праздную и нетрезвую жизнь»[15], других – по прикосновенности к политическим делам, в том числе поляков[16]. Конечно, далеко не всем удавалось добиться такой привилегии, находясь в ссылке. Во многом это становилось возможным благодаря покровительству губернаторов. Всего в 1844 году таковых насчитывалось 6 человек (все дворяне)[17], в 1850 – 5 (3 дворянина, 1 сын протоиерея и 1 сын подьячего)[18].

Проблема заполнения канцелярских мест, почти повсеместно проявившаяся еще в ходе губернской реформы 1775 года, вынуждала государство допускать на службу выходцев из податных сословий [11: 103–105]. Не была исключением и Олонецкая губерния, где эта проблема ощущалась особенно остро. Как убедительно доказывает Л. Ф. Писарькова, в первой четверти XIX века правительство хотя и предпринимало попытки ограничить доступ на гражданскую службу представителям податных сословий, однако вынуждено было допускать исключения из общих правил [11: 139–149], а в 1826 году олонецким учреждениям официально разрешили «принимать в канцелярское звание людей податного состояния»[19].

С 1838 года на канцелярские должности в Олонецкую губернию стали направлять воспитанников из особо учрежденных при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов (лица, выпущенные в звании младших писцов, обязаны были прослужить не менее 10 лет, старших – 8), а в 1840-е годы – еще и Александровского воспитательного заведения для бедных дворян Рязанской

губернии[20]. По групповым формулярным спискам за 1844 год насчитывалось 34 воспитанника, за 1850-й – 23. С точностью определить сословную принадлежность многих из этих лиц невозможно, поскольку в большинстве случаев в графе формулярного списка «из какого звания происходит» указывалось – «из воспитанников»[21] (в табл. 1 такие служащие отнесены в графу «прочие»). Известно, что в отделения для подготовки писцов принимались «неимущие сироты всех состояний, кроме помещичьих крестьян»[22].

Особую роль в привлечении кадров сыграли указы, устанавливавшие льготы для лиц, желавших отправиться на службу в Олонецкую губернию [12: 131–142]. Для верховной власти это были вынужденные меры, и первоначально они рассматривались исключительно как временные. Так, 31 октября 1828 года было издано особое постановление «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей»[23], а указом от 30 марта 1832 года подтверждены и расширены нормы о поощрении служащих[24]. В 1835 году изучаемая губерния лишилась привилегий[25], но уже через несколько лет государство было вынуждено признать необходимость введения служебных преимуществ на постоянной основе, что нашло закрепление сначала в указе от 29 апреля 1839 года[26], а затем – от 9 июня 1842 года[27].

Принятие этих законов привело к ощутимому притоку служащих, изменившему не только численность, но и состав олонецкой бюрократии. Выявленные в ходе настоящего исследования групповые формулярные списки позволяют представить некоторые данные относительно служащих, воспользовавшихся льготами. Так, по групповым формулярным спискам за 1844 год на службе состояло не менее 104 человек (то есть 22,1 % от всех учтенных лиц), которые воспользовались льготами в соответствии с обозначенными указами, – из них 40 являлись потомственными дворянами (38,5 %), 35 «обер-офицерскими» детьми (33,6 %), 11 выходцами из духовенства (10,6 %), 8 детьми канцелярских служителей (7,7 %), 10 относились к прочим социальным группам (9,6 %)[28]. В групповых формулярных списках за 1850 год численность таких лиц составляла уже 127 человек (или 31,2 %): 67 потомственных дворян (52,8 %), 36 «обер-офицерских» детей (28,3 %), 13 представителей духовенства (10,2 %), 2 детей приказных служителей (1,6 %) и 9 выходцев из прочих категорий населения (7,1 %)[29].

Отметим также, что в 1840-е годы денежные пособия и преимущества по службе полагались и лицам, направляемым от Александровского комитета о раненых[30], и специалистам[31], определяемым в губернию по назначению правительства (что увеличило число желающих отправиться в «отдаленные края» среди этих категорий служащих).

В табл. 2 и 3 представлен возрастной состав служащих Олонецкой губернии. Как уже упоминалось, канцелярские служители включены только в групповые формулярные списки за 1803 и 1844 годы. Поэтому, чтобы избежать искажения показателей и привести сопоставимые данные, эти категории служащих разделены: в табл. 2 помещены сведения по чиновникам, в табл. 3 – по канцелярским служителям.

Из табл. 2 следует, что в начале XIX века 26,8 % чиновников были в возрасте от 21 до 30 лет, 39,5 % – от 31 до 40, 16,5 % – от 41 до 50, средний возраст равнялся 38 годам; в 1826 году эти показатели составили 25,0 %, 27,9 %, 20,2 % и 42 года соответственно[32]. Во многих губерниях в начале XIX века основная масса чиновников являлась лицами, поступившими на службу во время открытия присутственных мест в ходе губернской реформы 1775 года; на протяжении первой четверти XIX века происходило постепенное омоложение состава и к 1826 году произошла «смена поколений», когда абсолютное большинство относилось уже к лицам не старше 40 лет[33]. В Олонецкой губернии эти процессы не были ярко выраженными, скорее, наблюдалась иная тенденция, что следует связывать с кадровыми проблемами и нехваткой служащих. Во второй четверти XIX века, когда правительству удалось добиться стабильного притока чиновников из других регионов, динамика возрастного состава олонецких чиновников выровнялась: в 1844 году 24,3 % чиновников были в возрасте от 21 до 30 лет, 33,1 % – от 31 до 40, 25,3 % – от 41 до 50, средний возраст равнялся 39 годам; в 1850 году эти показатели составили – 44,8 %, 23,9 %, 20,4 % и 35 лет соответственно. Отметим, что к середине века происходило омоложение состава чиновничества. И это связано не только с пополнением местного аппарата управления молодыми людьми. Для многих губерний это была общая тенденция: в начале 1850-х годов наблюдалась вторая волна «смены поколений» служащих[34].

В литературе неоднократно подчеркивалось, что канцелярские служители – это в основном либо молодые люди, либо те, кто не так давно поступил на службу и еще не успел выслужить первый чин [2: 602–603], [11: 202]. Что, конечно, неоспоримо, поскольку в первой половине

XIX века система чинопроизводства эволюционировала в направлении регулярного повышения в чинах в соответствии с определенной выслугой лет, соответственно, получение первого чина и вместе с ним переход в разряд чиновничества для служащего становились делом времени. Однако послужные списки канцелярских служителей среди архивных материалов встречаются нечасто, а документы, предоставляющие возможность оценить состав этой категории служащих по основной массе учреждений, вообще большая редкость.

Таблица 2. Возрастной состав чиновников Олонецкой губернии

Table 2. Age structure of officials in Olonetsk province

Возрастная категория	1803 год		1826 год		1844 год		1850 год	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 20 лет	2	1,3	0	0,0	3	1,1	1	0,3
21–30 лет	42	26,8	26	25,0	66	24,3	178	44,8
31–40 лет	62	39,5	29	27,9	90	33,1	95	23,9
41–50 лет	26	16,5	21	20,2	69	25,3	81	20,4
51–60 лет	17	10,8	15	14,4	32	11,8	30	7,6
Старше 60 лет	8	5,1	13	12,5	12	4,4	12	3,0
Всего	157	100,0	104	100,0	272	100,0	397	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

Таблица 3. Возрастной состав канцелярских служителей Олонецкой губернии

Table 3. Age structure of office clerks in Olonetsk province

Возрастная категория	1803 год		1844 год	
	чел.	%	чел.	%
До 15 лет	43	41,3	0	0,0
16–20 лет	26	25,0	45	23,1
21–30 лет	25	24,1	139	71,3
Старше 30 лет	10	9,6	11	5,6
Всего	104	100,0	195	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450.

Данные, представленные в табл. 3, позволяют не только увидеть возрастной состав, но и сравнить показатели за 1803 и 1844 годы. Так, в 1803 году наблюдается высокий удельный вес лиц, не достигших 16-летнего возраста (41,3 %), а в 1844 году таковых вовсе не имелось. Это в первую очередь связано с тем, что в первой четверти XIX века на службе не существовало возрастных ограничений. Только в 1827 году появился указ, гласивший: «…не достигший четырнадцатилетнего возраста не может быть причислен ни к одному гражданскому ведомству»[35], а действительная служба стала исчисляться с 16 лет. В связи с этим если в 1803 году среди олонецких служащих наиболее молодые были в возрасте 9–10 лет, то в 1844 году – 16 лет. Однако, как свидетельствуют послужные списки, многие служащие и в середине века начинали карьерный путь с 14 лет, но в материалы учета включались сведения только о лицах, состоявших на действительной службе. Отметим также, что в 1844 году велика доля лиц в возрасте от 21 до 30 лет (71,3 %). Это связано с принятием указа от 25 июня 1834 года[36], установившего прямую зависимость скорости приобретения чинов от уровня образования (лица, поступавшие на службу с аттестатами средних и высших учебных заведений, как правило, были старше 20 лет).

Следует обратить внимание и на «великовозрастных» канцелярских служителей. В 1803 году четверо были старше 40 лет, причем самый зрелый был в возрасте 63 лет[37]. Они не были судимы, на государственную службу поступили еще в XVIII веке (и к 1803 году уже обладали значительным опытом), имели положительные аттестации («к продолжению службы способен и к повышению чина достоин»). Установить причины их длительного пребывания в канцелярском звании, основываясь только на послужных списках, не представляется возможным. Сделаем лишь некоторые предположения. Несмотря на то что «выслуга лет стала главным условием движения по чиновной лестнице» еще в 1760 году [11: 110], в последующие десятилетия правила чинопроизводства неоднократно корректировались и дополнялись [11: 111–112] и к началу XIX века еще не оформились в устоявшуюся систему регулярного повышения в чинах. По всей видимости, в этот период помимо выслуги лет приблизить или отдалить момент награждения чином коллежского регистратора могли многие обстоятельства, в том числе занимаемая должность, сословное происхождение, отношение губернского и непосредственного начальства, личные качества служащего и результаты его работы. Не лучшим образом могли сказываться и перемещения канцелярских служителей из одного учреждения в другое. Во второй четверти XIX века ситуация заметно изменилась. После законодательного упорядочения правил чинопроизводства служащие получили возможность претендовать на регулярное повышение в чинах (по выслуге лет) при условии положительной аттестации. В 1844 году трое канцелярских служителей были старше 40 лет, самому возрастному насчитывался 51 год. Причины неполучения первого классного чина в каждом из этих случаев нашли отражение в послужных списках: двое из них являлись ссыль-

ными поляками (при высылке были разжалованы и поступили на службу в Олонецкой губернии «нижним канцелярским званием»[38]), а на карьере третьего отразилось нахождение под судом с продолжительным удалением от должности[39].

Изучение уровня образования служащих по групповым формулярным спискам осложнено тем, что в первой половине XIX века внесение таких сведений не являлось обязательным. Конечно, в отдельных случаях эта информация находила отражение (главным образом у лиц, посещавших высшие или средние учебные заведения, и без уточнения, удалось ли выдержать полный курс обучения). Так, в групповом формулярном списке за 1803 год образование указано у 26 лиц (или 9,8 % от общего числа служащих): у 2 высшее военное (Морская академия), у 9 среднее военное (кадетские корпуса), у 1 среднее гражданское (главное народное училище) и у 14 среднее духовное (семинарии). В 1826 году посещение учебных заведений отмечено в послужных списках 17 чиновников (или 16,2 %), из которых двое обучались в Московском университете, 14 получили среднее образование: 7 гражданское (гимназии, Санкт-Петербургское коммерческое училище), 5 военное (кадетские корпуса, штурманское училище), 1 духовное (семинария) и 1 низшее техническое (школа для рабочих при Ладожском канале).

После издания указа от 25 июня 1834 года, связавшего скорость приобретения чинов с уровнем образования[40], в послужные списки стали вносить информацию о высшем и среднем образовании. Однако незаконченное среднее и низшее образование, не оказывавшее влияния на приобретение чинов и замещение должностей, упоминались редко. Так, согласно групповым формулярным спискам, в 1844 году треть от всех олонецких служащих (32,7 %) являлись лицами, посещавшими учебные заведения. Высшее образование было указано у 31 служащего: из них 24 приобрели гражданские специальности (в том числе 11 медиков), 4 – технические и 3 – военные. Среднее образование (в том числе и незаконченное) отмечено в послужных списках 61 служащего: 36 проходили обучение в заведениях Министерства народного просвещения, 14 – в семинариях, 4 – в технических училищах, 7 – в кадетских корпусах. Состав выпускников напрямую отражал развитие сети учебных заведений. Среди них были лица, посещавшие Московский и Санкт-Петербургский университеты, Демидовский и Нежинский лицеи, Медико-хирургические академии, Горный и Морской кадетские корпуса, Артиллерийское училище, Училище гражданских инженеров, Константиновский межевой институт и т. п. Также в 1844 году у 62 служащих отмечено посещение низших учебных заведений, среди которых значились и училища, занимавшиеся специальной подготовкой писцов (или низших канцелярских служителей) – училища для детей канцелярских служителей (25 служащих[41]). В формулярных списках 26 служащих указывалось, что они являлись воспитанниками отделений для приготовления писцов Ярославского и Полтавского приказов общественного призрения. Таким образом, спустя 10 лет после реформирования правил чинопроизводства и введения преимуществ в соответствии с уровнем образования среди служащих Олонецкой губернии удельный вес лиц с высшим образованием составлял 6,6 %, со средним – 12,9 %, с низшим – 13,2 %, с домашним– 67,3 %.

Таблица 4. Образовательный уровень чиновников Олонецкой губернии в 1850 году

Table 4. Educational level of officials in Olonetsk province in 1850

Уровень образования	чел.	%
Высшее образование (законченное, незаконченное)	44	10,8
Среднее законченное образование	43	10,6
Среднее незаконченное образование	95	23,3
Низшее образование (законченное, незаконченное)	119	29,2
Домашнее образование	106	26,1
Всего	407	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

Указом от 16 июля 1849 года была введена новая форма послужного списка, требовавшая внесения информации о том, «где (служащий. – *О. П.*) получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук»[42]. В связи с этим в документах 1850 года содержатся наиболее точные сведения относительно уровня образования. Как видно из табл. 4, высшее образование получили 44 чиновника, из них 33 прошли обучение по гражданским специальностям (в том числе 12 медиков), 8 по техническим и 3 по военным. Законченное среднее образование отмечено у 43 чиновников (19 в заведениях Министерства народного просвещения, 9 – в семинариях, 8 – в технических училищах, 7 – в кадетских корпусах); незаконченное среднее – у 95 (75, 14, 2 и 4 соответственно). В послужных списках 119 чиновников указано посещение низших учебных заведений, в том числе училищ для детей канцелярских служителей (22 служащих), ярославского и полтавского отделений для приготовления писцов (19). Обращает на себя внимание и сословный состав, отражавший правительственную политику, покровительство-

вавшую в получении образования детям дворян и чиновников: потомственные дворяне среди лиц с высшим образованием составляли 68,2 %, со средним – 46,5 %, с незаконченным средним – 48,4 %; «обер-офицерские дети» – 9,1, 25,6 и 28,4 %; дети священно- и церковнослужителей – 4,5, 18,6 и 14,8 %; дети приказных служителей – 0,0, 0,0 и 2,1 %; представители прочих социальных групп – 18,2, 9,3 и 6,3 % соответственно.

По сравнению с 1844 годом в послужных списках середины века общее число лиц, указавших посещение учебных заведений, увеличилось в 2 раза, что, конечно, следует связывать не с общим ростом образовательного уровня, а с результатами введения нового формуляра. В таком случае могут ли показатели 1844 и 1850 годов относительно лиц с высшим и средним образованием рассматриваться как сопоставимые? Представляется, что лишь отчасти: с одной стороны, установлено, что с 1834 года такая информация в основном вносилась в послужные списки, но с другой – в материалы учета за 1844 год были включены не только чиновники, но и канцелярские служители, и при этом отсутствовали некоторые учреждения и должности, в частности губернская строительная комиссия и землемеры (в 1840-е годы архитекторы и землемеры, как правило, имели высшее или среднее специальное образование). Кроме того, и среди учреждений, попавших в групповые формулярные списки 1850 года, обнаружены пропущенные должности (которые могли пребывать вакантными либо были заполнены канцелярскими служителями).

В литературе неоднократно подчеркивалось, что во второй четверти XIX века «служебные привилегии» стали «важным средством привлечения молодежи» в учебные заведения, а сокращенные сроки производства в классные чины – стимулом к получению аттестатов[43]. При этом увеличивалась не только общая численность обучавшихся лиц, но и тех, кому удавалось получить аттестаты о среднем образовании, и тех, кто намеревался продолжить обучение. Материалы по Олонецкой губернии позволили увидеть, что к середине века подавляющее большинство служащих являлись лицами, посещавшими учебные заведения. Конечно, заветные аттестаты имели далеко не все, и выявленные документы отражают то, что четверть служащих с законченным высшим и средним образованием – это были специалисты (медики, землемеры, архитекторы), назначавшиеся на вакантные места в провинцию сразу по окончании обучения. Кроме того, в соответствии с указом от 23 января 1837 года предписывалось

«впредь поступающих вновь на службу молодых людей дворянского происхождения, или имеющих по учебным их аттестатам право на классные чины… не определять прямо в департаменты и канцелярии министерств и отдельных управлений, прежде чем они прослужат, по крайней мере, три года в местах губернских…»[44].

Однако большинство служащих поступало на службу либо с домашним воспитанием, либо после уездных училищ или нескольких классов гимназии, что было связано в одних случаях с трудным материальным положением семей, не позволявшим оплачивать обучение, а в других – с неуспеваемостью и отсутствием способностей «к продолжению дальнейших наук». В целом эти тенденции просматриваются и на материалах других губерний, с той лишь разницей, что удельный вес лиц с высшим образованием среди олонецких чиновников был выше, а со средним – ниже [6: 150]. По всей видимости, первое следует связывать с введением льгот для лиц, поступавших на службу в Олонецкой губернии (этими преимуществами воспользовался каждый третий чиновник с высшим образованием), а второе – с малочисленностью обучавшихся и проходивших полный курс обучения в местных учебных заведениях (так, в 1847 году в Олонецкой гимназии насчитывалось 88 учащихся, тогда как в Вологодской – 180, в Архангельской – 101 [9: 717]; в период с 1828 по 1850 год полный курс Олонецкой гимназии прошло всего 74 человека, что составляет не более 3–4 выпускников в год[45]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил увидеть особенности состава олонецкой бюрократии. Они во многом были связаны и с кадровыми проблемами, с которыми столкнулась губерния в первой половине XIX века, и с результатами предпринимаемых правительством мер, направленных на их решение. Невозможность за счет внутренних ресурсов добиться укомплектования местных учреждений вынуждала верховную власть направлять сюда чиновников из центральных учреждений и других губерний, а также ввести преимущества по службе, нацеленные на привлечение кадров. Итоги этой политики проявились в том, что среди служащих уроженцы Олонецкой губернии едва ли составляли большинство. Установлено, что их удельный вес в начале века достигал 56 %, а к середине – сократился до 42 %. Пополнение местных учреждений извне нашло отражение в показателях сословного происхождения служащих: высокий удельный вес представителей потомственного дворянства и потомственных гражданских служащих. Кроме того, крайний недостаток канцелярских служи-

телей вынуждал государство «принимать в канцелярское звание людей податного состояния», а также определять к должностям воспитанников из «особо учрежденных» при приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов, что заметно повлияло на статистические показатели по тем социальным группам, представители которых на гражданской службе, как правило, были малочисленны. Представленные в настоящей статье данные по возрастному составу также напрямую связаны с решением кадровых вопросов в изучаемой губернии: в первой четверти XIX века, когда проблема нехватки служащих ощущалась особенно остро и местный аппарат крайне медленно пополнялся молодыми кадрами, статистические показатели отличались от того, что наблюдалось в других регионах, но во второй четверти XIX века, когда правительству удалось добиться стабильного притока служащих из других губерний, динамика возрастного состава олонецких чиновников уже соответствовала общей тенденции – постепенное омоложение, завершившееся в середине века «сменой поколений» служащих. Выявленные в ходе исследования данные относительно образования свидетельствуют об общем низком уровне профессиональной подготовки. Предпринимаемые правительством меры, связывавшие образование с чинопроизводством, конечно, повышали заинтересованность лиц, планировавших поступить на государственную службу, в посещении учебных заведений. Однако и к середине века большинство служащих – это были люди, получившие домашнее воспитание или посещавшие низшие учебные заведения (55,3 %), 23,3 % относились к числу тех, кто имел незаконченное среднее образование, и только 21,4 % могли похвастаться аттестатами средних и высших учебных заведений.

*Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-1194.2018.6).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. также: Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: По материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 46 с.; Вакилев Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. 21 с.; Мерзлякова Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 28 с.; Павлюк Ю. Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 26 с.; Поскачей Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Рязань, 2006. 21 с.

[2] Вопросы кадрового обеспечения учреждений Европейского Севера России с 1820 по 1830 год рассматривает В. В. Ефимова [4: 177–288], но, к сожалению, автор не ставит целью проанализировать состав служащих на основе конкретных данных. Проблемы формирования бюрократии северных губерний также затрагивались в исследовании И. В. Савицкого, где представлены отрывочные сведения о составе чиновничества в 1850-е годы (см.: Савицкий И. В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX – начале XX вв.: По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний: Дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. С. 75–89). Анализ численности и состава чиновничества Вологодской губернии в первой половине XIX века представлен в работе автора настоящей статьи (см.: Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2016. 34 с.).

[3] В региональных архивах формулярные списки первой половины XIX века сохранились довольно плохо, что во многом связано с неудовлетворительной организацией хранения архивных дел в дореволюционное время, а также кампанией «по разбору и уничтожению старых дел», проводившейся в губерниях с 1845 года [3: 95–102].

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314; 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450; Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

[5] Известно, что Олонецкая губерния была упразднена при Павле I и восстановлена при Александре I по указу от 9 сентября 1801 года «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам». См.: Полное собрание законов Российской империи: Собрание I (ПСЗ–I). Т. 26. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 20004. С. 775.

[6] Исследование направлено на изучение служащих только учреждений, которые на местах составляли так называемое общее управление. К ним относились органы, подконтрольные министерствам внутренних дел, финансов, юстиции и государственных имуществ. «Особые установления» на местах, изъятые из ведения губернского начальства, регулирование деятельности которых осуществлялось по линии специальных ведомственных подразделений (учебное, духовное, горное, почтовое, удельное и иные ведомства), рассматри-

ваться не будут. Всего выявлено и обработано 1249 послужных списков, из них 266 за 1803 год, 105 за 1826, 471 за 1844, 407 за 1850 год. Подробнее о составе и полноте анализируемых групповых формулярных списков см.: [13].

[7] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). О. IV. 71. Описание Олонецкого наместничества 1788 г. Л. 19–20, 27–28.

[8] Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год / Под ред. А. Бушена; Предисл. А. Тройницкого. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. С. 267, 276–279, 288–289, 293.

[9] Сравнение этих данных с показателями по соседней, также «недворянской» Вологодской губернии (в 1780-е годы дворяне составляли 0,2 %, в 1850-е – 0,5 %) (см.: Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: Дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 51), в которой выборы проводились на регулярной основе в четырех уездах, представляется еще более любопытным. В частности, в 1803 году среди вологодских служащих удельный вес дворянства равнялся 21,3 %, в 1826 – 16,0 %, в 1850 – 17,3 % (см.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 63. Л. 1 об.–132; 1826. Д. 129. Л. 1 об.–492; Оп. 5. Д. 224. Л. 1 об.–6; Д. 346. Л. 1 об.–14; Д. 1806. Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. Л. 1 об.–24; Д. 7664. Л. 1 об.–469; Д. 7735. Л. 1 об.–580; Д. 7771. Л. 1 об.–870).

[10] Благовещенский И. Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск: Олонецкая губ. тип., 1907. С. 243–246.

[11] Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века: Дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 340.

[12] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1807. Д. 26. Л. 1 об.–258; 1826. Д. 113. Л. 1 об.–294; 1844. Д. 470. Ч. 1. Л. 1 об.–276; Ч. 2. Л. 1 об.–449; Ч. 3. Л. 1 об.–308; 1844. Д. 471. Л. 1 об.–170; Оп. 5. Д. 145. Л. 8 об.–418; Д. 149. Л. 13 об.–870; Д. 150. Л. 10 об.–536; Д. 151. Л. 1 об.–229; Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века… С. 338, 340.

[13] Так, в 1850 году в Олонецкой губернии насчитывалось 12 медиков, в том числе 4 уездных лекаря и 3 городовых врача; все они имели высшее профильное образование и были направлены в губернию по определению от правительства; вакантными пребывали 3 должности уездных лекарей. Также на службе состояло 16 архитекторов и землемеров, из которых трое являлись местными и не имели специальной подготовки, а 13 получили профильное образование (высшее или среднее) и были направлены в губернию правительством; вакантными были только две должности уездных землемеров. См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

[14] Указ от 5 мая 1816 года «О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными офицерами» // ПСЗ–I. Т. 33. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 26255. С. 637.

[15] Так, А. М. Романовский, получивший домашнее воспитание сын протоиерея, начал службу в 1823 году в возрасте 19 лет с низших канцелярских должностей в департаменте Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В течение 12 лет несколько раз сменил место службы, был неоднократно награжден денежным пособием за отличную работу, достиг чина губернского секретаря, а в 1835 году по прошению, ссылаясь на болезнь, уволился. В ноябре 1836 года «по высочайшему повелению» за запрещенную карточную игру был удален из столицы в Олонецкую губернию под надзор полиции. В январе 1837 года губернатор А. В. Дашков через шефа-жандармов А. Х. Бенкендорфа «испросил» у императора разрешение определить Романовского на службу, на что и получил согласие, правда «с сохранением надзора до усмотрения местного начальства» (сохранялся до 1843 года). Подробнее см.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6644. Л. 7 об.–18.

[16] Ярким примером может служить карьерный путь дворянина, уроженца Пинского уезда Минской губернии, поляка И. Л. Красковского. Закончив Виленский университет со степенью кандидата, в 1830 году он поступил на службу в канцелярию Пружанского земского суда Гродненской губернии. В 1838 году попал под суд по прикосновенности к известному делу эмиссара Конарского и выслан в Вологодскую губернию, а в 1839 году, все еще находясь под судом, получил разрешение поступить на службу в Олонецкой губернии: сначала был зачислен канцелярским служителем в уездный суд, а с 1840 года занял должность уездного судьи (в которой пребывал и в середине века). Подробнее см.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7951. Л. 119 об.–126.

[17] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 51 об.–52, 56 об.–59, 147 об.–150; Ч. 2. Л. 106 об.–109, 188 об.–195, 300 об.–301.

[18] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6644. Л. 7 об.–18; Д. 6972. Л. 149 об.–153, 484 об.–489; Д. 7951. Л. 79 об.–81, 119 об.–126.

[19] Однако уже в 1827 году вышел указ, повсеместно запретивший принимать на гражданскую службу выходцев из податных состояний. См.: Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 31 августа 1826 года «О дозволении присутственным местам Витебской и Олонецкой губерний принимать на службу в канцелярское звание людей податного состояния» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание II (ПСЗ–II). СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 1. № 570. С. 922–924; Указ от 14 октября 1827 года «О канцелярских служителях гражданского ведомства» // Полное собрание законов Российской империи: Собрание II (ПСЗ–II). СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 2. № 1469. С. 895–897).

[20] Благовещенский И. Образование Олонецкой губернии, управление ее за столетие (1802–1902 гг.) существования // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск: Губ. тип., 1902. С. 192–193.

[21] В послужных списках за 1844 год из 34 служащих только у 7 точно сформулировано сословное происхождение (4 дворянина, 2 из «обер-офицерских» детей, 1 из приказнослужительских детей), а у 27 оно определено как «воспитанник»; за 1850 год из 23 служащих четверо являлись дворянами, один из «обер-офицерских» детей, один из незаконнорожденных и 17 «воспитанников».

[22] Положение Комитета министров от 16 января 1826 года «О правилах при определении воспитанников приказа общественного призрения в гражданскую службу» // ПСЗ–II. Т. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 64. С. 93.

[23] Мнение Государственного совета от 31 октября 1828 года «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей» // ПСЗ–II. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 2394. С. 959.

[24] Указ от 30 марта 1832 года «Об определении на службу чиновников по гражданской части в Кавказской области, Грузии, закавказских провинциях, Сибири и Олонецкой губернии» // ПСЗ–II. Т. 7. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1833. № 5267. С. 179.

[25] «Положение о преимуществах службы в губерниях и областях сибирских, в Грузии и областях Кавказской и Закавказских» от 26 мая 1835 года // ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1836. № 8164. С. 639–641.

[26] Указ от 29 апреля 1839 года «О преимуществах чиновникам, отправляющимся на службу в Оренбургскую, Архангельскую, Олонецкую и Вятскую губернии» // ПСЗ–II. Т. 14. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1840. № 12281. С. 388.

[27] «Положение о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях империи» от 9 июня 1842 года // ПСЗ–II. Т. 17. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1843. № 15731. С. 438–443.

[28] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 1 об.–644; Ч. 2. Л. 1 об.–450.

[29] РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 78. Л. 1 об.–24; Д. 6644. Л. 1 об.–70; Д. 6972. Л. 1 об.–690; Д. 7589. Л. 1 об.–532; Д. 7951. Л. 1 об.–305.

[30] Указ от 29 апреля 1840 года «О распространении на кандидатов Комитета 18 августа 1814 года правила о выдаче двойных прогонов и годового жалованья чиновникам, отправляющимся на службу в Олонецкую, Оренбургскую, Архангельскую и Вятскую губернии» // ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1841. № 13424. С. 311–312.

[31] Для таких служащих, как медики, землемеры, неклассные художники и т. п., издавались «особые положения», устанавливавшие льготы при направлении на службу в отдаленные края империи. См.: Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [В 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. Кн. 1. Устав о службе по определению от правительства. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1842. С. 220–221.

[32] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 1 об.–175; 1826. Д. 133. Л. 1 об.–314.

[33] Так, в Вологодской губернии в 1806 году в возрасте от 21 до 30 лет было 25,6 % чиновников, от 31 до 40 – 29,4 %, от 41 до 50 – 30,3 %; в 1826 – 43,2 %, 33,3 %, 10,6 % соответственно. См.: Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века… С. 348.

[34] К примеру, в Вологодской губернии в 1844 году в возрасте от 21 до 30 лет было 30,6 % чиновников, от 31 до 40 – 30,3 %, от 41 до 50 – 23,6 %; в 1850 – 40,4 %, 29,1 % и 17,6 % соответственно. См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 224. Л. 1 об.–6; Д. 346. Л. 1об.–14; Д. 1806. Л. 1 об.–24; Д. 2117 а. Л. 1 об.–304; Д. 2117 б. Л. 1 об.–24; Д. 7664. Л. 1 об.–469; Д. 7735. Л. 1 об.–580; Д. 7771. Л. 1 об.–870; Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века... С. 348.

[35] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [В 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1842. С. 5.

[36] «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 года // ПСЗ–II. Т. 9. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1835. № 7224. С. 656–665.

[37] Так, 63-летний П. П. Шапошников, происходивший «из церковнослужительских детей», начал карьеру в 1759 году в должности копииста Новгородской консистории, с 1774 года переведен на место подканцеляриста в губернскую канцелярию. В 1776 году направлен в Олонецкую область и назначен канцеляристом в Вытегорскую воеводскую канцелярию, с 1790 года занимал должность губернского регистратора в Вытегорском уездном казначействе, а затем – в этом же году – перемещен бухгалтером в Крестецкое уездное казначейство. В 1797 году в результате административных преобразований на Европейском Севере и последовавших сокращений штатных мест остался не у дел. В 1801 году был принят на «копеистскую ваканцию» в Вытегорское уездное казначейство. См.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803. Д. 54. Л. 139 об.–140.

[38] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 1. Л. 56 об.–59; Ч. 2. Л. 300 об.–301.

[39] РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844. Д. 514. Ч. 2. Л. 136 об.–139.

[40] «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 года // ПСЗ–II. Т. 9. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1835. № 7224. С. 656–665.

[41] Известно, что Олонецкое училище для детей канцелярских служителей функционировало в Петрозаводске с 1830 года [9: 260–261]. См.: Мнение Государственного совета от 31 октября 1828 года «О мерах к отвращению недостатка в Олонецкой губернии чиновников и канцелярских служителей» // ПСЗ–II. Т. 3. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. № 2394. С. 960.

[42] Указ «О форме послужного списка для гражданских лиц» от 16 июля 1849 года // ПСЗ–II. Т. 24. Отд. 2. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1850. № 23401. Штаты и табели. С. 160.
[43] Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб.: Гос. типография, 1902. С. 200–201; Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год / Сост. А. Воронов. СПб.: Тип. Якова Трея, 1854. С. 9–10, 120.
[44] Указ «О поступлении в службу молодых людей из дворян» от 23 января 1837 года // ПСЗ–II. Т. 12. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1838. № 9 894. С. 58–59.
[45] Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год… С. 119.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутвило А. И., Ефимова В. В. История государственного управления в Карелии: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 109 с.
2. Дятлов В. А. Особенности социального положения чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 601–604.
3. Виноградова Т. В. Деятельность комиссии по разбору архивных дел Олонецкого губернского правления в контексте проблем ведомственного хранения документов в первой половине XIX в. // Делопроизводство. 2004. № 1. С. 95–102.
4. Ефимова В. В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 832 с.
5. Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний): Историко-источниковедческие очерки. Калуга: КГПИ, 1994. 229 с.
6. Иванов В. А. Образовательный уровень местного российского чиновничества в середине XIX в. (по материалам Московской, Калужской и Тверской губерний) // Преподаватель XXI век. 2009. № 3. Ч. 1. С. 149–156.
7. Иванов В. А. Социальный облик местного чиновничества России в середине XIX в. // Федерализм. 2009. № 1 (53). С. 79–92.
8. Иванов В. А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 1 (56). Вып. 9. С. 73–79.
9. Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2017. 736 с.
10. Мельникова И. Г. Чиновничество губерний Верхнего Поволжья в первой четверти XIX века // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 7 (62). Вып. 10. С. 136–142.
11. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 416 с.
12. Плех О. А. Привлечение кадров на службу в российской провинции в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера) // История федерализма в России. К 100-летию образования автономной Башкирской республики: Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф., г. Стерлитамак, 2 нояб. 2018 г. / Отв. ред. Н. С. Мысляева. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 131–142.
13. Плех О. А. Численность служащих Олонецкой губернии в первой половине XIX в. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 218–230.
14. Савицкий И. В. «Свои» и «чужие» среди чиновничества Олонецкой губернии XIX века // «Свое» и «чужое» в культуре: Материалы X Междунар. науч. конф. (г. Петрозаводск, 16–17 марта 2015 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 190–192.
15. Токмакова Ю. Н., Авилова Н. Л. Социальный состав, возраст и религиозная принадлежность чиновников Курской губернии в 1801–1861 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 4 (37). С. 179–185.

Поступила в редакцию 07.10.2019

Olesya A. Plekh, PhD in History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
plekh@mail.ru

STAFF COMPOSITION OF CIVIL SERVICE INSTITUTIONS IN THE OLONETS PROVINCE DURING THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY*

The research deals with the problems of staffing local civil service institutions in the Olonets province during the first half of XIX century. Using the systematic civil servants' records (staff lists), the author for the first time analyzed the staff structure by social class, age and education level. The resulting characteristics illustrated the civil service personnel problems which the province faced during this period and the results of the measures taken by the authorities in order to

solve them. The obtained statistical data reflected the specific characteristics of the government policy aimed at forming the social base of Olonets bureaucracy. It was established that during the studied period local institutions were not sufficiently staffed, and about half of the Olonets province local government apparatus were non-residents, who came from other places. A practice of hiring people from other regions, service benefits, filling civil service positions with those who paid the capitation tax – all these factors influenced the structure of bureaucracy. The analysis of the social class origin of the local officials revealed a high proportion of nobility, hereditary civil servants, and people who paid the capitation tax. Data on the age composition of the civil service workforce during the first quarter of the XIX century shows the understaffing of local establishments and slow enrollment of young employees, while the similar data for the second half of the same century, on the contrary, demonstrated the inflow of employees from other provinces and gradual rejuvenation of workforce in the middle of the century, which resulted in the "generation change". Data on education indicate the overall low level of professional training and qualification. Although the government measures encouraged potential civil servants to obtain certificates issued by educational institutions, most of them had very basic education or were homeschooled.

Keywords: personnel, bureaucracy, local government, civil service, staff lists, social class origin, age composition, level of education, Olonets province

* The article was supported by the Russian presidential grant for young Russian scientist (project No MK-11194.2018.6).

Cite this article as: Plekh O. A. Staff composition of civil service institutions in the Olonets province during the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 58–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450

REFERENCES

1. Butvilo A. I, Efimova V. V. History of public administration in the Republic of Karelia: Textbook. Petrozavodsk, 2005. 109 p. (In Russ.)
2. Dyatlov V. A. Features of bureaucracy social status in the Russian Empire during the first half of the XIX century (using the example of the Penza and Saratov provinces). *Proceedings of PSPU named after V. G. Belinsky.* 2012. No 27. P. 601–604. (In Russ.)
3. Vinogradova T. V. Activities of the commission for the analysis of archival files of the Olonets province government in the context of problems with departmental storage of documents during the first half of the XIX century. *Deloproizvodstvo.* 2004. No 1. P. 95–102. (In Russ.)
4. Efimova V. V. Governors-General of the European North: their place and role in the system of state power and administration of the Russian Empire (1820–1830). St. Petersburg, 2019. 832 p. (In Russ.)
5. Ivanov V. A. Provincial bureaucracy of the 1850s and the 1860s in Russia (using materials from the Moscow and Kaluga provinces). Historical and source studies essays. Kaluga, 1994. 229 p. (In Russ.)
6. Ivanov V. A. Educational level of Russian local officials in the middle of the XIX century (using the materials from the Moscow, Kaluga and Tver provinces). *Prepodavatel' XXI vek*. 2009. No 3. Part 1. P. 149–156. (In Russ.)
7. Ivanov V. A. Social portrait of local bureaucracy in Russia in the middle of the XIX century. *Federalism*. 2009. No 1 (53). P. 79–92. (In Russ.)
8. Ivanov V. A. Social composition of the local level of administration in Russia in the middle of the XIX century as a reflection of the government policy in the field of bureaucracy formation. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series "History. Political science. Economics. Informatics"*. 2009. No 1 (56). Issue 9. P. 73–79. (In Russ.)
9. Kalinina E. A. System of public education in the European North of Russia in the first half of the XIX century. Moscow, 2017. 736 p. (In Russ.)
10. Mel'nikova I. G. Officialdom of the Upper Volga provinces in the first quarter of the XIX century. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series "History. Political science. Economics. Informatics"*. 2009. No 7 (62). Issue 10. P. 136–142. (In Russ.)
11. Pisar'kova L. F. State administration in Russia during the first third of the XIX century: formation of a ministerial system. Moscow, 2019. 416 p. (In Russ.)
12. Plekh O. A. Attracting officials to serve in the Russian province in the first half of the XIX century (using the materials from the European North). *The History of Federalism in Russia. The 100th Anniversary of the Formation of the Bashkir Autonomous Republic. Proceedings of the All-Russian Research and Practice Conference*. Sterlitamak, 2018. P. 131–142. (In Russ.)
13. Plekh O. A. The number of officials in the Olonets province during the first half of the XIX century. *Nordic and Baltic Studies Review*. Issue 4. Petrozavodsk, 2019. P. 218–230. (In Russ.)
14. Savitskiy I. V. "Ours" and "theirs" among the officials of the Olonets province in the XIX century. *"Own" and "Alien" in Culture. Proceedings of the X International Research Conference (Petrozavodsk, March 16–17, 2015)*. Petrozavodsk, 2015. P. 190–192. (In Russ.).
15. Tokmakova Yu. N., Avilova N. L. Social composition, age and religious affiliation of officials of the Kursk province between 1801 and 1861. *Proceedings of the South-West State University*. 2011. No 4 (37). P. 179–185. (In Russ.).

Received: 7 October, 2019

Т. 42. № 2. С. 70–78 Отечественная история 2020
DOI: 10.15393/uchz.art.2020.451
УДК 93/94

ОКСАНА ЮРЬЕВНА РЕПУХОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
Repukhova@yandex.ru

РЕЖИМНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ОБЪЕКТАХ ЗАПАДНОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ СССР В 1930-е ГОДЫ

На основе комплекса документов центральных и региональных архивов Российской Федерации в контексте мобилизационной подготовки СССР впервые проанализированы режимные ограничения, действовавшие в 1930-х годах на объектах, охраняемых частями войск органов государственной безопасности. Актуальность подхода, предложенного в статье, заключается в том, что он позволяет характеризовать мобилизационную политику в целом и эффективность мобилизационной подготовки как ее средства в частности. При этом в открытых публикациях отсутствует анализ режимных ограничений на предприятиях и сооружениях оборонного значения в сопряжении с пространственно-территориальной, военно-гражданской и эвакуационной мобилизационной подготовкой. Целью работы является исследование динамики режимных ограничений на объектах в связи с мобилизационной подготовкой Западной пограничной полосы СССР. Обоснован вывод о том, что на объектах, включенных в мобилизационные мероприятия, переданных под охрану войск органов государственной безопасности, корректировка режимных ограничений, связанная с их охраной и пропускной системой, проходила в соответствии с изменениями, вносимыми в мобилизационные планы. В связи с этим выявлены направления совершенствования охраны и пропускного режима на объектах, включенных в мобилизационные мероприятия, переданных под охрану войск органов государственной безопасности. Установлено, что территория режимных объектов как запретная зона пересекалась с ограничениями пограничного режима Западной пограничной полосы СССР, в результате чего была сформирована многоуровневая система режимных ограничений. Показано, что в Западной пограничной полосе от 41 % объектов, включенных в мобилизационные мероприятия, в 1934 году и до 60 % в 1939 году находились под охраной органов государственной безопасности.

Ключевые слова: Западная пограничная полоса СССР, военно-гражданская мобилизационная подготовка, пограничный режим, органы государственной безопасности

Для цитирования: Репухова О. Ю. ограничения на объектах Западной пограничной полосы СССР в 1930-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 70–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.451

ВВЕДЕНИЕ

При значительном исследовательском интересе к изучению истории советского военно-промышленного комплекса [9], управления им [7], истории функционирования органов государственной безопасности [10], истории советской мобилизационной модели экономики [1], [8] и других областей, связанных в различной степени с изучаемой проблемой, научный анализ действовавших в СССР режимов, в том числе режимных ограничений на предприятиях и сооружениях оборонного значения, в сопряжении с пространственно-территориальной, военно-гражданской и эвакуационной мобилизационной подготовкой в открытых публикациях отсутствует. Попытки исследовать различные аспекты заявленной проблемы предприняты на современном этапе развития историографии [11], [12], [13].

Некоторые аспекты истории становления режимных ограничений на оборонных предприятиях и сооружениях в СССР в условиях мобилизационной подготовки открывает комплекс источников, отложившихся в фондах Российского государственного военного архива (РГВА), Федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации» (ГА РФ), Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив экономики» (РГАЭ), Архиве управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК), Архиве Министерства внутренних дел по Республике Карелия (Архив МВД РК), Государственном казенном уч-

© Репухова О. Ю., 2020

реждении Республики Карелия «Национальный архив Республики Карелия» (НА РК).

***

В условиях военного времени Первой мировой и Гражданской войн в России был накоплен опыт обеспечения безопасности объектов, имевших важное государственное значение. С 1924 года, когда решение задач мобилизационной подготовки в Советском государстве было перенесено из Штаба РККА в военные и гражданские наркоматы и ведомства [12: 25], последовательно повышались требования к организации и обеспечению охраны объектов (или «оборонных предприятий и сооружений»), включенных в мобилизационные мероприятия. Реализация этих, как и многих других, задач мобилизационной подготовки была возложена на органы государственной безопасности страны [12: 23]. Властью была проведена организационная трансформация сил по охране оборонных объектов и сооружений: от рассредоточенных при различных ведомствах военизированных отрядов, действовавших в 1920-х годах, например, при Народном комиссариате путей сообщения (НКПС), через создание воинских частей, охранявших железнодорожные сооружения и особо важные предприятия промышленности под руководством ОГПУ/НКВД, и, наконец, к образованию Управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и по охране особо важных предприятий промышленности в 1939 году [10]. Вместе с изменением организационной структуры сил по охране оборонных предприятий и сооружений совершенствовался порядок несения службы на них, внутриобъектовый и пропускной режимы, ставшие частью системы режимных ограничений, сформированных в ходе мобилизационной подготовки. История становления пропускной системы на предприятиях и сооружениях оборонного значения, как одного из режимных ограничений, действовавших в Советском государстве, позволяет характеризовать мобилизационную политику в целом и эффективность мобилизационной подготовки как ее средства в частности.

В декабре 1932 года на фоне затянувшегося кризиса в переговорах на Международной конференции по разоружению в Женеве[1], социально-экономического и политического напряжения внутри страны, связанного с проведением коллективизации, форсированным переходом ко второму пятилетнему плану, на фоне которого сопредельные страны активизировали свою разведывательную деятельность [2], [4], [6] по получению информации о мобилизационных планах (МП) СССР, транспортной инфраструктурной подготовке и оборонном строительстве в пограничной полосе[2], начались корректировка действовавшего с 1930 года[3] мобилизационного плана и ускоренное формирование режимных ограничений в стране. Новый МП-3 был введен в действие 1 мая 1933 года[4], мероприятия по нему были рассчитаны до 1937 года.

Анализ содержания МП показывает, что в контексте мобилизационной подготовки под оборонными предприятиями и сооружениями понимались не только предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК), выпускавшие продукцию военного назначения, гражданские предприятия двойного назначения, имевшие мобилизационные задания по выпуску комплектующих деталей различного рода (или подготовленных для оперативного переоборудования в эвакуационный период), так называемые заводы-«кадры» и заводы «запаса» [9: 48–51], но и военно-оборонительные сооружения, призванные обеспечить тыл армии в потенциальном театре военных действий (хлебозаводы, газопроводы, водопроводы и т. д.) При этом проблема обеспечения охраны объектов различного назначения, включенных в мобилизационные мероприятия, решалась теми наркоматами, в подчинении которых они находились. Так, по данным Госплана СССР, в 1928–1933 годах в Западной пограничной полосе СССР действовало 36 предприятий ВПК и 6 предприятий двойного назначения[5]. Но в ведение охраны ОГПУ начиная с декабря 1931 года до момента введения МП-3 были переданы лишь некоторые военно-промышленные предприятия, предприятия двойного назначения ВСНХ[6] и военно-оборонительные учреждения (почта[7], продовольственные склады Центросоюза[8], сооружения в полосе отвода железной дороги). Войска органов государственной безопасности несли службу на объектах различных наркоматов и ведомств по номенклатуре, утвержденной СНК СССР [10]. Передача оборонных объектов и сооружений под охрану органов государственной безопасности позволила начать в них упорядочение пропускной системы и распространение ее на другие объекты, имевшие важное государственное значение. Одним из первых шагов в этом направлении было введении в действие «Положения о пропускной системе на предприятиях промышленности СССР в 1933 году» (приказ № 00212/76/СС ОГПУ и НКТП СССР[9]). Динамика концентрации оборонных предприятий и сооружений различного назначения, охраняемых частями войск ОГПУ/НКВД, в Западной пограничной полосе СССР и пропускная система,

действовавшая на них, позволяют анализировать пересечения ограничений режимов пограничных полос и запретных зон, условия корректировок эвакуационных планов вывоза квалифицированных специалистов и т. д. вплоть до оценки эффективности подготовки местной противовоздушной обороны на предприятиях.

Летом 1934 года в ходе масштабной общесоюзной проверки состояния мобилизационной работы[10] на оборонных заводах были проинспектированы система найма и увольнения рабочих, порядок выдачи пропусков и охраны предприятий и сооружений. По результатам проверки ЦК ВКП(б) констатировал, что существующая система пропусков «является пустой формальностью»[11]: на завод мог свободно проникнуть каждый желающий, между внутренней и внешней охраной заводов не было никакой связи, внешняя охрана (вольнонаемная) вербовалась из инвалидов и стариков, была плохо вооружена, на постах спала, устава не знала. «Поэтому, несмотря на большое количество людей, поставленных на внешнюю и внутреннюю охрану, настоящей серьезной охраны на заводах нет»[12]. 11 июля 1934 года ЦК ВКП(б) принял решение о введении на 68 объектах[13] (41 %, или 28 наименований, из которых были территориально размещены в Западной пограничной полосе СССР) особого порядка найма и увольнения рабочих и служащих, выдачи пропусков и организации охраны. При этом партийное руководство подчеркивало, что

> «самой лучшей гарантией… порядка и дисциплины на наших заводах… является участие в охране завода самих масс. Нужно добиться такого положения, чтобы каждый рабочий и служащий не зевал, а бодрствовал и следил»[14].

Таким образом, на оборонных предприятиях и сооружениях формировалась режимная зона, запретная для доступа посторонних лиц. В условиях, когда часть этих предприятий и сооружений территориально располагалась в пограничной полосе, где действовал соответствующий пограничный режим, формировалась многоуровневая система режимных ограничений. Поддержание порядка и охрана имущества оборонных предприятий и сооружений, расположенных вне пределов пограничной полосы, с 1932 года были возложены на правоохранительные органы (Главное управление рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР)[15], которые к этой работе активно привлекали бригады содействия милиции, состоявшие из гражданского населения [11: 58].

Установки ЦК ВКП(б) в 1934 года были оформлены в приказы НКВД СССР и Наркома тяжелой промышленности (НКТП) СССР «Об упорядочении и усилении охраны заводов военной промышленности»[16] и «Об организации и порядке найма рабочих, служащих и ИТР (инженерно-технических работников) на особо важных оборонных заводах»[17]. Отдел найма и увольнения был вынесен за пределы заводской территории. Руководство отдела найма и увольнения военных заводов назначалось и смещалось по личному распоряжению НКТП. Случайно попасть на завод было трудно. Рекрутмент проводился из школ ФЗУ и курсов заводов, из числа членов семей постоянных рабочих предприятия, путем перевода проверенных квалифицированных рабочих и ИТР с предприятий гражданский промышленности по нарядам соответствующих наркоматов, из числа демобилизованных красноармейцев и командиров технических частей, по договорам с колхозами, выделенных для каждого предприятия районов. Запрещен был прием на работу некоторых категорий граждан, в том числе иностранцев; лиц, лишенных избирательных прав; лиц, пораженных в правах по суду; лиц, уволенных с заводов в ходе чистки; перебежчиков, реэмигрантов, лиц, судимых за уголовные преступления, и других (всего 32 категории)[18]. В отношении остальных лиц, имевших судимость, при приеме требовалось соблюдать особую бдительность и осторожность. Допуск к работе производился только после предварительной проверки в органах надзора[19]. При оформлении на работу гражданин предъявлял паспорт, учетный воинский билет, две фотокарточки, автобиографию, справку с последнего места работы (ИТР и служащие – трудовой список и документ об образовании). Принятые на работу в обязательном порядке сдавали паспорта на хранение в отдел найма и увольнения предприятия. Паспорт возвращался гражданину только после его увольнения. Взамен паспорта работник получал удостоверение о работе на заводе[20]. На всех работников завода оформлялись личные дела. При переброске работников между предприятиями в пределах отрасли личные дела направлялись на соответствующий завод[21]. На увольняемых по особо злостным проступкам (дезорганизация производства, сознательное нарушение дисциплины) отдел найма составлял списки и направлял их в Главное Военно-Мобилизационное управление отрасли, где велись общие списки и рассылались на все предприятия[22].

На рубеже 1934–1935 годов роль главного потенциального противника Советского государства перешла к нацистской Германии [5], в связи с этим изменилось представление союзного руководства о потенциальном театре военных дей-

ствий. Раньше предполагаемого срока (1937 года) постановлением СТО СССР от 20 мая 1935 года с 1 июля 1935 года был введен в действие МП-4 [12: 62]. В марте 1936 года, когда германские войска, нарушая условия Локарнских договоров, заняли Рейнскую область, в условиях осложнения международной обстановки и концентрации внимания к Западной пограничной полосе СССР союзное военно-политическое руководство приняло решение о распространении режимных ограничений на крупнейшие гидро- и электростанции Ленинградской области, Донбасса и Украины[23]. Пропускной режим указанных оборонных сооружений осуществлялся в соответствии с решением ЦК ВКП (б) от 11 июля 1934 года «об усилении охраны военных заводов». В список режимных предприятий на территории Западной пограничной полосы вошли гидро- и электростанции: 6 – в Ленинградской области (в том числе 5-я государственная электростанция «Красный Октябрь», Волховская гидроэлектростанция имени Ленина, Дубровская государственная электростанция имеени Кирова, Свирская гидроэлектростанция и другие), 10 – на территориях УКССР и Донбасса (в том числе Днепровская гидроэлектростанция имени Ленина, Киевская ГРЭС № 2 имени Сталина, Харьковская ГЭС № 2 и другие)[24].

Осенью 1936 года в условиях заключения пакта между Германией и Японией, который в дальнейшем перерос в военный союз, Постановлением СНК СССР от 5 ноября 1936 года № 1960–390/СС (п. 6) была предусмотрена возможность ежегодного оперативного пересмотра ведомствами списков предприятий, охраняемых частями войск НКВД[25]. А 29 ноября 1936 года приказом НКВД СССР и НКТП СССР список режимных предприятий, на которые распространялось решение ЦК ВКП (б) 1934 года «об усилении охраны военных заводов», расширили, включив в него дополнительно 49 объектов, 16 из которых были размещены в Западной пограничной полосе СССР: 6 объектов – в г. Ленинграде (Авиазавод № 47, Ульяновский завод, Электростанция СвирГРЭС, Особое конструкторское бюро, Электротехнический Научно-исследовательский институт, завод № 77 имени Карла Либкнехта), 2 – в Западной области (Авиазавод № 35 г. Смоленска, Механический завод № 13 г. Брянска), 5 – в Украинской ССР (завод «Красный химик» г. Славянска, Артиллерийский полигон г. Павлограда, узловая электроподстанция «Днепроэнерго» г. Днепропетровска, завод № 59 им. Петровского ст. Петровеньки, Авиазавод № 43 г. Киева)[26], 3 – в Крымской АССР (Авиазавод № 45, электростанция им. Красина, КрымГРЭС – г. Севастополь)[27]. Таким образом, в 1936 году число оборонных предприятий и сооружений, охраняемых частями войск НКВД, в Западной пограничной полосе СССР увеличилось на 32 наименования. Несмотря на то что объекты и сооружения были различного назначения, на них распространили действия приказов НКВД и НКТП СССР «Об упорядочении и усилении охраны заводов военной промышленности» – 1934 года, № 00274 «О дополнительных мероприятиях по пропускному режиму на оборонных заводах» – 1935 года, № 00150 «О порядке допуска на территории оборонных заводов личного состава и охраны» – 1936 года[28].

Установленный для всех объектов режим пропусков был введен с 15 декабря 1936 года. На указанных предприятиях в двухмесячный срок с момента издания приказа НКВД-НКТП СССР был пересмотрен личный состав вольнонаемной охраны и бюро пропусков, были «уволены социально-чуждые, ненадежные и неспособные служить в охране по возрасту или физическим недостаткам»[29]. Команды внешней охраны (вахтеры) были переукомплектованы лицами, отслужившими в частях РККА и войсках НКВД[30]. Общая численность (внутренней) охраны НКВД на предприятиях и сооружениях была установлена в 40 587 человек[31]. Для обеспечения охраны вверенных предприятий и сооружений указанным штатом все учреждения социального назначения (клубы, столовые и др.) в кратчайшие сроки были выведены за пределы режимной территории[32].

Ужесточение режима охраны оборонных объектов и сооружений потребовало ограничить время и условия допуска для тренировок на их территории отрядов местной противовоздушной обороны (МПВО). В апреле 1937 года, в отмену приказа НКВД и НКПТ СССР от 15 апреля 1936 года, был издан приказ НКВД СССР и НКПТ СССР о порядке проведения практических занятий по ПВО на территории объектов особого списка[33]. Занятия команд МПВО на охраняемой территории теперь проводились только при невозможности, по условиям характера учебы, проведения этих занятий вне режимных объектов и не чаще 5 раз в месяц. Месячное расписание дней учебы согласовывали с начальником штаба ПВО, с командирами частей войсковой охраны НКВД и утверждались директором завода. Допуск на территорию завода участников занятий производился по особым маркам «ПВО», выдаваемым через бюро пропусков в дополнение к общеустановленным пропускам и действительным только в дни и часы занятий ПВО[34].

Аншлюс Австрии Германией в марте 1938 года определил угрозу безопасности за-

падных рубежей страны как наиболее реальную [3]. Внешнеполитическая ситуация потребовала внесения корректировок в действующий МП[35] и разработки нового эвакуационного плана [13: 14]. Пропускной режим оборонных объектов был резко ужесточен принятием пакета постановлений, инициированных органами безопасности. 27 марта 1938 года было продублировано решение об ограничении тренировок отрядов МПВО на территории режимных объектов[36]. Допуск на территорию режимных объектов и сооружений посетителей по разовым пропускам был разрешен только в дневное время с сопровождением вахтера[37]. Все пропуска, временные и постоянные, работники оборонных объектов и сооружений по окончании работы сдавали на проходной[38]. Пропуска хранили в отдельных специально оборудованных кабинах. Для ИТР, лиц, не относящихся к заводу и проходящих по временным пропускам, были установлены отдельные проходные[39]. Для лиц, работающих на конкретном оборонном объекте, были установлены пропуска единого по форме и содержанию образца с фотографией.

Затем была реорганизована охрана режимных объектов. 19 мая 1938 года был издан новый (взамен утратившего силу приказа ОГПУ и НКТП СССР № 00212/76/СС о введении в действие «Положения о пропускной системе на предприятиях промышленности СССР» 1933 года) приказ НКВД и НКТП СССР «Об упорядочении и усилении охраны оборонных заводов НКТП»[40]. Приказом были реорганизованы комендатуры режимных предприятий. В системе комендатур были созданы специальные бюро пропусков и включена вольнонаемная охрана (командой вахтеров). Таким образом, произошло объединение внешней и внутренней охраны режимных объектов. На предприятиях, охраняемых войсками НКВД, комендатура (бюро пропусков и вахтерская команда) подчинялась в административном и хозяйственном отношении директорам заводов, а в отношении несения службы и боевой подготовки – командирам частей войск НКВД[41]. НКВД союзных республик и начальникам управлений НКВД краев и областей совместно с директорами заводов было вновь поручено, как и в конце 1936 года: а) пересмотреть личный состав комендантов заводов и их помощников, уволив не соответствующих своему назначению, и заменить их начсоставом запаса и запаса органов и войск НКВД; б) пересмотреть личный состав бюро пропусков[42].

В то же время в напряженной обстановке конца 1930-х годов получила распространение практика, когда директора объектов и сооружений, охраняемых войсками НКВД, требовали от командиров частей НКВД принимать под охрану вновь вступающие в эксплуатацию объекты заводов и предприятий, не имея на то санкции Главного Управления войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности. Это приводило к увеличению нагрузки на бойцов, численность которых была ограничена, и снижало качество службы по охране. Главное Управление войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности выступило против подобной практики: вступающие в строй новые объекты переходили под охрану войск НКВД только с санкции Главного Управления, получение санкции, в свою очередь, сопровождалось многочисленными согласованиями[43]. Для принятия под охрану вступающих в строй новых объектов завода, сверх постоянной дислокации, необходимо было составить акт межведомственной комиссии с участием директора завода, командира части, коменданта завода. Этот акт направлялся по линии гражданского наркомата, которому подчинялся объект, и по линии Управления войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности[44]. В сложившихся условиях, в том числе и из-за опасений ответственности, многие руководители наркоматов ходатайствовали перед СНК СССР об увеличении численности охраны войск НКВД, обеспечивающих охрану оборонных объектов и сооружений. Так, первый заместитель НК Речного флота СССР Г. В. Харитонов спустя месяц после своего назначения на должность[45] просил увеличить охрану Беломорско-Балтийского канала, находящегося в эксплуатации Наркомата речного флота СССР, на 70 человек (было 787 человек)[46]. Но резервной численности войск НКВД для осуществления охраны оборонных предприятий и сооружений в эти годы уже не было[47].

В конце 1930-х число режимных объектов продолжило расти, хотя не так стремительно, как в 1936 году. 25 мая 1938 года Приказом НКВД СССР и НКТП СССР в список режимных объектов были включены еще 20 предприятий. В Западной пограничной полосе СССР в него вошли: Рубежанские химзаводы (ст. Рубежная) и Азотно-Тукавый комбинат (ст. Горловка)[48]. В апреле 1939 года в перечень объектов, подлежащих охране войсками НКВД, Постановлением Комитета обороны при СНК СССР № 86сс от 13 апреля 1939 года был включен Ленинградский газопровод[49]. В октябре 1939 года по ходатайству СНК УССР, после подтверждения со стороны НКВД СССР стратегического значения Киевского Днепров-

ского водопровода[50], Постановлением Комитета обороны при СНК СССР его включили в список объектов, подлежащих охране войсками НКВД, и распространили на него режим охраны и пропусков военных заводов[51]. В результате в октябре 1939 года в Западной пограничной полосе СССР было размещено 64 предприятия и сооружения, подлежащих охране войсками НКВД.

Проведенные мероприятия по корректировке режимных ограничений давали положительный результат. Если в 1932–1933 годах только на режимных предприятиях Карелии было зафиксировано 625 нарушений[52], то, по данным Главного Управления войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, в первом полугодии 1939 года на всех постах охраны было зафиксировано 78 случаев предупреждения нарушения, из них: был задержан 21 нарушитель запретной зоны, предотвращено одно уголовное преступление, задержан один особо важный преступник[53]. В октябре 1939 года нарком НКВД СССР Л. П. Берия обратился к председателю Комитета обороны при СНК СССР В. М. Молотову с предложением упорядочить организацию охраны оборонных объектов: ввести особый режим охраны и пропусков еще на 54 объектах, имевших, по мнению руководства НКВД, оборонное значение[54], и утвердить положение о распространении особого режима на заводы, принимаемые под охрану войсками НКВД[55]. В дополнительный список вошли в основном объекты связи. Учитывая, что процедура ежегодного пересмотра ведомствами списков предприятий, охраняемых частями войск НКВД, была предусмотрена Постановлением СНК СССР 1936 года № 1960–390/СС (п. 6)[56], предложение Л. П. Берия было обоснованным. Объектов, размещенных в Западной пограничной полосе, среди них было всего 12 единиц, в том числе ББК, Центральный телеграф в г. Ленинграде, радиоцентр в г. Пушкино и др. В результате в конце 1939 года более 60 % (76 из 122) оборонных предприятий и сооружений, охраняемых частями войск НКВД, территориально находились в Западной пограничной полосе СССР.

ВЫВОДЫ

В ходе формирования мобилизационных планов понятия «оборонное предприятие» и «оборонное сооружение» получили широкое толкование: заводы военно-промышленного комплекса, предприятия двойного назначения, военно-оборонительные сооружения. В условиях обострения внешней и внутренней ситуации в начале 1930-х годов и в связи с этим ускоренного формирования режимных ограничений в СССР в ведение охраны органов государственной безопасности была передана часть объектов, включенных в мобилизационные мероприятия. С этого момента организация пропускного режима на них вошла в систему режимных ограничений, формируемых в ходе мобилизационной подготовки. Территория оборонных предприятий и сооружений как запретная зона пересекалась там, где это было географически обусловлено, с ограничениями пограничного режима Западной пограничной полосы СССР, в результате чего была сформирована многоуровневая система режимных ограничений. Корректировка режимных ограничений, связанная с охраной и пропускной системой, на оборонных предприятиях и сооружениях проходила в сопряжении с изменениями, вносимыми в МП. С середины 1930-х годов пропускной режим совершенствовался: включал превентивные меры для исключения возможного проникновения на предприятие и сооружение посторонних лиц (введены правила найма работников, разные входы для различных категорий работников, контроль над хранением пропусков, ограничение игр МПВО), становился единообразным по форме (были введены шаблоны пропусков, фотоснимок). С 1938 года на предприятиях, охраняемых войсками НКВД, комендатура (бюро пропусков и вахтерская команда) подчинялась в административном и хозяйственном отношении директорам предприятий, а в отношении несения службы и боевой подготовки – командирам частей войск НКВД. К концу 1939 года большинство объектов, охраняемых частями войск органов безопасности, включенных в мобилизационные мероприятия, находились в Западной пограничной полосе СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 557–572.

[2] Архив управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). ФСДП. Оп. 1. П. 39. Л. 11.

[3] Государственное казенное учреждение Республики Карелия «Национальный архив Республики Карелия» (НА РК). Ф. Р. 690. Оп. 1. Д. 162.

[4] Там же. Оп. 10. Д. 2. Л. 171.

[5] Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив экономики» (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 10. Л. 1–107. Подсчет автора.

[6] Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (ГА РФ). Ф. Р 9401. Оп. 1 А. Д. 1. Л. 60.
[7] Там же. Л. 62.
[8] Там же. Л. 61.
[9] Федеральное казенное учреждение «Российский государственный военный архив» (РГВА). Ф. 38262. Оп. 1. Д. 40. Л. 53.
[10] НА РК. Ф. Р 690. Оп. 10. Д. 2/12. Л. 4.
[11] РГВА. Ф. 38262. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
[12] Там же.
[13] РГВА. Ф. 38269. Оп. 1. Д. 41. Л. 19–21.
[14] РГВА. Ф. 38262. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2.
[15] Архив УФСБ РФ по РК. Оп. 14. Пор. 9. Л. 79.
[16] Там же. Л. 6.
[17] Там же. Л. 93–96.
[18] Там же. Л. 94.
[19] Там же.
[20] Там же. 95.
[21] Там же.
[22] Там же. Л. 96.
[23] РГВА. Ф. 38262. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.
[24] Там же. Л. 18–19.
[25] Там же. Д. 41. Л. 32.
[26] Там же. Д. 40. Л. 23.
[27] Там же. Л. 24.
[28] Там же. Л. 21–25.
[29] Там же. Л. 21.
[30] Там же.
[31] Там же. Л. 26.
[32] Там же. Л. 22.
[33] Там же. Л. 10–11.
[34] Там же. Л. 10–11.
[35] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 143.
[36] РГВА. Ф. 38262. Оп. 1. Д. 40. Л. 61.
[37] Там же. Л. 43.
[38] Там же. Л. 37–42.
[39] Там же. Л. 37.
[40] Там же. Л. 53–60.
[41] Там же. Л. 53.
[42] Там же. Л. 53 об.
[43] Там же. Д. 42. Л. 15–16.
[44] Там же. Л. 16.
[45] Постановление СНК СССР № 917 от 21 июня 1939 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=33675#05165375288568639 (дата обращения 12.12.2019).
[46] РГВА. Ф. 38262. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.
[47] Там же. Д. 42. Л. 16.
[48] Там же. Д. 40. Л. 66–67.
[49] Там же. Д. 41. Л. 75.
[50] Там же. Л. 13–14.
[51] Там же. Л. 15.
[52] Архив Министерства внутренних дел по Республике Карелия (Архив МВД РК). Ф. 04. Оп. 1. Д. 025. Л. 100.
[53] РГВА. Ф. 38262. Оп. 1. Д. 42. Л. 65.
[54] Там же. Д. 41. Л. 22–24
[55] Там же. Л. 17.
[56] Там же. Л. 32.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1980-е гг.: экономические аспекты развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://statehistory.ru/4733/Voenno-promyshlennyy-kompleks-SSSR-v-1920-e---1980-e-gg--ekonomicheskie-aspekty-razvitiya/ (дата обращения 12.05.2019).

2. Калистка В. В. «Раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского генерального штаба» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 21–27.
3. Карлей М. Дж. «Только СССР... имеет чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 годы) // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 44–81.
4. Килин Ю. М. Рецензия на кн.: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 166–173.
5. Килин Ю. М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.karelia.ru/docs/kilin/pogran_sov_Karelia_23_38/total.pdf (дата обращения 10.03.2019).
6. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Север-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2013. 295 с.
7. Мухин М. Ю. Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.
8. Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель индустриальной модернизации: историко-теоретические проблемы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2011. № 2. С. 3–12.
9. Симонов Н. С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 504 с.
10. Стариков Н. Н. Войска НКВД на фронте и в тылу [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history.wikireading.ru/252211 (дата обращения 15.04.2019).
11. Репухова О. Ю. Группы содействия в контексте мобилизационной подготовки приграничной Карелии в 1920–1930-х гг. // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты: Сб. материалов XXX Междунар. научно-практ. конф. / Под. общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2016. С. 55–62.
12. Репухова О. Ю. Военно-гражданская мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах: Научное электронное издание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 85 с.
13. Репухова О. Ю. Эвакуационное планирование в Карелии в 1930-х годах // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 11–15.

Поступила в редакцию 27.01.2020

Oksana Yu. Repukhova, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Repukhova@yandex.ru

SECURITY RESTRICTIONS AT THE FACILITIES OF THE USSR WESTERN BORDERLINE IN THE 1930s

Using a set of documents from the central and regional archives of the Russian Federation, the author for the first time analyzed in the context of the mobilization training in the USSR the security restrictions which applied to the facilities protected by the units of the state security agencies troops during the 1930s. The relevance of the approach proposed in the article is that it makes it possible to characterize the mobilization policies in general and the effectiveness of mobilization training as the means of this policy implementation in particular. At the same time, in open access publications there is no analysis of security restrictions at the facilities and other objects of military significance in connection with spatial-territorial, military-civil and evacuation mobilization training. The aim of the work is to study the dynamics of security restrictions at the facilities in connection with mobilization training at the USSR western borderline. The article justifies the conclusion that at the facilities covered by the mobilization measures and transferred under the protection of the state security agencies troops the adjustment of the security restrictions related to their protection and the access control system was carried out according to the changes made to the mobilization plans. In this regard, the research identified the directions for the improvement of protection and access control at the facilities covered by mobilization measures and transferred under the protection of the state security agencies troops. It has been revealed that the restrictions applied to the territories of the sensitive facilities as forbidden zones overlapped with the restrictions of the border regime along the USSR western borderline, which resulted in establishing a multilevel system of security restrictions. It is shown that no less than 41 % of the facilities located at the western borderline and covered by mobilization activities in 1934 and up to 60 % of such facilities in 1939 were under the protection of state security agencies.

Keywords: USSR western borderline, military and civil mobilization training, border regime, state security agencies

Cite this article as: Repukhova O. Yu. Security restrictions at the facilities of the USSR western borderline in the 1930s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 70–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.451

REFERENCES

1. Bystrova I. V. Military-industrial complex of the USSR between the 1920s and the 1980s: economic aspects of development. Available at: https://statehistory.ru/4733/Voenno-promyshlennyy-kompleks-SSSR-v-1920-e---1980-e-gg - ekonomicheskie-aspekty-razvitiya/ (accessed 12.05.2019).
2. Kalistka V. V. "A major spy-sabotage organization of the Japanese general staff uncovered". *Military and Historical Journal.* 2006. No 2. P. 21–27. (In Russ.)
3. Carley M. J. "Only the USSR... has clean hands": The Soviet perspective on the failure of collective security and the collapse of Czechoslovakia, 1934–1938. *Modern and Current History Journal*. 2012. No 1. P. 44–81. (In Russ.)
4. Kilin Yu M. The book review: Elfvengren E., Laidinen E. P. Vakoilua itärajan takana. Yleisesikunnan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1918–1939. Minerva Kustannus Oy, 2012. 384 s. *Studia Humanitatis Borealis.* 2013. No 1. P. 166–173. (In Russ.)
5. Kilin Yu. M. Border edge of the great power: Soviet Karelia in 1923–1938. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/kilin/pogran_sov_Karelia_23_38/total.pdf (accessed 10.03.2019). (In Russ.)
6. Laidinen E. P., Verigin S. G. Finnish intelligence against Soviet Russia. Special services of Finland and their intelligence activities in the north-west of Russia (1914–1939). Petrozavodsk, 2013. 295 p. (In Russ.)
7. Mukhin M. Yu. Evolution of the system of management of the Soviet defense industry in 1921–1941, and change of the defense priorities. *National History.* 2000. No 3. P. 3–15. (In Russ.)
8. Senyavskiy A. S. Soviet mobilization model of industrial modernization: historical and theoretical problems. *Teaching of history and social science at school*. 2011. No 2. P. 3–12. (In Russ.)
9. Simonov N. S. The military-industrial complex of the USSR: economic growth rates, structure, production organization, and management. Moscow, 2015. 504 p. (In Russ.)
10. Starikov N. N. NKVD troops at the front and in the rear. Available at: https://history.wikireading.ru/252211 (accessed 15.04.2019). (In Russ.)
11. Repukhova O. Yu. Assistance groups in the context of mobilization preparation in border Karelia during the 1920s and the 1930s. *Fundamental and Applied Research: Problems and Results: Proceedings of the XXX International Research and Practice Conference*. Novosibirsk, 2016. P. 55–62. (In Russ.)
12. Repukhova O. Yu. Civil-military mobilization preparation in the Republic of Karelia during the 1920s and the 1930s: Electronic research publication. Petrozavodsk, 2016. 85 p. (In Russ.)
13. Repukhova O. Yu. Evacuation planning in Karelia in the 1930s. *Military and Historical Journal.* 2017. No 8. P. 11–15. (In Russ.)

Received: 27 January, 2020

Т. 42. № 2. С. 79–88 **Этнография, этнология и антропология** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.452
УДК 316.614(=511.1)(470.21)

МЕДЕЯ ВЛАДИМИРОВНА ИВАНОВА
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
medeya999@gmail.com

ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА ШАБАЛИНА
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
oshabalina@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАКТИКАХ ТРАДИЦИОННЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА*

На основе анализа этнографической литературы конца XIX – начала XX века, фольклорных и архивных источников рассмотрены историко-культурный контекст и современное бытование специфического субъективного концепта социальной справедливости в экономике традиционного домохозяйства, исторически сформировавшемся у локальной группы арктического населения – саамов Кольского полуострова. При осмыслении данного концепта были выделены критерии жесткого равенства в распределении, продуктивность и принципы удовлетворения потребностей. Отмечено, что в условиях политики государственной колонизации Мурманского берега Кольского полуострова начиная с 1860 года инициировались новые хозяйственно-экономические отношения в крае, регулировавшиеся нормами общероссийского законодательства и «колонизационными» правовыми актами, подготовленными умозрительно, без учета специфических прав коренных жителей. На примере анализа архивных источников, отложившихся в фондах Государственного архива Мурманской области, показано, что при условии законного способа отстаивания своих представлений о социальной справедливости саамами Кольско-Лопарской волости в 1870–1871 годах в процессе разрешения владельческих конфликтов декларативная справедливость была на стороне истцов, а не на стороне колонистов с их переселенческими привилегиями.

Ключевые слова: саамы, социальная справедливость, колонизация, обычное право, Кольский полуостров, традиционные домохозяйства

Для цитирования: Иванова М. В., Шабалина О. В. Экономические аспекты социальной справедливости в практиках традиционных домохозяйств Кольского полуострова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 79–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.452

ВВЕДЕНИЕ

Во втором десятилетии XXI века по-прежнему не угасает дискуссия о положении коренных малочисленных народов Севера. В центре внимания – признание их права на традиционный образ жизни в современных экономических условиях. По всему миру аборигенное население сталкивается с общими проблемами в борьбе за защиту своих земель, ресурсов и обычаев. Индустриальная экспансия на территориях традиционного природопользования существенно осложняет возможность положительного исхода в процессе защиты человеческих и трудовых прав коренных народов в силу малой осведомленности широкой общественности об историческом, культурном контексте и современном бытовании специфического субъективного концепта социальной справедливости, исторически сформировавшегося у каждой локальной группы арктического населения. Можно пред-

© Иванова М. В., Шабалина О. В., 2020

положить, что именно традиционный образ жизни, социально-экономическая общественная система коренных малочисленных народов уже на протяжении многих веков находятся в контексте социальной (не) справедливости. С 2007 года декларация ООН защищает права коренных народов на самоопределение и их договорные права, а также право свободно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие.

В процессе исторического развития экономика традиционных саамских домохозяйств на Кольском полуострове изменялась под влиянием общественно-политических и естественно-природных факторов. Существенную роль в трансформационных процессах играли колонисты и этнические мигранты, которые приносили на новую территорию свою хозяйственную культуру, используя в традиционных экономических практиках ту же ресурсную базу, что и представители коренного этноса, без учета сложившихся «норм и правил». Подобная экспансия в отдельных случаях приводила к нарушению сложившихся традиций природопользования коренного населения, как следствие, люди невольно начинали стремиться к сохранению своих интересов или «социальной справедливости». Б. Рассел, отмечая возрастающую значимость понятия справедливости, подчеркивал, что

> «имеется некоторого рода необходимость, или естественный закон, который постоянно восстанавливает равновесие. Это понятие справедливости – не переступать установленных от века границ» [6: 45].

Действительно, саамы до прихода советской власти на Кольский полуостров старались соблюдать правила и нормы организации традиционной экономической деятельности, несмотря на социально-экономические мероприятия российского правительства, направленные на развитие окраинных территорий государства на рубеже XIX–XX веков, которые неизбежно привели к вторжению в сложившуюся систему взаимоотношений между человеком и окружающей природной средой региона.

Современный российский и скандинавский дискурс в области изучения саамского общества, культуры и истории продолжает существовать в контексте национальных особенностей мировоззренческих позиций, не избавился от «колониального» рефрена, но значительно эволюционировал от стереотипных описаний саамских колдунов-«экзотов», датируемых XVII веком, до значительных эмпирических исследований в области истории саамов на основе широкого комплекса источников [2], [5: 39–159], [12: 7–9], [13], [14], [15], [16], [17], [18].

В рамках данной статьи осуществлена попытка осмысления концепта социальной справедливости в экономике традиционных домохозяйств саамов – коренного населения Мурманской области в исторической ретроспективе. В силу множества трактовок концепта «социальная справедливость» мы рассмотрели его с точки зрения качества общественных отношений, охватывающих экономические аспекты жизнедеятельности саамов.

ГРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СААМОВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

К середине XIX века население Кольского полуострова насчитывало 9 291 человека, которых можно отнести к двум локальным группам: коренное население – лопари (саамы, 18,8 %) и колонисты (русские – 63,1 %, финляндцы – 11,5 % и прочие – 6,9 %)[1]. Организация экономической деятельности коренного населения базировалось на неформальных нормах и правилах, которые регулировали социально-экономические отношения внутри общины и сохраняли специфику сложившейся традиционной жизни и хозяйственной деятельности. Саамы занимались ловлей рыбы, охотой, оленеводством, собирательством и прочими промыслами.

Основу социально-экономической организации саамов составляла территория погоста, которая и определяла тип ведения хозяйства как распределенное домохозяйство. Территория проживания и жизнедеятельности саамской семейной общины включала в себя места зимнего (постоянного) и сезонного (временного) проживания, а также маршруты перекочевок, родовые угодья, промысловые территории. Каждый погост имел четкую локацию с границами по естественным географическим ориентирам, такими как горы, озера, камни, реки[2]. Но в связи с истощением арктических территорий, трудно восстанавливающихся в отношении биологических ресурсов, расположение погостов неоднократно менялось, как и их количество. В этнографической литературе конца XIX – начала XX века у разных авторов приводились разные данные: от 18 до 22 погостов[3].

УПРАВЛЕНИЕ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ

Экономические (или хозяйственные) вопросы, связанные с закреплением имущественных прав, управлением имуществом, распределением и потреблением ресурсов и результатов обще-

ственного труда в рамках саамской общины, основывались на обычном праве, описанном в работах А. Я. Ефименко, Н. Н. Харузина и других авторов[4].

Следуя теории справедливости Дж. Ролза, мы можем рассматривать саамское сельское общество в середине XIX века как общность людей, проживавших на территории определенного погоста, «которые в своих взаимоотношениях осознают определенные обязывающие их правила поведения и которые, по большей части, поступают согласно этим правилам» [7: 20]. Правила устанавливали систему кооперации, предназначенную обеспечивать блага тем, кто следовал правилам, и поскольку община была связана единым интересом – обеспечением выживания, то совпадение интересов в рамках социальной кооперации (следуя логике Ролза) делало возможной для всех лучшую жизнь по сравнению с тем, чем она была бы, если бы каждый жил за счет собственных усилий.

Распределительная роль права имела большое значение в экономической жизни общины, которая не только способствовала четкому определению прав и обязанностей, но и раздаче тягот и повинностей. В данном контексте общественное право выступает как «социальное благо»[5]. Исследование неформальных институтов организации хозяйственной модели саамской сельской общины и особенностей ведения хозяйства позволяет увидеть, что социальная справедливость проявлялась через создание для всех членов коллектива единых стартовых условий для экономической деятельности. То есть фактически можно констатировать существование общества эгалитарного типа с равными возможностями для всех его членов.

В процессе работы над статьей в рассмотренных нами исторических источниках мы не нашли примеров погони за материальной выгодой или наживой, тем самым подтвердив тезис американского антрополога Маршала Салинза об отсутствии стремления к увеличению объема добываемых продуктов в обществе охотников и собирателей [8].

Хозяйственная модель и территориальная организация каждого погоста, а также социальная структура общины представляли собой хорошо отлаженный механизм,

> «имевший безусловную внутреннюю логику и взаимосвязь, позволявшую круглогодично в полной мере контролировать промысловые угодья, заниматься рыболовством и одновременно следить за оленьим стадом» [1: 9–11].

Саамы вели полукочевой образ жизни, который определял относительную нематериалистичность саамов и потенцировал их уделять большее внимание отношениям с семьей и общиной. Земельных наделов в частном владении у саамов никогда не было. Земля считалась государственной, и лопари пользовались ею по установленным ранее обычаям[6]. Межевание, искони не менявшееся, делило Русскую Лапландию на участки по количеству саамских погостов. Границы промысловых территорий членами других общин не нарушались. Угодья и земли распределялись по количеству семей пропорционально их составу (чем больше семья – тем больше наделы) и наследовались; неделимы были только горы, которыми владели все сообща[7]. То есть принципов справедливости, основанных на равенстве возможностей, саамы придерживались при перераспределении семейных промысловых участков, в зависимости от богатства промысловых ресурсов и /или при увеличении или уменьшении состава семьи[8]. На сходе (суйме) после определения количества мужского населения, которое должно было заниматься рыбным ловом в расчете на 1 тоню, последние (за исключением семужьих) могли распределяться с помощью жребия[9].

В процессе изучения экономик коренного населения зачастую недооценивается роль местных экономических и социальных институтов, поскольку предполагается, что основные правила и механизмы их исполнения устанавливаются на более высоком уровне. Однако на локальном уровне значительную роль, как было показано выше, играют формальные и неформальные нормы и правила, устанавливающие ограничения и соответствующие механизмы контроля социально-экономических процессов, определяющих специфику сложившегося традиционного хозяйства, соблюдение местных традиций и готовность локальных групп к инновациям. Надо отметить, что эти неформальные институты являются эффективным регулятором социального равенства саамов.

Среди общепринятых критериев, которые выделяются нами при конструировании концепта социальной справедливости в экономике саамских домохозяйств, кроме уже отмеченного жесткого равенства в распределении, существовали такие, как продуктивность и принципы удовлетворения потребностей [10: 146–147].

Находясь на позиции внешнего наблюдателя, при анализе доступных нам образчиков малых жанров саамского фольклора, аккумулированных в одной семье, можно говорить, что, например, критерий продуктивности в саамском

обществе, где мотивационным импульсом для традиционной хозяйственной деятельности служит выживаемость и, как ни странно, достижение своеобразного гедонизма, становится еще и фактором в представлении о достатке/богатстве, бедности/нищете. Так, в пословицах богатый саам то же самое, что работящий саам, а ленивый – бедный: «У бедняка оленей всегда волки поедают», «У бедняка и важенка не телится», «У беззаботного человека добро не заводится», «Будет забота, появится и добро» [3: 43–45].

Категория гедонизма – жизни в свое удовольствие без ограничений – присутствует в этнографической литературе о саамах конца XIX – начала XX века наравне с описаниями крайне непривлекательного, жалкого, убогого, неудобного и скучного существования лопаря (саама). В отчете о путешествии архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кольский уезд в 1895 году констатируется: «Издавна вольный сын широкой бесконечной тундры, лопарь любит эту тундру и свободную кочевую жизнь». Там же сообщается, что ранее побывавший в этих краях управляющий Государственными имуществами Архангельской губернии С. П. Гоппен подметил, что когда у состоятельных лопарей (саамов) спрашивали, почему они не живут «с удобством», то слышали в ответ:

«Что может быть лучше свободы, шири в тундре и шума в лесах, жизни в незаменимой веже или тупе? Что может быть приятнее и здоровее ежедневной летней пищи из свежей вкусной рыбы <…>? Что может быть веселее той снеговой вьюги, когда по гладкой снеговой равнине вихрем несешься в своей кережке, запряженной четверкою сильных рослых быков-оленей, в свою тупу, к своей семье, где находишь у разведенного костра испеченную свежую оленину? Нет, мы не сравним нашу привольную жизнь с приневольною жизнью в городах, нам вежа, тупа лучше всякого каменного дома»[10].

Внешние наблюдатели судят о богатстве индивида, в том числе оценивая жилище и питание. Лопарские (саамские) традиционные жилые постройки: постоянная – тупа с камельком, временные – куокса (кувакса) и вежа. В зимних местах проживания лопари (саамы) разного уровня достатка всех погостов имели русские избы и тупы. На летних стоянках использовались тупы и вежи: «Первые служат убежищем для зажиточных, вторые для бедняков». Все упомянутые постройки крайне аскетичны, и рациональность в их устройстве превалирует над возможностью быть объектом роскоши[11]. Врач-физиолог Ф. Г. Иванов-Дятлов, описывая рацион саамов, отмечает, что питание находится всегда в большой зависимости от материального состояния[12]. Но при этом разница в рационе богатых (радивых) и бедных (нерадивых) в основном состоит только в количестве употребляемых продуктов и наличии у богачей большего разнообразия приправ, жиров и сахара[13].

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОЛОНИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Размышления о концепте социальной справедливости в экономике традиционных домохозяйств саамов на Кольском полуострове невозможны без учета колониальной политики Российского государства в отношении своих отдаленных окраин. Социальная справедливость в традиционном обществе в первую очередь проявляется в возможностях и ограничениях вести традиционный образ жизни.

«Социально несправедливые отношения имеют место тогда, когда существуют видимые и невидимые недобросовестные действия в рамках общества, которые способствуют неравенству и препятствуют социальному прогрессу» [9].

Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова начиная с 1860 года инициировала новые хозяйственно-экономические отношения в регионе, регулировавшиеся нормами общероссийского законодательства и «колонизационными» правовыми актами [4: 250]. Последние были подготовлены умозрительно, без выявления свободных казенных земель и учета специфических прав коренных жителей на рыболовные угодья. Столичные и местные чиновники долгое время не сомневались в успехе земледелия на Мурмане и были заинтересованы в освоении как можно большего объема площадей, позволяя переселенцам законным образом занимать любые земли. Но после визита в 1870 году великого князя Алексея Александровича на Мурман поборников мнения о возможности развития землепашества становилось все меньше[14]. И в процессе разрешения владельческих конфликтов все чаще стал учитываться тот факт, что лопари, по Положению о государственных крестьянах от 24 ноября 1866 года, считаясь казенными, признавались наследственными владельцами отведенных им в надел и находившихся в их пользовании земель и угодий до даты узаконения[15]. То есть декларативная справедливость была в это время на стороне лопарей, а не колонистов с их переселенческими привилегиями. Хотя на деле уже в 1890 году губернские чиновники рекомендовали волостным и уездным исполнителям «не задаваться охранением во что бы то ни стало интересов одних лопарей в ущерб колонистов». Новые трактовки законов должны были способствовать осуществлению стратегической задачи колони-

зации края исключительно силами русских, но это обстоятельство никак не оправдывало вытеснения коренных жителей с их исконных земель и угодий[16].

В качестве высокоинформативного примера законного способа отстаивания своих представлений о справедливости саамами Кольско-Лопарской волости в 1870–1871 годах могут служить два документа: прошение в Губернское правление и ответ на него, отложившиеся в фонде № И-52 «Кольско-Лопарское волостное правление Александровского уезда Архангельской губернии» Государственного архива Мурманской области (цитируемый текст источника аутентичен, но для удобства его восприятия добавлены некоторые знаки препинания).

В преамбуле к прошению, обращенному к «Его Высокоблагородию Господину Асессору Архангельского Губернского Правления Ядовину», составленному в марте 1970 года от имени крестьян лопарей (саамов) Кольско-Лопарской волости Печенского, Пазрецкого и Мотовского погостов, констатируется, что «с незапамятных <…> времен» предки просителей поселились в этих погостах, и тогда же был произведен раздел между членами указанных общностей «сенокосной земли и земельных же згодий», а также территорий «для звериных, лесных промыслов и корма оленей», мест «рыболовных ловел в реках, озерах и морских губах». Эти «земляныя згодья и рыбныя ловли» находились в их пользовании «в замен пахотной земли» с разграничением владений между погостами «известными [им] межами».

Авторы обращения к государственным властям свидетельствуют, что они «владения имели между собой совершенно спокойно без малейшаго нарушения до поселения инародцев, которые самовольно без всякого со стороны нашей согласия поселились на наши владения» и произвольно стали пользоваться принадлежащими саамам сенокосами и рыбными ловлями. Далее в документе поименованы нарушители: «семейства финляндцев», осевших в течение 6 лет, с 1863 по 1869 год, во владениях Пазрецкого погоста, «печенский норвежец», принявший присягу «на подданство России», Антон Даль[17]. С последним фигурантом этого списка у просителей возник не только территориально-владельческий спор, но и морально-этический конфликт. Даль поселился на северной стороне «устья Печенской губы, где Летний Печенский погост» и устроился обстоятельно: построил дом, тупы, амбары и «промышленныя заведения»[18]. Из амбара он начал «торговлю красными товарами[19], чаем, сахаром, а более всего ромом». Этот «заморский» алкогольный напиток оказался самым страшным злом, которому саамы не могли противостоять:

> «…извлекающим для самых из нас последния копейки и приводящим население в крайнее разорение. И притом терпим от употребляющих разного сословия крик, шум, брань, иногда драку, вообще нарушающих тишину общественное спокойствие и чистоту нравов»[20].

Точно такие же «разорительные» торговые операции осуществлял Антон Даль и «в три версты от Печенского Монастыря, а от Печенского летняго Погоста в 20 верстах», где на берегу «реки Печенги, впадающей в Печенскую Губу, выстроил <…> лавку». Даль «расширил свою торговлю и строения для собственных выгод и для развития контрабанды, но никак ни для развития рыбопромышленности на Мурманском берегу». При занятиях торговлей «особенно привлекаются к нему его приверженцы норвежцы и вовсем способствуют его распоряжениям». По мнению саамов, такая деятельность приводила «к одному лишь стеснению [их], послаблению [их] промышленностей». Хозяйственные и жилые постройки этого предприимчивого дельца в указанном летнем погосте вытеснили саамские «дома» так, что они «неминуемо должны [были] переселится на другие места»[21].

Кроме уже упомянутых переселенцев притесняли авторов прошения «фильмана Петр Ларс и прочия», которые

> «живут особено, самовольно пользуются Печенскими сенокосными местами и привели месные материалы почти уже дапустошения истреблением на дрова, и стесняют рыбною ловлею в морских губах на згодьях принадлежащих [им] в той же Печенской Губе»[22].

Обосновавшиеся «при рыболовной тони у Ольховского наволока <…> Норвежский Бурман Данило <…> и фильман Нилус Гальт, и по лету 1869 норвежец Улан Ула и другия семейства на другой стороны Печенской Губы, норвежец Юган Ганс и несколько семейств коррелов» осенью 1869 года «запирали реку Книжуху и производили ловли семги и в устье Печенской Губы, на тонях, принадлежащих нам и переходящих для владения между собой поочередно». Указывалось, что «колонисты финлянцы, норвежцы прусские производят ловли рыбы гарвами, неводам». В угодьях Мотовского погоста «как то в устьи Мотовской губы и риках большой и малой Урах, Эейны и Зубовки также многие поселенцы самовольно пользуются рыболовными ловлями». А поселившиеся в 1866 году финляндцы Абрам, Соломон Карлссоны, Артило Яковь Арфанем и Иоан Гансон Пельтом на берегах реки «большой Уры совершенно ловли отняли», о чем было со-

общено в Волостное правление[23]. Саамы были обеспокоены, что «переселенцы, называемые колонистами», в том числе «и неимиющия никаких видов»[24], ежегодно прибывали. Они доводили до сведения государственных чиновников, что

«при таком поселении колонистов и самоуправном завладении опользовании принадлежащим нам сенокосами и рыбными ловлями мы совершенно оттеснены от владений с лишением оных, как единственных источников для нашего благосостояния и оплачивания податей и повинностей. Мы несли убытки и пришли в упадочной состояние, более уже не в силах обеспечивать себя этими средствами и оплачивать в исправности государственныя подати и повинности»[25].

Обращалось особое внимание властей и на то, что «колонизация умножили натуральное отправление обывательских подводов, от чего <…> лопари Печенского, Мотовского погоста несут совершенно обременительствую[щие] тягости»[26]. Ситуация была осложнена тем, что «документов на право владения землей и рыбными ловлями» мотовские саамы не имели. Их право основывалось на том, что «межи разделяющия между нашими погостами владения старожили наши припомнят». Детальные сведения по межеванию угодий между общностями были направлены ими в Волостное правление.

После описания обстоятельств, вынудивших саамов обратиться к Его Высокоблагородию, в документе резюмировалась суть прошения: «…покорнейше просить войти в наше крайни стеснительное положение, сделать зависящее от Вас начальственное ходатайство» об обложении пошлиной, «возможность отнимать и пользоваться принадлежащими нам сенокосами и рыбными ловлями», ввоз и продажу «зловредного напитка рому». Освободить печенских и мотовских лопарей (саамов) «от тяготного отправления натуральной подводной повинности». И, если возможно, выселить

«из наших местностей посторонних поселенцев, выводя нас из обременительного положения, дозволить свободно пользоваться средствами владений сенокосами и рыбными ловлями на прежнем основании без вмешательства колонистов и тем оказать милостивую защиту и покровительства»[27].

К прошению прилагалась справка волостного писаря от 7 марта 1870 года, в которой он сообщал, что:

«В делах Кольско-Лопарскаго Волостного Правления документов на Право владения Землями и рыбными ловлями, принадлежащими крестьянам Пазрецкого, Печенского и Мотовского погостов, и о межах оных неимеется, но из сведений упраздненного Печенскаго Волостного Правления о быте Лопарей упомянутых Погостов, представленных тем правлением от 8 августа 1866 г. за № 136 и 141 в камиссию, командированную в Северозападную часть Мурманского берега для изследования и описания Ея, видно, что Лопари тех погостов<…>» [действительно] «<…> имеют принадлежащую им Землю, удобную для огородничества, по погостам Мотовскому, по реке Ури <…>, по Печеньскому по реке Печенге, и по Пазрецкому по реке Пазреке, а сенокосную Землю по погостам: Печеньскому, по реке Печеньге 10 дес., на берегу Северного окияна Аинския острова 180 десяти 200с. Эти острова по распоряжению управления государ.[ственного] имущества отдаются с торгов в оброчное содержание с 1869 г.»[28].

Далее следует такая же подробная «роспись» остальных земельных владений Мотовского и Пазрецкого обществ, их промысловых угодий и подтверждение того, «что распределение згодий, как речных, так и озерных, сделано с давних лет, и владение переходит из рода в род».

Сельский староста Печенгского общества Киприянов свидетельствовал, что

«показанные в прошении крестьяне лопарей погостов: – Печенского, Пазрецкого и Мотовского межи, разделяющия их владения землями и рыболовными ловлями, и границы Норвежский, и финляндский, совершенно справедливы. Владения этих лопарей Земляными угодьями и рыббныя ловли как в озерах, реках, морских губах, и на тонях действительно принадлежат в поименованном прошении мижах по праву давности»[29].

Также подтверждались все факты разного рода несправедливости по отношению к лопарям, указанные в прошении, из-за которых они лишались какой бы то ни было прибыли, становились «несправными плательщиками податей и повинностей», накопили долг в 70 руб., с начала колонизации несли «довольно обременительную тягость лопари Мотовского, Печенского погостов в отправлении обывательской и подводной повинности»[30].

Ответ с решениями по жалобам и прошениям лопарей «Кемского уезда Печенгского, Мотовского и Пазрецкого погостов» был составлен в канцелярии начальника Архангельской губернии в январе 1871 года на имя кольско-лопарского волостного старшины.

В нем сообщалось, что член Присутствия управляющий государственными имуществами г. Раделов заявил:

«…бывший Начальник Губернии Действительный Статский Советник Качалов, во время обозрения вместе с ним Мурманского берега вследствие жалобы Лопарей на стеснения их колонистами, разобрав эти жалобы, внушал и разъяснял колонистам, что стеснять лопарей в пользовании угодьями и в производстве промыслов они не имеют права, так как угодья принадлежащия лопарям, должны оставаться у них в пользовании, а на промыслы в море лопари имеют такое же право как и колонисты»[31].

Так как жалобы лопарей были отправлены в Губернское присутствие 24, 26 июня и 3 июля 1870 года до посещения Мурманского берега начальником губернии в августе 1870 года, то Губернское присутствие определило отнести возникшие между колонистами и лопарями споры об угодьях к «недоразумениям первых» относительно прав на пользование теми угодьями.

Кольскому исправнику и мировому посреднику 3-го Кольского участка было поручено разъяснить колонистам, что переселение их на Мурманский берег

«отнюдь не имеют стеснить быт лопарей, а напротив, цель колонизации – служить примером, посредством устройства хороших хозяйств и введения улучшенных способов рыбной и звериной промышленности, для привлечения лопарей к оседлой жизни, а потому колонисты не имеют ни какого исключительного права на угодья, состоящие в пользовании лопарей и могут селиться и пользоваться лишь на местах свободных, находящихся в ведении казны, при водах же, где поселились уже колонисты и где эти воды прежде находились в пользовании лопарей, права на промыслы должны быть общие, и что за сим всякое неправильно присвоение лопарских угодий и стеснение в морских промыслах, свободных по закону для каждого поданного, будет преследуемо по законам, со взысканием всех причиняемых убытков, о чем объявить лопарям на поданныя ими просьбы, присовокупив, что в случае причинения и за сим колонистами стеснений, они должны обращаться с жалобами к Полиции, которая обязана возстановить нарушенное право, а о причиненных убытках заявлять иски в судебном месте»[32].

Удовлетворена была и просьба о восстановлении справедливости в отношении взимания с лопарей крайне обременительной подводной повинности: считалось незаконным привлечение их к «уравнительному сбору по 78 коп. с души» одновременно с предоставлением ими же натуральной подводной повинности из-за отсутствия в Лопарской волости обывательских станций: «справедливость требует учредить такие же станции на счет сего же сбора и во всех главных населенных местностях Лопарской волости»[33].

Была признана незаконно возложенной на лопарей «повинность найма десятских для Судебнаго Следователя в г. Коле». Подтверждалось, что наем помещения и вахтера для торгового магазина по правилам возлагался на крестьян только в том случае, если они «заявят на это желание, а как лопари ходатайствуют о сложении с них этой обязанности, то сообщить о сем на распоряжение Комитета о Продовольствии жителей». Прошение лопарей об освобождении их от выбора сельского заседателя, вахтера и содержания десятских при становой квартире не подлежало удовлетворению, так как эти повинности были возложены на обывателей законом[34].

ВЫВОДЫ

Анализ этнографической литературы о саамах конца XIX – начала XX века, фольклорных и архивных источников позволяет сделать ряд выводов:

1. Воспроизводство несправедливых социально-экономических отношений на Кольском Севере было обусловлено следующими историческими предпосылками:

– колонизационные усилия церкви и «нового» населения из более южных районов страны, которое создавало постоянные поселения, занимало промысловые территории, принадлежащие коренному населению;

– усиление административного и фискального контроля (саамы долгое время облагались данью со стороны нескольких государств);

– неизбежность включения в рыночные отношения.

2. При осуществлении попытки осмысления концепта социальной справедливости в экономике традиционных домохозяйств саамов – коренного населения Мурманской области – в исторической ретроспективе были выделены критерии жесткого равенства в распределении, продуктивность и принципы удовлетворения потребностей. Критерий продуктивности в саамском обществе, где мотивационным импульсом для традиционной хозяйственной деятельности служит выживаемость и, как ни странно, достижение своеобразного гедонизма, становится еще и фактором в представлении о достатке/богатстве, бедности/нищете.

3. В процессе изучения экономик коренного населения зачастую недооценивается роль местных экономических и социальных институтов, поскольку предполагается, что основные правила и механизмы их исполнения устанавливаются на более высоком уровне. Однако на локальном уровне значительную роль, как было показано выше, играют формальные и неформальные нормы и правила, устанавливающие ограничения и соответствующие механизмы контроля социально-экономических процессов, определяющих специфику сложившегося традиционного хозяйства, соблюдение местных традиций и готовность локальных групп к инновациям. Эти неформальные институты являются эффективным регулятором социально-экономического равенства саамов.

4. Социальная несправедливость проявляется в первую очередь, когда возникает конфликт ин-

тересов. С одной стороны – полукочевое коренное население, общество рыболовов, охотников и собирателей, в котором отсутствуют погоня за ростом добываемых продуктов и сама идея такого поведения. С другой стороны – колонизационные процессы на Кольском полуострове, вынуждающие коренное население (саамов) постоянно адаптироваться к новым условиям.

В настоящее время на Кольском Севере складываются различные системы хозяйствования, и поиск компромисса с учетом исторического опыта может привести к справедливому решению вопроса их сосуществования, возникновению новых правил взаимодействия между различными культурами, не ущемляющих коренное население.

*Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания ФИЦ КНЦ РАН по теме НИР № 0226-2019-0066.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. С. 20.
[2] Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: Географический и этнографический очерк. М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1903. С. 63.
[3] Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: [б. и., 1909]. С. 80; Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки ИРГО. СПб., 1878. Т. 8. С. 15; Харузин Н. Н. Русские лопари. С. 76.
[4] Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки ИРГО. СПб., 1878. Т. 8. С. 1–89; Харузин Н. Н. Русские лопари.
[5] Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве: Пособие для кооперативно-общественной школы и курсов / Под ред. В. А. Кильчевского. Ярославль: Изд-во Яросл. Кредит. Союза Кооп-в., 1919. С. 115–116.
[6] Розонов А. С. Лапландия и лапландцы. СПб., 1903. С. 86.
[7] Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской. С. 43; Харузин Н. Н. Русские лопари. С. 244.
[8] Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: Географический и этнографический очерк. С. 64.
[9] Харузин Н. Н. Русские лопари. С. 246.
[10] Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск: Губернская типография, 1895. С. 45–46.
[11] Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927) / Под ред. Д. А. Золотарева. Л.: Изд. РГО, 1928. С. 13.
[12] Там же. С. 42.
[13] Там же. С. 46–56.
[14] Тихомиров В. Заботы о заселении Мурмана во второй половине нынешнего столетия. СПб., 1899. С. 4–5.
[15] Экспедиция для научно-промысловых исследований у берегов Мурмана. Отчет о ее деятельности за 1902 год начальника экспедиции Л. Л. Брейтфуса. СПб., 1903. С. 137.
[16] Мухин А. А. О Мурмане и Лапландии. Записка чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск, 1910. С. 41–42.
[17] ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 82.
[18] Там же.
[19] Красный товар – это текстиль, мануфактура.
[20] ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 82 об.
[21] Там же.
[22] ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30 Л. 82 об.–83.
[23] ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 83.
[24] То есть обосновавшиеся незаконно.
[25] ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 83.
[26] Там же.
[27] ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 83об.–84.
[28] ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 85.
[29] ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 85–85 об.
[30] ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 86.
[31] ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 104.
[32] ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 104–105.
[33] ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 105–105об.
[34] ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 106–106об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007. 86 с.
2. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры // Dieđut. 2008. № 2. 294 с.
3. Мечкина Е. И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2010. 54 с.
4. Орехова Е. А. Саамское население и колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Вып. 1. С. 250–257.
5. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгин; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 671 с.
6. Рассел Б. История западной философии. М., 1959. 935 с.
7. Ролз Дж. Теория справедливости / Под ред. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 535 с.
8. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
9. Севастьянов А. М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения // Социология власти. 2012. №1. С. 159–166.
10. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.
11. Ballantyne T. Empire, knowledge and culture: From proto-globalization to modern globalization, globalization in world history. (A. G. Hopkins, Ed.). London: Pimlico, 2002. 280 p.
12. Gunaratnam Y. Researching race and ethnicity, methods, knowledge and power. London: Sage Publications, 2003. 218 p.
13. Junka-Aikio L. Can the Sami speak now? // Cultural Studies. 2014. № 2 (30). P. 205–233.
14. Hansen L. I., Olsen B. Hunters in transition: An outline of early Sámi history. Leiden & Boston: Brill, 2014. 402 p.
15. Lehtola V.-P. The Sami people, traditions in transition. Inari: Kustannus-Puntsi, 2002. 139 p.
16. Mathisen S. R. Changing narratives about Sami folklore: A review of research on Sami folklore in the Norwegian area // Sami Folkloristics. (J. Pentikäinen et al., Eds.). Turku: Nordic Network of Folklore, 2000. 284 p.
17. Sergejeva J. The Eastern Sami: A short account of their history and identity // Acta Borealia. 2000. № 2 (17). P. 5–37.
18. Sörlin S. Rituals and resources of national history. The North and the Arctic in Swedish scientific Nationalism // Narrating the Arctic: A cultural history of Nordic scientific practices. (M. Bravo, S. Sörlin, Eds.). Canton: Science History Publications, 2002. 378 p.

Поступила в редакцию 27.09.2019

Medeya V. Ivanova, Doctor of Economics, Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences", (Apatity, Russian Federation)
medeya999@gmail.com
Olga V. Shabalina, PhD in History, Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences", (Apatity, Russian Federation)
oshabalina@yandex.ru

ECONOMIC ASPECTS OF SOCIAL JUSTICE IN THE PRACTICES OF TRADITIONAL HOUSEHOLDS OF THE KOLA PENINSULA*

The article is based on the analysis of ethnographic literature dating back to the late XIX and the early XX centuries, as well as folklore and archival sources. It examines the historical and cultural context and the current existence of a specific subjective concept of social justice in the economy of traditional households, historically formed by the local Arctic population – the Sámi of the Kola Peninsula. When contemplating this concept, criteria of strict equality in distribution, productivity and principles of needs satisfaction were identified. It is noted that under the state policy of colonizing the Murmansk coast of the Kola Peninsula starting with 1860 the region initiated new economic relations, governed by the norms of all-Russian legislation and "colonization" legal acts which were prepared speculatively, without taking into account the specific rights of the indigenous people. Using the example of the analysis of archival sources deposited in the State Archive of the Murmansk region, the authors show that in 1870 and 1871, when the Sámi of the Kola-Lopar district used legal means of upholding their ideas about social justice in the process of resolving possessory conflicts, declarative justice was on their side, and not on the side of the colonists, despite their resettlement privileges.

Keywords: Sámi, social justice, colonization, customary law, Kola Peninsula, traditional households

*The study was financed from the federal budget as part of the state research project No 0226-2019-0066 assigned to the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”.

Cite this article as: Ivanova M. V., Shabalina O. V. Economic aspects of social justice in the practices of traditional households of the Kola Peninsula. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 79–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.452

REFERENCES

1. Gutsol N. N., Vinogradova S. N., Samorukova A. G. Resettled groups of the Kola Sami. Apatity, 2007. 86 p. (In Russ.)
2. Kuchinsky M. G. The Sami from the Kola district between the XVI and the XVIII centuries. The model of social structure. *Dieđut*. 2008. No 2. 294 p. (In Russ.)
3. Mechkina E. I. Folklore traditions in the culture of the Sami family. Apatity, 2010. 54 p. (In Russ.)
4. Orekhova E. A. The Sami population and the colonization of the Murmansk coast of the Kola Peninsula during the second half of the XIX century and the early XX century. *Vestink of Saint Petersburg University*. Series 2. 2008. No 1. P. 250–257. (In Russ.)
5. The Baltic-Finnish peoples of Russia. Moscow, 2003. 671 p. (In Russ.)
6. Russell B. A history of Western philosophy. Moscow, 1959. 935 p. (In Russ.)
7. Rawls J. A theory of justice. Novosibirsk, 1995. 535 p. (In Russ.)
8. Salins M. Stone Age economics. Moscow, 1999. 296 p. (In Russ.)
9. Sevastyanov A. M. Social injustice in relations between power and society: experience of sociological measurement. *Sociology of Power*. 2012. No 1. P. 159–166. (In Russ.)
10. Social inequality of ethnic groups: ideas and reality. Moscow, 2002. 480 p. (In Russ.)
11. Ballantyne T. Empire, knowledge and culture: From proto-globalization to modern globalization, globalization in world history. London, 2002. 280 p.
12. Gunaratnam Y. Researching race and ethnicity, methods, knowledge and power. London, 2003. 218 p.
13. Junka-Aikio L. Can the Sami speak now? *Cultural Studies*. 2014. No. 2 (30). P. 205–233.
14. Hansen L. I., Olsen B. Hunters in transition: An outline of early Sámi history. Leiden & Boston, 2014. 402 p.
15. Lehtola V.-P. The Sami people, traditions in transition. Inari, 2002. 139 p.
16. Mathisen S. R. Changing narratives about Sami folklore: A review of research on Sami folklore in the Norwegian area. Sami Folkloristics. (J. Pentikäinen et al., Eds.). Turku, 2000. 284 p.
17. Sergejeva J. The Eastern Sami: A short account of their history and identity. *Acta Borealia*. 2000. No 2 (17). P. 5–37.
18. Sörlin S. Rituals and resources of national history. The North and the Arctic in Swedish scientific nationalism. *Narrating the Arctic: A cultural history of Nordic scientific practices.* (M. Bravo, S. Sörlin, Eds.). Canton, 2002. 378 p.

Received: 27 September, 2019

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Т. 42. № 2. С. 89–95 **Этнография, этнология и антропология** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.457
УДК 394

ТАМАРА ПАВЛОВНА ЛЁННГРЕН
доктор философии по специальности «славянские языки»,
профессор факультета гуманитарных, социальных наук и педагогики
Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии
(Тромсё, Норвегия)
tamara.lonngren@uit.no

У ИСТОКОВ КОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: ФРИТЬОФ НАНСЕН И ОЛАФ БРОК

Легендарный норвежский исследователь Фритьоф Нансен, будучи человеком одаренным и всесторонне образованным, прекрасно знал историю и культуру северных народов российских окраин. Об этих его качествах упоминается практически во всех работах, посвященных его несостоявшейся в 1926 году экспедиции на Кольский полуостров. Однако о том, что овладение глубокими познаниями в области истории и материальной культуры окраинных западных территорий России, легшими в основу его идеи об изучении Кольского полуострова, стало возможным для Нансена только благодаря большой помощи профессора-слависта Олафа Брока, в научной литературе не упоминалось никогда. Не упоминалось ранее и о том, что сама идея изучения Кольского полуострова возникла у Нансена задолго до появления проекта профессора Сульберга в 1924 году. В статье речь идет о предыстории несостоявшейся Кольской экспедиции и о роли филолога Брока в зарождении и развитии идеи Нансена о многостороннем изучении Кольского полуострова, включающем лингвистическое направление, в рамках которого предполагалось изучение говоров коренного населения Кольского полуострова, особое внимание при этом уделялось бы словам, связанным со своеобразной культурой местного населения. В статье использованы неопубликованные архивные документы из эпистолярного наследия Олафа Брока, хранящегося в архивах России и Норвегии.

Ключевые слова: норвежский Институт сравнительных исследований в области культуры, экспедиция на Кольский полуостров, материальная культура, названия реалий, население северных окраин, Олаф Брок, А. А. Шахматов, Фритьоф Нансен

Для цитирования: Лённгрен Т. П. У истоков Кольской экспедиции: Фритьоф Нансен и Олаф Брок // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 89–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.457

ВВЕДЕНИЕ

О том, что легендарный норвежский исследователь Фритьоф Нансен[1] был человеком одаренным и всесторонне образованным, прекрасно знал историю и культуру северных народов российских окраин, упоминается практически во всех работах, посвященных его несостоявшейся в 1926 году экспедиции на Кольский полуостров [5], [6], [7], [9], [10], [11], [12], [13], [15] и др. Однако о том, что овладение глубокими познаниями в области истории и материальной культуры окраинных западных территорий России, легшими в основу его идеи об изучении Кольского полуострова, стало возможно для легендарного норвежца только благодаря неоценимой помощи профессора-слависта Олафа Брока[2], в научной литературе не упоминалось никогда. Равно как не упоминалось ранее и о том, что сама идея изучения Кольского полуострова возникла у Нансена задолго до появления проекта профессора Сульберга в 1924 году. Предпринятая же попытка упомянуть об этих фактах в работе [5], посвященной несостоявшейся Кольской экспедиции, была отвергнута рецензентом, поскольку по его, рецензента, твердому убеждению филолог Брок не имел никакого отношения к легендарному Нансену и его проекту по изучению Кольского полуострова.

В предлагаемой статье речь пойдет о предыстории несостоявшейся Кольской экспедиции и о роли филологов-коллег О. Брока и А. А. Шахматова в зарождении и развитии идеи Нансена о многостороннем изучении Кольского полуострова, включающем лингвистическое направление, предполагавшее изучение говоров коренного населения Кольского полуострова, в ходе которого особое внимание уделялось бы словам, связанным со своеобразной культурой местного населения.

ПРОЕКТ И ОТКАЗ ПРОФЕССОРА СУЛЬБЕРГА (OLE M. SOLBERG)

Вскоре после организации норвежского Института сравнительных исследований в области культуры (далее – ISKF[3]) одним из его ведущих направлений стало сравнительное изучение коренных народностей Арктики. К этому

© Лённгрен Т. П., 2020

времени уже активно велись исследования на арктическом побережье Америки, Финляндии, Швеции, Норвегии и северной Швеции. Однако для решения сложных вопросов, связанных с определением направления миграции, необходимо было провести аналогичные исследования и на обширных арктических территориях, принадлежащих только что образовавшемуся советскому государству. Инициатором проекта научной экспедиции для сравнительного изучения коренного населения Кольского полуострова был профессор Сульберг [12: 344–347]. Этот проект сразу же был признан перспективным, и в конце 1924 года он был утвержден руководством ISKF. Однако вскоре после утверждения, весной 1925 года, Сульберг, неожиданно и без объяснений, от своего проекта отказался. Как следует из неопубликованных записей в дневнике директора института Фредрика Станга, причин для отказа у автора проекта могло быть несколько, и одна из них заключалась в том, что Сульберг раньше других понял, что в создавшихся политических условиях осуществить задуманную экспедицию на советской территории будет невозможно [5: 146–147], [12: 348].

НАНСЕН ВО ГЛАВЕ ПРОЕКТА: НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Как следует из меморандума, присланного Нансеном в мае 1926 года министру Народного комиссариата иностранных дел Г. В. Чичерину, Кольская экспедиция должна была охватывать несколько направлений в изучении северных полярных народностей[4]. Не исключено, что, возлагая руководство этим проектом на Нансена, руководители ISKF принимали во внимание его серьезные научные интересы в области изучения арктического населения[5] и северных окраин России[6]. Но главная причина, почему именно Нансен был поставлен во главе Кольского проекта, заключалась в том, что руководство ISKF предвидело неизбежные сложности проведения экспедиции в сложившихся политических условиях и возлагало большие надежды на дипломатический опыт Нансена и его большой авторитет политического деятеля и друга России. И эти надежды были обоснованными, поскольку к тому времени Нансен уже получил международное признание человека-легенды, в том числе и в глазах советской верхушки. Так, советская посланница в Норвегии Александра Михайловна Коллонтай, посетив Нансена с дружеским визитом в Люсакере 13 апреля 1923 года, оставила в своем дипломатическом дневнике восторженную запись[7]. Однако в действительности оказалось, что добиться у советов разрешения на экспедицию этому титану-человеку не помогли ни его ум, ни мужество, ни дипломатический опыт, ни сила воли, ни талант убеждения: советское руководство использовало им же, этим руководством, только что изобретенную и потом десятилетиями отточенную методику отказа для того, чтобы экспедиция человека-легенды и верного друга России Фритьофа Нансена на Кольский полуостров не состоялась никогда [5].

ИНТЕРЕС НАНСЕНА К ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Несмотря на то что о Нансене-ученом принято говорить в первую очередь как об исследователе в области точных наук, известно, что уже во время первой своей экспедиции он проявил серьезный интерес не только к изучению арктических природных явлений, но и к жизненному укладу и культуре населения Арктики[8]. Этот интерес к культуре человека в экстремальных условиях Севера не покидал легендарного норвежца на протяжении всей его долгой, насыщенной неординарными событиями жизни [9: 5]. Что же касается интереса Нансена именно к истории заселения Кольского полуострова, то этот интерес появился у исследователя задолго до проекта профессора Сульберга, предложенного им в 1924 году и в 1925 году утвержденного ISKF.

Как следует из эпистолярного наследия Нансена, уже в 1910 году он обратился к Броку с рядом вопросов относительно сведений по истории изучения Русского Севера, и особенно его интересовал Кольский полуостров. В ходе завязавшейся дискуссии о Русском Севере Нансен проявлял высокую заинтересованность и демонстрировал всесторонние знания научной литературы по этому вопросу, изданной на языках, которыми он владел. Русского языка Нансен не знал, поэтому и обратился к Броку [14: 153–155]. Олаф Брок, свободно владевший русским языком и обладавший обширными знаниями в области русских реалий, в одном из писем[9] в ответ на вопрос Нансена, касавшийся русского морского промысла, перечислил все известные ему русские названия по этой теме, расположив в левом столбце русское слово, написанное латиницей, далее – норвежский эквивалент, а за ним поместил пояснения в виде словарной статьи, написанной по-норвежски[10]. Особый интерес Нансен проявлял к способам передвижения местного северного населения по воде, поэтому Брок только описанием *шняки* не ограничился. Он сделал детальный чертеж, обозначил буквами каждую деталь и подробно описал, из какого именно материала она изготовлена, какой сорт

древесины использовался и какое назначение каждая деталь имела.

Поскольку Нансен и Брок жили в одном городе, в Кристиании[11], то только письмами их общение не ограничивалось. Они часто встречались на разных официальных мероприятиях, торжественных приемах, обедах и пользовались предоставленной возможностью для общения и обсуждения интересовавших их вопросов. В письмах они постоянно поочередно благодарят друг друга за приятную встречу и интересную беседу.

Приведенный пример о названиях реалий северного морского промысла не оставляет сомнения в том, насколько острой была необходимость в изучении местных говоров. Ведь если даже Олаф Брок, опытный диалектолог, сам по приглашению Императорской Академии наук собравший в полевых условиях материал [3] и описавший не только два русских говора[12], но и всю фонетическую систему славянской речи[13], не смог объяснить происхождение слов, функционирующих на соседней с Норвегией северной русской окраине, то изучение этой проблемы действительно было крайне необходимым.

Возможно, если бы Брок воспользовался словарем А. О. Подвысоцкого[14], то смог бы объяснить слово *ярус*, но не больше. Однако об этом словаре Олаф Брок, видимо, не знал, поскольку словарь вышел задолго не только до того, как Брок начал изучать русский язык, но и до его рождения. Вряд ли этот словарь пользовался спросом у русских коллег-лингвистов, с которыми общался Брок, поскольку их интересы были сосредоточены на изучении языковых явлений других территорий России.

Спектр вопросов Нансена по исследованиям Русского Севера был настолько широк и разнообразен, что знаний Брока-слависта оказалось недостаточно не только в области этимологии северных слов, но и во многом другом, так что он был вынужден обратиться за помощью к своему русскому другу и коллеге[15] академику А. А. Шахматову[16]. Очень скоро Шахматов прислал Броку исчерпывающий обзор русских источников, но словарь А. О. Подвысоцкого в этом списке назван не был[17]. Получив такой внушительный список литературы на русском языке, Брок должен был все прочитать, проработать и законспектировать на норвежском языке, чтобы Нансен смог изучить литературу по интересующим его вопросам, касающимся Русского Севера, изданную на русском языке. В архиве Брока хранится несколько черновиков конспектов на норвежском языке по книгам, рекомендованным Шахматовым. Эти конспекты впечатляют как содержательностью, так и высоким мастерством реферирования.

Таким образом, благодаря помощи и стараниям двух академиков-филологов Нансен смог быстро и обстоятельно ознакомиться с состоянием изучения интересовавшего его вопроса в России. Но, видимо, только реферирования русских работ для него оказалось недостаточно. Серьезная заинтересованность изучением северных русских окраин привела исследователя к пониманию необходимости овладеть русским языком хотя бы в такой степени, чтобы иметь возможность самостоятельно читать работы о северных коренных народностях, написанные по-русски. Этими мыслями Нансен поделился с Броком и в очередной раз попросил его о помощи [14: 204–205]. Брок с большим энтузиазмом откликнулся на просьбу Нансена и написал письмо[18], в котором кратко изложил сведения о русской фонетике, способах произношения русских звуков и составил таблицу с русским алфавитом, норвежскими эквивалентами и элементарными пояснениями, специально предназначенными для не-филолога Нансена. Насколько известно, Нансен так и не овладел русским языком, но таблица с объяснениями, составленная Броком, и сейчас может использоваться в преподавании русского языка на элементарном уровне для норвежцев.

Тесное сотрудничество Нансена и Брока продолжалось вплоть до конца 1923 года, что подтверждается сохранившейся перепиской: Брок был рядом с Нансеном как бы невидимой тенью во всех делах, связанных с Россией и Украиной. Много написано о том, что Нансен оказывал помощь голодающим Поволжья, голодающей украинской интеллигенции, но нигде в этих публикациях нет и намека на то, что связующим звеном между взывающими о помощи и Нансеном в первую очередь был профессор Брок. В эпистолярном наследии Брока хранятся десятки писем, адресованных ему с просьбой передать их обращение к Нансену так, чтобы оно не осталось без внимания[19]. Они разошлись во взглядах после посещения Советской России.

БРОК И НАНСЕН О СОВЕТСКОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

В 1924 году вышел переработанный для народных библиотек вариант книги[20] Олафа Брока[21], в которой он, уже признанный авторитетный норвежский эксперт по вопросам России, первый профессор славянских языков столичного Университета Осло, президент Норвежской Академии наук, так мастерски и правдоподобно

описал критическую ситуацию в Стране Советов, что заставил серьезно заволноваться и принять экстренные меры советскую посланницу А. М. Коллонтай. Именно благодаря стараниям энергичной посланницы и ее широким связям в разных общественно-политических кругах Норвегии в начале 1924 года «пасквильная» книга из школьных библиотек была изъята, а против строптивого норвежского профессора была организована показательная травля [2: 44–46], [4].

Всего на полгода раньше выхода книги Брока, весной 1923 года, Фритьоф Нансен тоже высказал свое мнение о Советской России, но оно имело совсем иной характер, чем мнение его земляка. Поэтому Нансен, в отличие от Брока, в 1920-е годы продолжал оставаться в числе друзей Страны Советов, а его газетные заметки о Советской России, опубликованные на французском языке, были сразу же переведены на русский и изданы в виде отдельной книги[22]. Но никакие заслуги Нансена не помогли осуществить Кольскую экспедицию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К моменту появления советского государства между филологами России и Норвегии существовали прочные научные связи. Одной из величайших заслуг русского лингвиста позапрошлого века Ф. Ф. Фортунатова была не только основанная им Московская лингвистическая школа, но и воспитание блестящих последователей, славистов мирового уровня: русского академика А. А. Шахматова и первого норвежского профессора славянских языков, академика О. Брока. Приведенные в статье неизвестные ранее архивные материалы и впервые публикуемые здесь письма двух ученых-лингвистов дает наглядное представление о том, что ведущие дореволюционные филологи занимались не только своими лингвистическими проблемами, но и щедро делились и применяли свои знания в других областях, тем самым способствуя на деле, а не на словах с высокой трибуны, развитию научных контактов, научного сотрудничества, решению научных проблем двух соседних государств. Было бы научным преступлением замалчивать и предавать забвению печальный опыт несостоявшейся экспедиции, потому что он наглядно показывает не только то, какое научное сообщество было уничтожено, но и что к этому уничтожению привело.

Отказ советской стороны в разрешении проведения норвежской экспедиции повлек за собой невосполнимые потери в изучении уникального культурного наследия этнической группы лапландцев, тысячелетия назад оторвавшейся от своего этнического массива, преодолевшей сотни тысяч километров и обосновавшейся на безлюдных северных окраинах. Известные труды, посвященные поморским говорам, дают хорошее представление о русской этнической группе на фоне сложного лингвистического ландшафта Кольского полуострова, но они не восполняют потери в изучении культурного наследия этнической группы лапландцев. Олаф Брок, понимая, что с отказом от проведения экспедиции Нансена изучение лингвистического ареала Кольского полуострова закрылось надолго, не остановился перед трудностями и начал изучать лексику этого региона другим путем, более сложным и менее результативным, но это уже тема для другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Норв. Fridtjof Wedel-Jarlsberg Nansen, 1861–1930.

[2] Норв. Olaf Broch, 1867–1961.

[3] Instituttfor sammenlignende kulturforskning: 1922–1972 [8].

[4] «Мы примерно предполагаем, что следующие отрасли знания должны быть представлены в экспедиции: антропология: измерения и другие исследования должны производиться с живым материалом, должны исследоваться находки в могилах и т. д. Антрополог или его ассистент мог бы быть доктором экспедиции; археология: исследование древних мест поселений и могил; лингвистические изучения: изучение различных наречий Кольского полуострова; особое внимание должно быть уделено словам, связанным со своеобразной культурой лапландцев, с целью найти указания на их происхождение; социология: миросозерцание лапландцев – обычное право, общественные обычаи, религиозные идеи и особенности – фольклор должны быть изучены; этнография: изучение материальной культуры лапландцев и собирание коллекций. Оленеводческая промышленность лапландцев должна быть изучена с разных точек зрения» [5: 149].

[5] Nansen F. Nord i tåkeheimen: utforskningen av jordens nordlige strøk i tidlige tider. Kristiania: Dybwad, 1911. 603 s.

[6] Nansen F. Gjennem Sibirien. Kristiania: Jacob Dybwads forlag, 1914. 386 s.

[7] «Большой человек Нансен и обаятельный. Чудесные у него глаза, синие и умные. В них отражена его неумолимая решимость и воля. Что-то в них застывшее и холодное, как полярные льды. Но когда Нансен улыбается, в этих глазах точно засветится луч солнца. Высокий, крепко скроенный и гибкий он. Это титан, а не просто человек» [1: 110].

[8] Nansen F. Eskimoliv. Kristiania: Aschehoug, 1891. 315 s.

[9] Письмо О. Брока к Ф. Нансену от 2.10.1910: NB Ms. fol. 1924, 6B2. Описание архива О. Брока в Норвежской национальной библиотеке представлено в работе: Lönngren T. Архив норвежского слависта Олафа Брока в Национальной Библиотеке Норвегии // Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. 2016. No 57. S. 35–47.

[10] «Русск[ое] *кит – hval* (*кит-рыба – hvalfisk*) заимствованное из греческого *κητος*; *морж – hvalros*, этимология мне неизвестна и непонятна, должен указать на корень слова *mъrod-j-*, *mъrog-j-*, если он не заимствован. Может, если он славянский, связываться с разными корнями и словами (как следует из этимологического словаря М. Фасмера, русское *морж* происходит от саамского *morša*, *morššâ*, но Олаф Брок саамского языка не знал, а первый выпуск словаря появился только через 40 лет после того, как он пытался найти объяснение происхождения этого слова – *Т. Л.*); тюлень – sal выглядит абсолютно как заимствованное слово (согласно Фасмеру русское тюлень могло быть заимствовано из саамского восточного *tul ĺ ĺa*, саамского норвежского *dullja* ‘вид тюленя’. – *Т. Л.*); *острогà – horpun til hvalfongst*, наоборот, выглядит произведенным дома (прилагательное *острый – skarp*, *hvass*). Русское *бить острогòй – slå* (*drope*) *med harpun – ударить* (*убить*) – не *бросать*, насколько я вижу; *шнякà*, арх[ангельское] – *pikebåt*, 4–5 фавнов (один фавн = 188 см. – *Т. Л.*) длиной и 7–8 футов (один метр = 3,28 фута. – *Т. Л.*) шириной. Обычно на паруснике команда состоит из 4-х человек: кормщик, тяглец, весельщик и наживщик; *ярус – line*, *snore*, определенно чужое, но я не знаю, откуда (в архангельских говорах, согласно А. О. Подвысоцкому, слово *ярус* употребляется в значении ‘ряд веревок с крючками и наживкой, соединенных вместе, поперек реки’; об этимологии этого слова у лингвистов до сих пор нет единого мнения. – *Т. Л.*); *вòрвань – fiske tran*, откуда?» (Русское *ворвань*, согласно Фасмеру, происходит от скандинавского названия кита *narhval*; в значении ‘китовое сало, китовая шкура’ известно с начала XVI века. – *Т. Л.*). В оригинале письмо написано по-норвежски, перевод с норвежского на русский мой.

[11] Современное название Осло появилось в 1925 году. С 1624 по 1877 год норвежская столица называлась Христиания, а с 1877 по 1925 год – Кристиания.

[12] Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Т. 83. СПб.: ОРЯС, 1907. 150 с.; Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг.: Тип. Имп. АН, 1916. 128 с.

[13] Брок О. Очерк физиологии славянской речи. С.-Петербург, 1910 // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5.2 / Под ред. И. В. Ягича. 259 с.

[14] Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типогр. Императ. АН, 1885. 198 с.

[15] Знакомство О. Брока с А. А. Шахматовым, очень быстро переросшее в настоящую дружбу, произошло в Москве в 1888 году, куда годом раньше молодой норвежец приехал изучать русский язык. На протяжении трех десятилетий друзья-коллеги вели оживленную и очень содержательную переписку [2: 48].

[16] «[...] Читаю теперь Ваши “Двинские грамоты” (речь идет о работе А. А. Шахматова Исследование о двинских грамотах XV века, СПб., 1903. – *Т. Л.*) и многому учусь. Чтение стоит в связи с работами известного Нансена по географии и истории географии. Мне нужно составить себе (и другим) ясное понятие о расселении русских на север, к берегу Ледовитого океана (и, конечно, особенно Белого моря) и о развитии и занятиях Вашего народа там в прежние столетия. Ваш труд – прекрасный и важный источник. Но он не дает еще никаких сведений о том, когда начали русские промышлять на море, как они начали это, можно ли судить, с какой стороны они обучались этому делу, у норвежцев что ли, или у других, какие у них были сначала снасти и суда, как называются эти снасти и лодки, какого они типа, куда отправлялись они промышлять и т. д. и т. д. Вы сами знаете лучше меня, что все это не найдем в обработанном виде, а может быть, что о нем вообще вовсе нет никаких сведений; но иногда получаются косвенные сведения, а Вы теперь понимаете, в каком направлении идут мои специальные интересы и вопросы по означенному предмету, – все в связи с работами Нансена.

И вот, не знаю, к кому обратиться, если не к Вам. Я думаю, что обработка этого предмета будет интересовать русских столько же, сколько и нас. Прошу Вас назвать пока известные Вам источники и сочинения по истории русского побережья на севере, граничащего с частями Арх[ангельской] губернии, – и не только по XIII–XIV–XV столетиям, но также и позже. То, что уже названо Вами в “Двинских грамотах”, конечно, отметил, но это – не много. [...]

В связи с данным вопросом прошу Вас также сообщить мне, имеются ли новые исследования или сочинения по истории – особенно по экономической истории – Великого Новгорода? Ведь в этой истории, вероятно, нужно искать указание насчет товаров с Севера, а из таких указаний можно иногда делать заключения» – Из письма О. Брока к А. А. Шахматову от 16.11.1910: СПбФАРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 287–288 об. Здесь и далее: воспроизведение текста осуществляется в современной орфографии, явные ошибки устранены, авторская пунктуация и подчеркивания сохранены и отдельно не оговариваются. Сокращения раскрываются в квадратных скобках.

[17] «Дорогой Олаф Иванович! (Все русские называли норвежца Олафа и его жену Нини по имени и отчеству: Олаф Иванович и Нина Ивановна; в письмах, написанных по-русски, Олаф Брок всегда подписывался именно так: Олаф Иванович Брок, за исключением его официальных писем, адресованных А. В. Луначарскому, А. М. Коллонтай и под. – *Т. Л.*).

Задержал несколько ответ на Ваше письмо. Весьма интересным Вы занялись вопросом. Для библиографических данных обратились к Энцикл[опедическому] словарю; ведь он у Вас в Христиании, конечно, есть, говорю о нашем “Брокгаузе и Ефроне”. Со своей стороны обращу Ваше внимание на следующие работы.
Челищев, Путешествие по северу России в 1791 году.
Лепехин, Дневники путешествия.
М. Сидоров, Север России. Спб. 1870.
Арх. Досифей, Геогр., статист. и истор. описание Соловецкого монастыря. М. 1853.
Архангельский сборник. Арх. 1863.
А. Фомин, Описание Белого моря. Спб. 1797.
Е. Огородников, Мурманский и Терский берега по книге Большого Чертежа. Спб. 1869.
К. Молчанов, Описание Арх. губ. Спб. 1813.
С. Ф. Огородников, Очерк истории города Архангельска. Спб. 1890.
Фон-Пошман, Описание Арх. губернии. 1802 г. Арх. 1866.
В. Крестинин, Начертание истории города Холмогор. Спб. 1890.
А. А. Титов, Двинская летопись. М. 1889.
В. Крестинин, Исторические начатки о Двинском народе. Спб. 1784.
Е. К. Огородников, Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по кн. Болш. Чертежа. Спб. 1877.
В. О. Ключевский, Очерк хоз. быта Поморского края ([…] все приблизительно такое). Моск. Унив. Зап. 1867–1889 г.

Недавно вышла интересная работа “Русские водные пути и судовое дело в допетровской России” Н. П. Загоскина, Казань 1909 года.

Затем возьмете соотв[етствующий] том “Россия. Географическое описание нашего отечества” изд. Девриена под редакцией В. П. Семенова. Там в начале указано решительно все важнейшее, как я сейчас вспомнил.
Если вспомню еще что-нибудь новейшее, напишу Вам. Я тоже занят теперь историко-геогр[афическими] вопросами в связи с изучением вопроса о прародине славян.

Очень рад, что русское издание Вашей работы (речь идет о работе Олафа Брока “Очерк физиологии славянской речи”. – *Т. Л.*) вышло раньше немецкого. С удовольсвием прочел его еще раз. Жена и я кланяемся Нине Ивановне. Искренне преданный А. Шахмат[ов].» – Из письма А. А. Шахматова к О. Броку от 25.11.1910: NB, Brevs. 337.

[18] Письмо О. Брока к Ф. Нансену от 8.12.1913: NB Brevs. 337.

[19] «Было бы хорошо, очень хорошо, если бы Нансен заинтересовался положением украинской интеллигенции как таковой, украинских студентов, школ и пр[очим].

Если бы его миссия дала согласие на передачу от нас припасов, денег, научных пособий уполномоченных нашего Союза “Голодным Украины”, которые занимаются распределением тех средств, которые мы отсюда посылаем.

Если бы он поручил Квислингу войти в сношение с этими нашими уполномоченными и ознакомиться с положением укр[аинских] культурных работников и проч[их] – увидел бы, не может ли миссия Нансена сделать для них что-нибудь». – Из письма М. С. Грушевского к О. Броку от 1.4.1923: NB, Brevs. 337.

[20] Broch O. Proletariatets diktatur. Set og tænkt fra forsommeren 1923. Kristiania: Aschehoug, 1924. 91 s.

[21] Broch O. Proletariatets diktatur. Set og tænkt fra forsommeren 1923. Kristiania: Aschehoug, 1923. 195 s.

[22] Нансен Ф. Россия и мир. М.; Л.: Гос. из-во, 1923. 146 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 1. М.: Academia, 2001. 527 с.
2. Лённгрен Т. «...Прошу не забыть, что есть у Вас друг»: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов // Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. 2015. No 56. S. 37–57.
3. Лённгрен Т. П. «Собрал ряд наблюдений над настоящим состоянием России». Путевые заметки Олафа Брока // Олаф Брок. Диктатура пролетариата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2018. С. 169–173.
4. Лённгрен Т. П. Потрясение от увиденного: книга Олафа Брока «Диктатура пролетариата» // Слов’янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов’янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка; Університет Осло: НАН України: Інститут українознавства ім. І. Крип’якевича, 2018. С. 109–131.
5. Лённгрен Т. «...Откладывается до более благоприятного времени»: о Кольской экспедиции Фритьофа Нансена // Scando-Slavica. 2019. Vol. 65. No 2. P. 146–169.
6. Миклебуст К. А. Фритьоф Нансен, Руаль Амундсен и Русский Север (1890–1930 годы) // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 205–215.
7. Файнштейн М. Ш. Из истории русско-норвежских связей (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук) // Российско-норвежские контакты. Взгляд из Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Доклады Российско-норвежских чтений. СПб.: Европейский дом, 1996. С. 39–51.
8. Amundsen L. Instituttfor sammenlignende kulturforskning 1922–1972. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1972. 150 s.

9. Jølle H. D. Hvorfor holder jeg eskimoen for stående over europæerne? Kulturforskaren Fridtjof Nansen og "de arktiske andre". Hovedoppgave i historie. Tromsø, 2000. 186 s.
10. Jølle H. D. Nordpolens naboer. Norsk polarhistorie. Bd. II. (Drivenes & Jølle, Red.). Oslo: Gyldendal, 2004. 475 s.
11. Jølle H. D. Nansen. Oppdageren. Oslo: Gyldendal, 2011. 518 s.
12. Kyllingstad J. R. Menneskeåndens universalitet: Institutt for sammenlignende kulturforskning 1917–1940. Ideene, institusjonen og forskningen. Acta humaniora, № 371. Oslo: Unipub AS, 2008. 653 s.
13. Myklebost K. A. Planen om en Kola-ekspedisjon // Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014. (S. G. Holtsmark, red., P. Mankova, bildered.). Oslo: Pax, 2015. S. 214–215.
14. Nansen F. Brev. III. 1906–1918. Trondheim: Universitetsforlaget, 1963. 369 s.
15. Vogt C. E. Nansens kamp mot hungersnøden i Russland 1921–23. Oslo: Aschehoug forlag, 2007. 345 s.

Поступила в редакцию 04.06.2019

Tamara P. Lönngren, Doctor of Philosophy, University of Tromsø – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
tamara.lonngren@uit.no

AT THE ROOTS OF THE KOLA EXPEDITION: FRIDTJOF NANSEN AND OLAF BROCH

The fact that a legendary Norwegian explorer Fridtjof Nansen, who was a talented and highly educated man, knew very well the history and culture of the peoples of Northern Russia, is mentioned in almost every work dedicated to his planned expedition to the Kola Peninsula, which was never performed. However, there are no research works that mention the fact that his deep knowledge, which inspired him to investigate the Kola Peninsula, was acquired only thanks to great support from a Norwegian slavist Olaf Broch. Until now it has also been unknown that the idea of investigating the Kola Peninsula came to Nansen's mind long before professor Solberg's project was initiated in 1924. The article "At the Roots of the Kola Expedition: Fridtjof Nansen and Olaf Broch" deals with the prehistory of the failed expedition and the role played by Broch in the origin and development of Nansen's idea. This idea was to perform a many-sided investigation of the Kola Peninsula, including a linguistic line of research – the study of the dialects on the peninsula, with special attention to words connected with the unique culture of the local population. The article makes use of the unpublished materials comprising the epistolary legacy of Olaf Broch and deposited in Russian and Norwegian archives.

Keywords: Institute for Comparative Research in Human Culture, expedition to the Kola Peninsula, material culture, realias, population of northern Russia, Olaf Broch, A. A. Shakhmatov, Fridtjof Nansen

Cite this article as: Lönngren T. P. At the roots of the Kola expedition: Fridtjof Nansen and Olaf Broch. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 89–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.457

REFERENCES

1. Kollontai A. M. Diplomatic diaries. 1922–1940. Vol. 1. Moscow, 2001. 527 p. (In Russ.)
2. Lönngren T. "...Please do not forget that you have a friend": Olaf Broch and Aleksey Aleksandrovich Shakhmatov. *Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures.* 2015. No 56. P. 37–57. (In Russ.)
3. Lönngren T. "I collected a number of observations on the current state of Russia." Olaf Brock's travel notes. *Olaf Broch. The dictatorship of the proletariat*. Moscow, 2018. P. 169–173. (In Russ.)
4. Lönngren T. A horrified observer: the book *The Dictatorship of the Proletariat* by Olaf Broch. *Slavic World of Olaf Broch: Proceedings of the Conference Celebrating the 150th Birthday Anniversary of the First Professor of Slavic Languages of the University of Oslo.* Львів, 2018. P. 109–131. (In Russ.)
5. Lönngren T. "...Postponed to a more favorable time": Fridtjof Nansen's Kola expedition. *Scando-Slavica*. 2019. Vol. 65. No 2. P. 146–169. (In Russ.)
6. Myklebost K. A. Fridtjof Nansen, Roald Amundsen and the Russian North (1890–1930). *Modern and Current History.* 2013. No 1. P. 205–215. (In Russ.)
7. Feinstein M. Sh. The history of Russian-Norwegian relations (based on the materials from the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences). *Russian-Norwegian contacts. A view from St. Petersburg.* St. Petersburg, 1996. P. 39–51. (In Russ.)
8. Amundsen L. Institute for Comparative Research in Human Culture 1922–1972. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972. 150 p.
9. Jølle H. D. Why do I see the Eskimo as superior to the Europeans? Cultural researcher Fridtjof Nansen and "the Arctic others". Master's Thesis (History). Tromsø, 2000. 186 p.
10. Jølle H. D. Neighbours of the North Pole. Norwegian polar history. Vol. II. (Drivenes & Jølle, Eds.). Oslo, 2004. 475 p.
11. Jølle H. D. Nansen. The discoverer. Oslo, 2011. 518 p.
12. Kyllingstad J. R. The universality of human spirit: Institute for Comparative Research in Human Culture 1917–1940. Ideas, institution and research. Acta humaniora, No 371. Oslo, 2008. 653 p.
13. Myklebost K. A. Plan for the Kola expedition. *Neighbours in fear and anticipation. Norway and Russia 1917–2014.* (S. G. Holtsmark, Ed., P. Mankova, Photo ed.). Oslo, 2015. P. 214–215.
14. Nansen F. Letters. III. 1906–1918. Trondheim, 1963. 369 p.
15. Vogt C. E. Nansen's fight against the famine in Russia 1921–23. Oslo, 2007. 345 p.

Received: 4 Juny, 2019

Т. 42. № 2. С. 96–104 **Этнография, этнология и антропология** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.453
УДК 398.1, 398.32

АНДРЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ БАШКАРЕВ
кандидат политических наук, доцент Гуманитарного института
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
bashkarev@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНТЕРВЕНТАХ В ПРЕДАНИЯХ ЮЖНЫХ И ШИМОЗЕРСКИХ ВЕПСОВ

Анализируются упоминания о вторжении иноплеменных захватчиков, сохранившиеся в преданиях южных и шимозерских вепсов. Актуальность темы исследования связана с изучением трансформации представлений об интервентах в вепсской традиционной культуре, а также определением степени сохранности преданий о них в памяти современных информантов. Исследуется двойственность представления вепсов о так называемых панах как первопоселенцах края и в то же время как об интервентах. На основе анализа реализованных ранее исследований и современных свидетельств информантов осуществляется трактовка этого сопоставления. Цель исследования – анализ устойчивых мотивов в повествованиях о захватчиках, трактуемых в большинстве случаев как «поляки» или «литва», в работе с современными информантами. Для этого исследования второй половины XX века сопоставлены с результатами полевых экспедиций 2017–2019 годов, проведенных в Бокситогорском районе Ленинградской области и Вытегорском районе Вологодской области. Также в статье исследуется сохранение традиций почитания вепсами сакральных объектов, связываемых в легендах с действиями захватчиков в прошлые века. Оценивается современное состояние подобных почитаемых объектов и связанные с ними традиции. Результатом исследования стало выявление сохранившихся мотивов повествования об интервентах у современного населения в вепсском ареале, а также локализация сакральных объектов, по-прежнему связываемых с интервентами. Отмечены отдельные случаи соблюдения традиций, связанных с посещением и почитанием подобных объектов.

Ключевые слова: вепсы, предания, фольклор, интервенты, паны, жальники

Для цитирования: Башкарев А. А. Представления об интервентах в преданиях южных и шимозерских вепсов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.453

ВВЕДЕНИЕ

Упоминания об иноземных захватчиках, организовывавших набеги и грабежи, достаточно распространены в преданиях народов, исконно населяющих Русский Север. Описания столкновений с иноплеменными интервентами, в качестве которых в различных источниках фигурируют «паны», «поляки» или «литва», занимают важное место в корпусе устных преданий. Осуществленные ранее исследования позволили выявить упоминания о подобных вторжениях в том числе и на территориях исконного проживания вепсов – между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Помимо записанных свидетельств информантов, во второй половине XX века исследователям удалось в определенной мере локализовать объекты, связываемые в преданиях с действиями интервентов. В первую очередь в качестве таких объектов выступают древние кладбища, а также находящиеся на них объекты, наделяемые сакральным значением. В данной статье предлагается обобщить материалы, собранные исследователями по этой теме ранее, а также представить результаты исследований, реализованных автором в местах проживания южных и шимозерских вепсов в 2010-е годы.

* * *

Фольклорные произведения о польско-литовской интервенции XVII века были записаны и проанализированы исследователями еще в конце XIX – начале XX века[1], в частности подобные исследования напрямую касались территорий исконного расселения вепсов[2]. Позднее в монографии Н. А. Криничной «Предания Русского Севера» проводится глубокий анализ представлений, связанных с набегами иноземцев (разбойников, внешних врагов), в роли которых чаще всего упоминаются именно польско-литовские интервенты [12]. В 1950-е годы В. В. Пименов обращает внимание, что фольклорная тематика

© Башкарев А. А., 2020

«панов» принадлежала традиционной культуре не только русского, но и финно-угорских народов, в частности вепсов, для которых данные персонажи олицетворяли одновременно предков и польско-литовских интервентов начала XVII века [13: 135, 142, 236, 242].

Н. Е. Котельникова отмечает неоднозначность и многослойность образа «панов», подтверждая активное бытование преданий о них на севере России. Так, данный образ может раскрываться как образ аборигенов края, внешних врагов (чаще всего польско-литовских интервентов), а также разбойников [10: 293]. В 2000-х годах теме «панов» в устной традиции северорусского населения были посвящены исследования А. В. Киселева [8], [9].

Исследуемые предания о «панах», в качестве которых в разных источниках выступают поляки, литва и турки, состоят из нескольких связанных мотивов: пребывание (былое) данных общностей в конкретной местности, оставление ими следа и, в конечном счете, исчезновение в этой местности (с сохранением упоминания в виде быличек, преданий, связанных с местом).

Н. А. Криничная указывает, что образ «панов», обусловленный этими мотивами (в первую очередь функциями) и сам отчасти обусловливающий их специфику и структуру, имеет целый спектр значений. С одной стороны, «паны» – это почитаемые умершие, предки; с другой – это антропоморфные скульптурные изображения, которые служат воплощением предков и вместилищами их душ. И, наконец, «паны», «панки» – это холмы, курганы, могилы. Следовательно, «паны» могут быть представлены и в качестве субъекта, и в качестве объекта, что свидетельствует об известном «разветвлении» ранее единого образа на несколько генетически взаимосвязанных. Однако в данном случае больший интерес представляет трактовка «панов» как исторических персонажей.

В. К. Соколова также отмечает широкое распространение на северорусских территориях терминов «литва» и «паны» (особенно в Прионежье), указывая на неопределенность трактовки «панов» в этническом отношении – и как иноплеменных пришельцев, разбойников, и как первонасельников края. «Паны» в преданиях рисуются иногда и как первопоселенцы, смешиваются с «чудью» (они также «сами себя похоронили»), а в некоторых преданиях о них, возможно, отразился и культ предков-пращуров. «Татары», «литва», «паны» характеризуются в общем одинаково, в разных местах о них часто рассказывают одно и то же. Краткость и обобщенность большинства таких преданий являются в значительной мере результатом забвения конкретных исторических деталей – все это рисуется как давно прошедшее [14: 33–34].

Анализ историко-географической основы вепсских преданий о «панах» выявляет определенную собирательность их образа. Так, «панов» можно в разной степени представить как реальных первопоселенцев, аборигенов, язычников, внешних врагов (польско-литовских интервентов), разбойников, помещиков и, наконец, людей, живших до нынешнего поколения и оставивших после себя следы загадочной материальной культуры [12]. Н. А. Криничная указывает на синтетическое единство образа «панов»-интервентов как более позднего и образа «панов»-прародителей, проявляемое в сложных исторических трансформациях [11]. Противоречивость сопоставления «свои-чужие» в данном случае нивелируется многослойностью восприятия образа «панов» в историческом контексте, когда этот образ приобретает собирательный характер по отношению ко всем оставившим значительный след в культуре – и некогда жившим предкам, и совершавшим набеги интервентам. Несмотря на то что образ «панов» в свидетельствах информантов приобретает семантическое значение иноземных разбойников с XVII века, тем не менее предания о них, зафиксированные значительно позднее, не характеризуются четкой временной привязкой, что также свидетельствует о чрезвычайной многослойности восприятия образа и возможном закреплении его в фольклоре в различных коннотациях в различные периоды времени.

Таким образом, в формировании представлений о «панах» прослеживается постепенное отождествление почитаемых предков, память о которых сакрализуется, и с первопоселенцами, и с интервентами. При этом и первые, и вторые могли погибнуть и быть погребены вместе в результате столкновений в ходе захватнических набегов. В частности, в монографии С. А. Штыркова, посвященной преданиям об иноземных нашествиях в северо-восточной Новгородчине, сопредельной южно-вепсскому ареалу, отражено представление о так называемых забудущих родителях – почитаемых предках, похороненных в особых местах – жальниках. В роли этих предков, по представлениям информантов, выступают как древние первопоселенцы, так и некогда совершавшие набег в этой местности интервенты («литва») [15: 161–165]. В то же время существовали и различия в трактовках возникновения жальников у вепсского и сопредельного русского населения. Н. А. Зайцев отмечает, что южные вепсы считали жальники местом захоронения

людей, погибших во время войны с турками, в то время как представители этнолокальной группы русских озерян объясняли их происхождение захоронением умерших во время строительства Тихвинской водной системы [6: 39].

Представители этнолокальных групп южных и шимозерских вепсов, исконно проживавшие в северной части современного Бокситогорского (Ленинградская область) и юго-западной части современного Вытегорского (Вологодская область) районов, также сохранили историческую память о так называемых панах, отраженную в свидетельствах информантов, фиксируемых и в настоящее время. Примечательно при этом, что выступавшие, по мнению информантов, в роли захватчиков могли обозначаться и как «литва» (реже «турки», «татары»), и как «паны» или «поляк*и*» – в свою очередь первое характерно в большой степени для южных и капшинских вепсов, в то время как второе – для шимозерских. С. А. Штырков в свою очередь также отмечает как характерное упоминание именно «литвы» для русских северо-востока Новгородской области, исторически соседствовавших с вепсами.

Характерна устойчивость описаний столкновений вепсов с набежчиками, в ходе которых первые были вынуждены скрываться. При этом представляет значительный интерес мотив самопогребения, отраженный в упоминаниях информантов исследователями в XX веке. В частности, С. Б. Егоров отмечает существенный культурный пласт преданий о врагах, в которых вепсы выступают как страдающая сторона. Такие предания, как отмечает исследователь, характерны для южных и части средних вепсов, а также для соседнего русского населения. При этом имеются определенные различия. С нападением врагов связывается у вепсов возникновение могильников *kāmišt*, аналогичных жальникам у русского населения:

«Когда-то турки пришли откуда-то на нашу землю и стали бесчинства творить. <…> И решили тогда жители погибнуть и все с собой взять, ничего врагу не оставить. Вырыли они глубокую яму, врыли столбы в нее, на столбах помост устроили, землей его покрыли. Оделись во все самое лучшее – в одежду праздничную, женщины – кольца, серьги, украшения надели. Собрались все на этом месте и как только враги подошли, подрубили столбы и похоронили себя под землей. Место это “каамишт” называется».

Кроме того, южные вепсы таким же образом трактуют возникновение так называемых *neičiden kopad* («девичьих ям»)[3]. Для сравнения приведем еще одно упоминание, записанное С. Б. Егоровым у капшинских вепсов в д. Корвала (вепс. Korvoil, Бокситогорский район Ленинградской области) в 1994 году:

«…за Чубовым, по дороге к Чидову, находится Рятой пуст. Там раньше была деревня, теперь растут большие деревья. Говорили, что литва шла (другие говорили – турки). Кто-то сказал, что люди плохие идут, издеваются над людьми. Так все жители в яму пошли и себя засыпали». «У Корвалы была раньше деревня на берегу озера Рят-ярвь. Там сохранились каменные ступени. Сейчас они заросли. Называлось это место Рятой пуст. Здесь есть курган, в котором люди хоронили себя, подрубали подпорки настила, когда шла литва – плохие люди» [7: 184].

Примечательно обозначение одного из мест в бывшей д. Сяргозеро (вепс. Särgärv, совр. Тихвинский район Ленинградской области), связанного по преданиям с действиями так называемой литвы, – «чужак»:

«Когда проходил слух, что идет литва, население деревни копало ямы или траншеи, устанавливали столбы, собирались там и потом хоронили себя заживо, потому что это было видимо лучше, чем достаться врагу. Так это место “чужаком” и назвали»[4].

Для деревень Лахта (вепс. Laht) и Чайгино (вепс. Čaigl) также характерно наличие захоронений, связанных с интервентами, которых информант упоминает как «литву»:

«Говорили, литва шла. <…> Собиралась вся деревня, ставили столбы, сверху настил и камнями загружали этот настил. Вся деревня собиралась, и четыре мужика <…> убирали этот настил, и этот настил давил всех. Чтобы не терпеть побои да все это, издевательства. Бесчинств боялись. Там раньше были рябины и черемуха <…> вересы»[5].

В более позднее время автором данной статьи записаны свидетельства, демонстрирующие выступление вепсов не только в качестве страдающей, но и успешно обороняющейся от интервентов стороны, одно из которых зафиксировано в бывшей д. Пелкаска (вепс. Püudkask, совр. Вытегорский район Вологодской области):

«В 1600-е гг. там часовенка стояла. А поляки двигались разведывательным отрядом, человек восемьдесятсто, грабили вепсов на Павшозере, на Оште, насиловали, отбирали скот. И тут вепсы решили им дать отпор и встретили их между Шимозером и болотами на этой дороге, и разгромили их. Кое-кого в полон брали. Пелкаска тогда уже была. Их полонили, а раненых они тут захоронили – тут вот кладбище их, поляков. Это до 1700-го года. Поляки ухаживали за кладбищем и создали свою кирху, где теперь часовня. Увидели, что там есть источник незамерзающий, они придали значение, там сделали купальню. <…> После эта кирха сгорела от молнии, деревья высокие были, потом вепсы там часовню поставили. Она тоже сгорела, там иконы были с золотыми окладами, с серебряными, и сгорела – серебро ушло в землю» [1: 12–13].

Данное свидетельство интересно в сопоставлении с приведенным в исследовании Н. А. Криничной упоминанием о былом «месте жительства панов, у которых был даже свой погост, то есть церковь со всеми ее принадлежностями» [11: 125]. В этом же исследовании приводится описание так называемого панского захоронения, важным элементом которого обозначается сакрализуемая сосна, что соответствует и вепсским представлениям о так называемых почитаемых деревьях, в частности можжевельнике [3: 126]. Следовательно, дерево, роща с часовней или крест функционально тождественны при обозначении святости места, связанного с захоронением «панов» (градации в ту или другую сторону обусловлены превалированием языческих или христианских элементов в оформлении аналогичных по своей сущности объектов) [11: 120]. Священные рощи и отдельные почитаемые впоследствии деревья, зачастую находящиеся на возвышенностях, становились объектами, позволяющими локализовать древние захоронения [6: 26–29] (рис. 1).

Рис. 1. Жальник с хвойными деревьями на песчаном холме около бывшей деревни Пелкаска (Püudkask), современный Вытегорский район Вологодской области. Место, трактуемое информантами как захоронение польских интервентов. 1963 год. Фото из архива Н. Ф. Омшева

Figure 1. Fir trees on a sandy hill near the former Pelkaska village, Vytegra district of the Vologda region. This place is associated with the burial place of Polish invaders. 1963. Photo from the archive of N. F. Omshev

Примечательно, что и в свидетельствах информантов сопредельных территорий, населенных русскими, также присутствует мотив возмездия набежчикам, совершавшим бесчинства [15: 142–143].

Таким образом, восприятие информантами «панов» в конце XX – начале XXI века как выполнявших захватническую роль в данных местностях свидетельствует об упомянутой выше трансформации их образа. В то же время, как мы видим, отмечается сохранение преданий о возникновении сакральных, почитаемых объектов при непосредственном участии «панов». В данном случае также наблюдается проявление синкретичности их образа как создателей или непосредственных участников создания сакральных объектов, позднее почитавшихся вепсами:

«А в иордане стали по великим праздникам купаться. Обрамленный был, деревянный настил. Принимали крещение, обмывали детей, приезжали, больных везли и там мыли. Там источник – золотой ключ, глубина семь метров. Там брали воду, – говорят, хлеба хорошие были. И обмывали раны, обмывали людей и прочее, поклонялись этому месту. Называли “иордан”, и “польский иордан”. Там и существует до сих пор» [1: 12–13].

Сохранившиеся традиционные представления о ряде объектов, возникших в предшествовавшие века при непосредственном участии интервентов, нашли свое отражение и в более поздний, советский, период:

«Когда колхозы организовали и стали заготовлять корм для скота, выкопали яму для силосования. Стали копать – шарик катается, еще шарик катается, еще – стали разглядывать – черепа. <…> Дети ходили играть на песочек, тут песчаные места на этом бугре – было захоронение, видимо, вот от этих польских да литовских набегов – то ли ихние черепа, то ли местные. И силосовать не стали» [1: 12–13].

Зачастую в свидетельствах информантов упоминания о жальниках, возникших в результате действий набежчиков, связаны и с возможным захоронением в них украшений и драгоценностей:

«Вот тут жальник за домом, камней сколько много. Мы, когда начали здесь копать, – рыли ледник, все думали золото найти, – костей много <…> хаотично черепа лежали, на глубине метр восемьдесят где-то так лежат. Бабки говорили, когда здесь хоронились люди, все украшения все собрали – тут межа такая идет отсюда к речке, что бочку катили с золотом, и бочка лежит в речке. <…> Бабушки собрали черепа, да в лес захоронили. А тут камни есть, на этом месте»[6].

Для свидетельств информантов о подобных захоронениях зачастую действительно характерно упоминание «кладов», сокрытых драгоценностей, золота и т. п.

Особенности преданий о «панских кладах» зависят от того, какое значение приписывается образу «панов». Если «паны» мыслятся как аборигены края, то предания о положенных ими кладах сходны с преданиями о чуди. Общими являются и тенденции их сочетаемости с различными мотивами и сюжетами. Тесная взаимосвязь между образами панов, чуди и волшебных кладов может быть объяснена не столько взаимодействием преданий с мифологическими рассказами, сколько общей древнейшей мифоло-

гической основой всех этих образов [10: 293–294]. Современные информанты также локализуют места, связанные по преданиям с захоронением кладов, с жальниками (рис. 2).

Рис. 2. Житель д. Лахта (вепс. Laht) А. В. Петров указывает на место захоронения (жальник) рядом с его домом. 2 августа 2017 года. Фото автора

Figure 2. A resident of the Lakhta village A. V. Petrov localizes the burial place ("jalnic") near his house. August 2, 2017, photo by the author

Как можно выявить из проведенного обзора свидетельств информантов, следствием пребывания интервентов на исконных вепсских территориях явилось формирование определенного ряда объектов – курганов-захоронений, почитаемых деревьев, камней и источников. Следует проанализировать традиции такого почитания. Еще в конце XIX веке Г. И. Куликовский отмечает празднование так называемого Киселева дня в бывшей деревне Рокса (западная часть современного Вытегорского района Вологодской области), напрямую связанного с традицией «поминовения панов» в четверг на троицкой неделе: «…все домохозяйки приносят из дому по кринке молока и чашке киселя, ставят их на несколько времени под иконы и едят все это сообща, поминая панов». Данная традиция связывалась с надеждами на получение в последующем хорошего урожая[7]. Упомянутый пример демонстрирует включение традиции «поминовения панов» в православный календарь, в том числе в ходе постепенной трансформации языческих представлений в контекст православия. Архаичность преданий о «панах» и выявленное противопоставление «свои-чужие» / «бывшие-нынешние» в интерпретации этого образа каждым очередным поколением неизбежно накладывались на распространение православных традиций в вепсском ареале, все в большей степени формируя характер представлений о панах как связанный с язычеством. В то же время длительно сохранявшиеся у вепсов элементы языческих верований были в значительной степени связаны с традициями почитания предков, находившими свое отражение вплоть до конца XX века. Так, пожилые люди, которые не могли дойти до могил близких, поминали более отдаленных по времени предков на уже упомянутых *kāmišt* – местах древнего захоронения предков вепсов, расположенных около большинства поселений. В д. Тедрово до начала 1970-х годов Евдокия Дмитриева (Oušu-babka) ходила поминать предков на kāmišt в праздники, в Родительскую субботу[8].

Как отмечает И. Ю. Винокурова, *kāmišt* ассоциировались у информантов с местами, где были похоронены предки – покровители рода, но в то же время и с завоевателями (турками, литвой), которые когда-то заживо погребли местных жителей. Скорее всего, эти рассказы представляют собой отголоски известного здесь предания о родстве с чудью и ее «мученической смерти». В частности, традиции поминовения были связаны и с посещением древних кладбищ в определенные праздники, например в Егорьев день. Так, на кладбище в д. Лаврово (Сидорово, вепс. Sodjärv) к сохранившемуся до настоящего времени дереву можжевельника мужчины в качестве заветов клали ветки вербы. Можжевельник являлся почитаемым деревом у вепсов, игравшим важную роль в поминальном культе. В д. Прокушево в Егорьев день жители после обхода домов также шли к священному месту *kāmišt*, где росло несколько деревьев, среди которых были названы можжевельник, рябина, черемуха, и клали возле них вербы [2: 71–73], [4: 117]. Об этом свидетельствуют и информанты, опрошенные в д. Сидорово в более поздний период:

«За три километра, около Мялтозера, есть вроде кладбище, там плиты <…> там деревня была, там кузня, железки, мы пахали там, сеяли. В Лаврово вербочки носили, дерево огромное было, верес, можжевельник, когда дом обходят, на Егорьев день, так и сейчас тоже обходим дома»[9].

Впоследствии, как отмечается, вместо посещения можжевельника в указанный праздник ветки вербы носили к часовне или оставляли в домах. В настоящее время можжевельник также произрастает в местах, трактуемых вепсскими информантами как жальники (рис. 3).

Н. А. Криничная указывает, что предания о «панах» в основном состоят из тех же мотивов, что и предания о чуди. Это соответствие в известной мере предопределяет некоторое тождество центральных персонажей преданий – чуди и «панов», но отнюдь не исключает различия, обусловленного разными истоками тех и других образов [11: 117]. Упоминание о совместном погребении может свидетельствовать об отождест-

влении исторической памяти о «панах» с представлением о родстве с чудью.

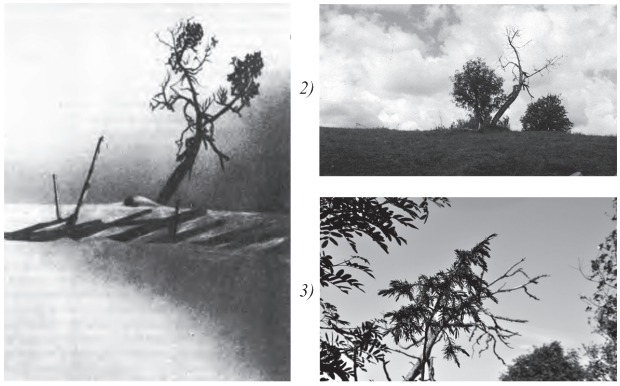


Рис. 3. Древнее захоронение *kāmišt* с деревом можжевельника в д. Сидорово (Sodjärv).
Фото 1985 года (1) и 2002 года (2) – И. Ю. Винокурова, (3) – новый можжевельник на фоне старого, 2019 год, фото автора

Figure 3. Ancient burial *"kāmišt"* with a juniper tree in the village Sidorovo (Sodjärv). Photo of 1985 (1) and 2002 (2) – I. Yu. Vinokurova, (3) – a new juniper near the old tree, 2019, photo by the author

Дуалистическое восприятие «панов» как умерших предков заложено уже в самой традиции: с одной стороны, им оказывают всевозможные почести, с другой – их боятся. В соответствии с древними верованиями мир умерших и мир живых всячески отделяются друг от друга, поскольку проникновение живых в мир мертвых так же опасно для последних, как и появление мертвых среди живых [11: 126]. Так, отождествляемые с миром умерших захоронения «панов» зачастую в свидетельствах информантов связываются со страхом:

«Этот разговор дядька рассказывал. У меня как раз дом в Нойдале-то стоит. Такая пригорка, и на этой пригорке все каменисто-каменисто. И вот этот дядька-то и рассказывает – ты тут живешь, так не боишься? Так тут когда литовцы были, войной шли, так людей, говорит, срубали головы, грудь срубали да детей на кол сажали – так люди говорит боялись, так на этой горке, памятник делали, они ямы выроют и с камнями на себя покрывают. Вот такое место. Он сказал, что у меня вот на той пригорке дом. От литовцев спрятавши, люди сами спрятались. Шабадья[10] – влево, там тоже были такие камни. В Чидово на дороге, в барак-то шли, там камни были. Это я от пожилых услышала»[11].

Детальная схема размещения захоронений (жальников) на территории современной Ленинградской области, в том числе в районах расселения вепсов, подготовлена Л. В. Корольковой[12]. Схематичное расположение захоронений, упомянутых в данной статье, возникновение которых напрямую связывается вепсскими информантами с действиями иноземных захватчиков, отражено на рис. 4.

Рис. 4. Схема расположения связываемых с интервентами захоронений на территориях расселения южных, капшинских и шимозерских вепсов. Подготовлено автором

Figure 4. The map with objects associated with the invaders in the territories of the southern and Shimozerian Vepsians. Prepared by the author

Таким образом, представляется, что изначальное противопоставление образов «панов» как интервентов и «панов» как древних предков, трансформируясь в историческом контексте, приобретает определенную тождественность с точки зрения последующего почитания. Представления об интервентах у южных и шимозерских вепсов во многом идентичны с представлениями соседствующего русского населения, различаясь лишь в частностях. С упоминаниями о столкновениях с интервентами связано возникновение целого ряда сакральных мест, наделенных особым значением и почитаемых. В большинстве случаев это так называемые жальники – древние кладбища, курганы, рощи, однако имело место также возникновение сакральных комплексов, включавших в себя часовни и источники [1]. Формы почитания в свою очередь могли быть связаны с оставлением так называемых заветов, поминовением предков в дни определенных религиозных праздников, использованием источников.

ВЫВОДЫ

Приведенные в статье свидетельства информантов об иноплеменных вторжениях позволяют оценить достаточно хорошую сохранность устойчивых моделей повествования: интервенты (литва, поляки) → вторжение с целью грабежа / насилия → возникновение кладбищ (где могли быть похоронены как собственно интервенты, так и участники сражений с ними / их жертвы, так и древние «предки») → сакрализация с последующим почитанием мест погребения.

Определенный интерес представляет мотив погребения (самопогребения) вепсов как стра-

дающей стороны в упомянутых свидетельствах, а также неоднозначная интерпретация исхода набегов, в которых собственно интервенты не всегда выступали в качестве победителей. Так, свидетельства современных информантов [1: 12–13] подтверждают сохраняющиеся в представлениях мотивы возмездия коренного населения интервентам, проанализированные еще в конце XIX века[13].

Последующее изучение преданий о контактах южных и шимозерских вепсов с интервентами осложнено постарением и уходом из жизни информантов, наследовавших эти предания. Тем не менее некоторые местные жители – как в сохранившихся деревнях, так и переселенные из упраздненных в другие населенные пункты – способны указать местонахождение некоторых объектов и изложить упомянутую, в основном идентичную модель повествования, что отражено в приведенных свидетельствах, собранных автором в 2017–2019 годах.

Традиции почитания сакральных объектов, связанных с присутствием интервентов в прошлом вепсского ареала, были постепенно утрачены к концу XX века. Известные в современности случаи единичны – так, в д. Сидорово Бокситогорского района на месте кладбища *kämišt* дачниками был посажен новый можжевельник рядом со старым деревом (см. рис. 2); в урочище Пелкаска рядом с бывшей деревней существует традиция посещения источника [1: 11]. В связи с исчезновением постоянного населения многих вепсских деревень дачники, являющиеся зачастую прямыми наследниками постоянных жителей, могут выполнять функцию сохранения исторической памяти в том числе и о таких объектах [5]. Кроме того, большинство современных сакральных объектов на территории расселения вепсов, прежде всего православных часовен, находится на местах существовавших прежде священных рощ, камней, кладбищ или вообще соседствует с ними, находясь в тесной исторической взаимосвязи. Возникновение последних зачастую могло быть связано с присутствием интервентов в историческом прошлом вепсского ареала. Последующее этнографическое и археологическое исследование подобных объектов и их прошлого может подтвердить такую взаимосвязь.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность Ирине Юрьевне Винокуровой за многолетнюю поддержку в научной работе, Владимиру Евгеньевичу Загарских за содействие в организации полевых исследований и сбор материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Балов А. В. Предания о «панах» в Ярославской, Новгородской и Вологодской губерниях // Северный край. 1901. 26 января. № 24. С. 4; 1901. 29 января (11 февраля). № 27. С. 3–4; Калинин И. Чудь и паны: происхождение и современное значение этих слов // Живая старина. 1913. № 1–2. С. 137–146; Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 44–60; Смирнов В. И. Клады, паны и разбойники (этнографические очерки Костромского края) // Труды КНОИМК. Кострома, 1921. Вып. XXVI. С. 27–29.

[2] Минорский П. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губернии // Олонецкие Губернские Ведомости. 1893. № 70, 71, 72, 75.

[3] Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 188–189.

[4] Полевые материалы автора, информант Горская (Архипова) Анна Тимофеевна (1925 г. р., д. Сяргозеро), 2017 год; Балов А. В. Предания о «панах» в Ярославской, Новгородской и Вологодской губерниях // Северный край. 1901. 26 января. № 24. С. 4; 1901. 29 января (11 февраля). № 27. С. 3–4.

[5] Полевые материалы автора, информант Петров Анатолий Васильевич (1948 г. р., д. Макоево (Лахта), д. Лахта, 2017 год; Калинин И. Чудь и паны: происхождение и современное значение этих слов // Живая старина. 1913. № 1–2. С. 137–146.

[6] Там же.

[7] Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края…

[8] Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов… С. 164.

[9] Полевые материалы автора, информант Краснов Алексей Степанович (1928 г. р., д. Мялтозеро, вепс. Määtjärv), д. Сидорово, 2019 год.

[10] Шабадья (вепс. Šabad`jä), западная часть бывш. д. Нойдола, соврем. Бокситогорский район Ленинградской области.

[11] Полевые материалы автора, информант Рогозина (Коновалова) Александра Михайловна (1933 г. р., д. Рябов Конец, вепс. Rebagi), дер. Мозолево, 2017 год.

[12] Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая. Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2017. С. 50–51.

[13] Минорский П. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губернии…

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкарев А. А. Иордань как сакральный объект в традиционной культуре (на примере шимозерских вепсов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 3 (156). С. 7–16.
2. Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1994. 124 с.
3. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
4. Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 205 с.
5. Винокурова И. Ю. Роль дачников в сохранении культурных традиций родной деревни // Русский Север: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию со дня рождения К. В. Чистова: Сб. науч. ст. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 300–311.
6. Зайцев Н. А. Духовное и историческое наследие Бокситогорского района. СПб.: Контраст, 2017. 680 с.
7. Егоров С. Б. Корвальские вепсы: формирование локальной группы, демографическое развитие, некоторые особенности хозяйства и культуры в XIX–XX вв. // Динамика этнической культуры народов России: Сб. статей. памяти проф. А. В. Гадло (Историческая этнография. Вып. 2) / Под ред. В. А. Козьмина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 179–193.
8. Киселев А. В. Русские предания и поверья о «панах» в XIX – нач. XX вв. (к вопросу об образе «чужого» в традиционной культуре) // Проблемы материальной и духовной культуры России и зарубежных стран: VII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов. Сыктывкар, 2001. С. 9–10.
9. Киселев А. В. «Паны» в устной традиции русского населения Ярославского Поволжья XIX–XX вв.: историко-этнографические основы и параллели // ИКРЗ. 2003. Ростов, 2004. С. 326–340.
10. Котельникова Н. Е. Устные предания о кладах и «Кладовые записи» // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. Ч. 1. С. 292–297.
11. Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о панах // Советская этнография. 1980. № 1. С. 117–127.
12. Криничная Н. А. Предания русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
13. Пименов В. В. Вепсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 284 с.
14. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 289 с.
15. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.

Поступила в редакцию 04.09.2019

Andrey A. Bashkarev, PhD in Political Science, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)
bashkarev@mail.ru

INVADERS IN THE LEGENDS OF THE SOUTHERN AND SHIMOZERIAN VEPSIANS

The article analyzes the information about foreign invaders in the legends of the southern and Shimozerian Vepsians. The research relevance is associated with the analysis of transformation of ideas about invaders in the Vepsian traditional culture, and determining the degree of preservation of the legends about them in the memory of modern informants. The research was conducted to investigate the Vepsians' perceptions of so-called "Polish pans", who were considered to be the first settlers of this land and the same time were presented as invaders. The analysis of previous studies and the materials obtained from modern informants was used to compare these perceptions and interpret the results. The main aim of the research was to analyze persistent motifs in the legends about invaders, commonly referred to as "Polish pans" and "Litva" (the Lithuanians), collected from modern informants. To this end, the results of the XX century investigations were compared with the results of the field expeditions to the Boksitogorsk and Vytegra districts undertaken between 2017 and 2019. The article also deals with the Vepsian tradition of worshiping sacred objects and places (such as ancient burials), connected in the legends with the invaders' activities, and evaluates the preservation of the historical memory of such objects in the testimonies of modern informants. The research resulted in the identification of the remaining narrative motifs about invaders among the modern population of the Vepsian area, as well as in the localization of sacred objects still associated with the invaders. The author also discovered individual cases of keeping traditions connected with visiting and worshiping such sacred objects.

Keywords: Vepsians, legends, folklore, invaders, Polish pans, ancient burials

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses his gratitude to Irina Yu. Vinokurova for her ongoing support in this research and to Vladimir E. Zagarskikh for his assistance with organizing the expeditions and collecting data from the informants.

Cite this article as: Bashkarev A. A. Invaders in the legends of the southern and Shimozerian Vepsians. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.453

REFERENCES

1. Bashkarev A. A. Jordan as a sacred water object of traditional culture (case study of Shimizerian Vepsians). *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2016. No 3 (156). P. 7–16. (In Russ.)
2. Vinokurova I. Yu. Vepsian calendar customs, rites and holidays (late XIX – early XX centuries). St. Petersburg, 1994. 124 p. (In Russ.)
3. Vinokurova I. Yu. Mythology of the Vepsians: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
4. Vinokurova I. Yu. Beliefs, rituals, and festivals in the traditional culture of the Vepsians. Petrozavodsk, 2011. 205 p. (In Russ.)
5. Vinokurova I. Yu. The role of summer residents in preserving the cultural traditions of their native village. *Russian North: Identities, memory, biographical text. Celebrating the 95th birthday anniversary of K. V. Chistov: Collection of articles.* St. Petersburg, 2017. P. 300–311. (In Russ.)
6. Zaytsev N. A. Spiritual and historical heritage of the Boksitogorsk district. St. Petersburg, 2017. 680 p. (In Russ.)
7. Egorov S. B. The Korvala Vepsians: formation of a local group, demographic development, some specific features of economy and culture in the XIX and the XX centuries. *Dynamics of ethnic culture of the peoples of Russia: Collection of articles in memory of Prof. A. V. Gadlo (Historical Ethnography. Vol. 2).* (V. A. Koz'min, Ed.). St. Petersburg, 2004. P. 179–193. (In Russ.)
8. Kiselev A. V. Russian legends and beliefs about "Polish pans" in the XIX and early XX centuries (the image of the "alien" in traditional culture). *Issues of material and spiritual culture of Russia and foreign countries. VII All-Russian Research Conference of Students and Postgraduates.* Syktyvkar, 2001. P. 9–10. (In Russ.)
9. Kiselev A. V. "Polish pans" in the oral folk traditions of the Russian population of the Yaroslavl Volga region in the XIX and the XX centuries: historical and ethnographic foundations and parallels. *History and culture of Rostov.* 2003. Rostov, 2004. P. 326–340. (In Russ.)
10. Kotel'nikova N. E. Oral legends about buried treasures and "Records about buried treasures". *Dergachev Readings – 2000. Russian literature: national development and regional features: Proceedings of the international research conference, Ekaterinburg, October 10–11, 2000.* Ekaterinburg, 2001. Part 1. P. 292–297. (In Russ.)
11. Krinichnaya N. A. Historical and ethnographic foundation of the legends about "Polish pans". *Soviet Ethnography.* 1980. No 1. P. 117–127. (In Russ.)
12. Krinichnaya N. A. Legends of the Russian North. St. Petersburg, 1991. 328 p. (In Russ.)
13. Pimenov V. V. The Vepsians. Essays on ethnic history and genesis of culture. Moscow, 1965. 284 p. (In Russ.)
14. Sokolova V. K. Russian historical tradition. Moscow, 1970. 289 p. (In Russ.)
15. Shtyrkov S. A. Legends about foreign invasion: peasant narrative and mythology of the landscape (using materials from the northeastern Novgorod region). St. Petersburg, 2012. 228 p. (In Russ.)

Received: 4 September, 2019

Т. 42. № 2. С. 105–111 **Этнография, этнология и антропология** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.454
УДК 39+2(470.21)

ОЛЕГ АЛИМХАНОВИЧ ЗАЙЦЕВ
аспирант
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
aleeck1@rambler.ru

«ДРЕВНЕЙШИЕ ВЕРОВАНИЯ» КОЛЬСКИХ СААМОВ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ В. В. ЧАРНОЛУСКОГО И Н. Н. ВОЛКОВА

В статье рассматривается проблема интерпретации этнографических фактов и влияющих на нее факторов. Исследование обусловлено актуальностью дискуссионных вопросов современной антропологии, связанных, во-первых, с языком описания того, что принято называть «религиозными верованиями», «религиозными представлениями», «религией», во-вторых, с методами полевой этнографии, изучающей данный предмет. Эти вопросы существовали и на этапе становления российско-советской этнографической науки. Цель исследования – выявление общего и специфического в описаниях и интерпретациях религиозных представлений кольских саамов учеными одного времени и одной социальной формации. Рассматриваются работы советских этнографов В. В. Чарнолуского и Н. Н. Волкова 1930-х годов. На этнографические исследования, помимо внешних историко-политических факторов, оказывали влияние социализация в рамках научной школы Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза и широта научных взглядов учителей, биографические траектории, обстоятельства полевых исследований, идеологический фактор и политические убеждения исследователей, уровень профессионализма, который позволял использовать возможности эволюционистской парадигмы. Впервые проводится сопоставление взглядов советских этнографов на религиозные представления кольских саамов. Сравнение работ двух исследователей приводит автора к выводу о том, что, находясь почти в одно время в одном и том же поле, обладая схожими сюжетами и материалами, ученые каждый по-своему интерпретируют одни и те же этнографические сюжеты и религиозные представления кольских саамов. Многофакторный подход и интерпретативный анализ текстов позволяют избавиться от стереотипных оценок трудов советских этнографов.

Ключевые слова: кольские саамы, советская этнография, верования, религия, эволюционизм, антропология религии

Для цитирования: Зайцев О. А. «Древнейшие верования» кольских саамов в работах советских этнографов В. В. Чарнолуского и Н. Н. Волкова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.454

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной статьи – выявить сходства и различия в описании и интерпретации религиозных представлений и практик кольских саамов в работах советских этнографов одного времени и одной социальной формации.

В современной антропологии религии актуальными являются вопросы, во-первых, понятийного аппарата или языка описания того, что принято называть «религиозными верованиями», «религиозными представлениями», «религией» и т. п., во-вторых, методов полевой этнографии, изучающей данный предмет. В частности, насыщенным было обсуждение термина «религия», связанных с ним понятий и исследовательских проблем на площадке «Антропологического форума» в 2017 году [5], [15], [16], [17], [18]. Решению методологических вопросов помогает пристальное рассмотрение трудов конкретных исследователей, которые изучали верования того или иного народа, пытаясь встроить их в какие-то научные системы или просто стараясь достичь понимания.

Проблемы описания «верований» кольских саамов связаны с тем, как интерпретируются этнографами процесс и результаты их христианизации. В этом отношении этнография саамов не представляется уникальной, а фокус исследования перемещается на самих исследователей и их научные позиции, которые обусловлены временем, местом, биографией, личностным фактором и целым рядом других социальных обстоятельств.

Мы попытались сопоставить научные пути и работы двух советских этнографов – исследователей саамской культуры – Владимира Влади-

© Зайцев О. А., 2020

мировича Чарнолуского (1894–1969) и Николая Николаевича Волкова (1904–1953).

НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

Научная парадигма, в рамках которой работали В. В. Чарнолуский и Н. Н. Волков, складывалась на рубеже XIX–XX веков и к 1920-м годам уже оформилась как специфическая школа этнографии. Ее главными основоположниками по праву считаются выдающиеся российско-советские этнографы – профессора Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) и Владимир Германович Богораз (1865–1936).

И В. В. Чарнолуский, и Н. Н. Волков обучались на этнографическом отделении Географического института (с 1925 года – географического факультета Ленинградского государственного университета), В. В. Чарнолуский с октября 1921 по декабрь 1925 года [10: 350], а Н. Н. Волков, находясь на службе в Балтийском флоте (1926–1930 годы), проходил обучение экстерном с 1928 по 1930 год [10: 353]. В это время на этнографическом отделении преподавали Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз, под руководством последнего с 1928 по 1934 год там же работал Николай Михайлович Маторин (1898–1936) [9: 185–221].

С. А. Токарев отмечал, что Л. Я. Штернберг был наиболее последовательным эволюционистом и «одним из видных организаторов советской этнографической науки». Он отстаивал идею единства человечества и человеческой психики у всех народов и «верил в неуклонный прогресс» [11: 426–427]. Позиция В. Г. Богораза характеризуется особым вниманием к языку изучаемой народности для более качественного понимания процессов, происходящих в данной культуре [8: 101]. Д. В. Арзютов отмечает, что Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз заложили новый вектор отечественной этнографии, созданная ими «концепция поля сплеталась из трех основных линий: происхождение народов <…> вклад в собственно развитие национальной политики и собирание музейных коллекций» [2: 244]. По мнению исследователя, на основании их полевых программ произошло становление новой парадигмы научного описания традиции и традиционного («старого») общества, строгая и однолинейная модель описания была зафиксирована в серии «Народы мира» и сохранялась на протяжении всего XX столетия. «Дискурс описания, созданный Штернбергом и Богоразом, из полевой программы превратился в парадигму и отличительный характер отечественной этнографической школы» [2: 245–246]. А. Б. Панченко полагает, что вклад Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза в этнологическую теорию «заключался не столько в новых положениях, сколько в переосмыслении идей европейской и американской этнологии», так как «они полностью усвоили идеи эволюционизма, что ослабило их собственные теоретические искания», а впоследствии испытали большое влияние школы Ф. Боаса и немецких школ антропогеографии и культурных кругов. На основе анализа трудов ряда отечественных этнографов-народников (Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона, Д. А. Клеменца и П. Л. Лаврова) А. Б. Панченко приходит к выводу о существовании преемственности между дореволюционной, советской и современной российской этнологией, в частности в отношении принципа культурного релятивизма или принципа объективизма при анализе элементов духовной культуры [7: 83]. В. Г. Богораз на рубеже веков во время эмиграции в США работал совместно с Ф. Боасом [7: 79].

В. В. Чарнолуский и Н. Н. Волков во многом опирались на труд Н. Н. Харузина «Русские лопари»[1]. Научная парадигма видного этнографа XIX века сочетала с теорией эволюционизма принцип триады Д. Н. Анучина (связь трех наук: археологии, физической антропологии и этнографии) и историзм В. Ф. Миллера, при которых сложилась российская школа эволюционизма [4: 75–315].

Н. Н. Волков начал исследовательскую работу под руководством этнографа и религиоведа профессора Н. М. Маторина [10: 342–368]. Сразу после окончания университета он поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР. В университете занимался исследованиями скопчества, опубликовал ряд работ[2], а в дальнейшем его диссертация «Скопчество как социально-экономическое и религиозное явление» получила высокую оценку Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова и других видных специалистов [10: 353]. После службы в органах НКВД (с 1931 по начало 1935 года) Н. Н. Волков изменил тему исследования, начал заниматься этнографией саамов СССР, работал над кандидатской диссертацией. Консультировал его Д. К. Зеленин, с 1925 года профессор кафедры этнографии ЛГУ [10: 342–368].

Немалое влияние на формирование взглядов исследователей оказала политическая идеология. В свое время В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг, под руководством которых входил в науку В. В. Чарнолуский, были активистами народнического движения. А Н. М. Маторин и Н. Н. Волков были последовательными сторонниками марксизма и членами ВКП(б). Их объединяло движение мысли в социалистическом ключе, что не могло не

отразиться на ракурсе исследований. Вопрос о влиянии политических идеологий на становление советской школы этнографии рассмотрен в статье С. С. Алымова и Д. В. Арзютова, предваряющей публикацию стенограммы совещания этнографов в 1929 году в Ленинграде [1].

ПОЛЕВАЯ РАБОТА

Полевая работа обоих этнографов на Кольском Севере пришлась на 1920-е и 1930-е годы. В первый период своей научной деятельности (1926–1938) В. В. Чарнолуский совершил ряд поездок на Кольский полуостров. С 26 декабря 1926 года по 11 мая 1927 года он был командирован туда в составе Лопарской экспедиции от Государственного русского географического общества (ГРГО), членом которого являлся. Экспедиция начала свою работу в Мурманске 11 января 1927 года после встречи ее членов: врача Ф. Г. Иванова-Дятлова и этнографа В. В. Чарнолуского, – с руководителем, профессором-антропологом Д. А. Золотаревым[3] [6], [12: 4–5]. Осенью 1927 года Чарнолуский совершает поездку в восточную часть Кольского полуострова, становится научным сотрудником Кольской экспедиции АН СССР. Осенью 1928 года состоялась его поездка к мотовским саамам (северо-западный район Мурманского округа Ленинградской области – от западного берега Кольского залива до Мустатунтури и Мотовского залива); с 28 августа 1930 года по 28 января 1931 года Чарнолуский по поручению ГРГО организовал экспедицию по изучению оленеводства на Кольский полуостров[4]. В 1933 году исследователь в качестве научного сотрудника Всесоюзного Арктического института (ВАИ) участвовал в экспедиции на Терский берег Кольского полуострова, а в январе 1935 года он попал под сокращение штата. С 1935 года Чарнолуский начал систематическую работу в области фольклора и истории саамов. В 1936 году он предпринял экспедицию на Кольский полуостров от фольклорной секции Союза писателей с целью записи фольклора саамов [6]. Позже (после ареста в 1938 году, лагерей, освобождения, работы не по специальности и выхода на пенсию) В. В. Чарнолуский совершил последнюю свою экспедицию к саамам в 1961 году. Таким образом, его активная полевая деятельность пришлась на 1920–1930-е годы.

Н. Н. Волков осуществил серию экспедиций в Мурманский округ Ленинградской области для изучения саамов в 1935–1936, 1940 годах. Вместе с тем в качестве сотрудника Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (с 1937 года – Институт этнографии АН СССР) он с 1935 до лета 1941 года занимался сбором материала, подготовкой и написанием статей в сборник «Народы СССР». В списке народов, которые исследовал Волков, второе место по степени «изучаемости» после саамов занимают вепсы, а далее – карелы, ижоры, водь, эстонцы, финны (савакоты и эвремейсы), коми (пермяки и зыряне), цыгане, венгры, крымские татары и русские. Последнюю экспедицию Волков совершил в 1946 году к вепсам[5].

В. В. Чарнолуский и Н. Н. Волков – полевые исследователи. Чарнолуский начал эту деятельность раньше, в составе одной из самых известных и результативных экспедиций к саамам, и завершил свою «полевую биографию» фактически уже в другую советскую эпоху. Однако в 1935–1936 годах, одинаково плодотворных для них в отношении полевых сборов, оба этнографа работали на Кольском полуострове в саамских погостах. К сожалению, на данный момент мы не располагаем достоверными сведениями о том, встречались ли они лично.

Были на пути полевой работы этнографов преграды, не зависящие от их воли: усиление политических репрессий к концу 1930-х годов (тогда был арестованы целый ряд исследователей, в том числе В. В. Чарнолуский) [6], Великая Отечественная война, прервавшая этнографические исследования на Кольском Севере (Н. Н. Волков ушел добровольцем на фронт) [10: 213–216].

ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛИГИИ И «ВЕРОВАНИЙ»

Сопоставляя позиции этнографов в отношении религии саамов, в первую очередь отметим, что оба исследователя придерживаются эволюционистской трактовки «первобытной религии» в виде известных составляющих: тотемизм, фетишизм, анимизм, шаманизм (магия). С точки зрения Л. Я. Штернберга, согласующейся с концепцией Э. Б. Тайлора, первичной формой религии был анимизм [11: 427]. В своих лекциях Штернберг утверждал:

> «Институт религии принадлежит к самым универсальным, самым распространенным институтам всех времен и всех народов земного шара. В настоящее время не найдено ни одного народа, на какой бы низкой культурной ступени он ни стоял, у которого не было бы какой бы то ни было религии, и наука не знает такой древности, когда религиозные представления отсутствовали бы совершенно. Правда, одно время утверждали, что и теперь есть народы, которые не знают никаких религиозных верований, но это утверждение основывалось либо на предвзятой мысли, либо на недоразумении»[6].

В религиозных представлениях кольских саамов В. В. Чарнолуский выделял три слоя: тотемизм, шаманизм, православное христиан-

ство. По его мнению, с одной стороны, кольские саамы, «несмотря на крайне тяжелые условия существования», сохранили сложившееся ранее мировоззрение, с другой стороны – «язычество постепенно вырождалось» [13: 14].

Первый слой – это «древнейшие верования лопарей», в основе которых «лежали тотемистические представления и культ гор и камней, деревьев и вод, растений и животных, в частности дикого северного оленя» [13: 14]. Объясняя культ оленя, Чарнолуский дает определение тотемизма – «древнейший вид религии, полагающий сверхъестественную связь, общее происхождение, кровную связь родовой группы с каким-нибудь видом животных. У лопарей это был дикий северный олень. Реже встречаются тотемы растений или каких-нибудь предметов» [13: 132].

Второй слой – это «возникший позднее шаманизм», который, по мнению этнографа, слился с первым слоем верований:

«Слава лопарских кебунов (шаманов) распространилась далеко за пределы обитания лопарей. Они были известны как повелители погоды, властители бурь, врачеватели больных, а особенно славились как хорошие предсказатели судьбы» [13: 14].

В статье, посвященной культу Мяндаша, которому он уделял исключительное внимание, В. В. Чарнолуский приводит целый ряд обозначений магических специалистов, к которым жители обращаются по тем или иным жизненным вопросам: «Нойда», «Кебуны», «Колдуны» и «Кайлес милаш» («мудрейшие старцы», общественные судьи). Ученый отмечает, что «понятия о них в литературе запутаны» и «все эти профессии в общественном быту лопарей уже не встречаются» [14: 303]. Заметим, что «запутанная» ситуация с наименованиями саамских ритуальных специалистов и связью конкретных наименований с комплексами представлений о них и их функциях и сейчас продолжает оставаться не вполне проясненной. Что же касается второго утверждения, то его можно интерпретировать по-разному: в контексте эволюционистских идей, в качестве результата полевых наблюдений или как дань официальной установке.

Третий слой религиозных представлений, по мнению этнографа, скорее всего, был поверхностным: «…церковные службы посещали только женщины, мужчины же, по-видимому, оставались верны культам дикого северного оленя и богини оленеводства, хозяйки трав – Разиайке». В то же время исследователь признает, что православие выполняло роли политического и экономического инструментов: «помогало в общении с русскими», способствовало разделу саамских земель между монастырями и установлению крепостного права [13: 14].

Несколько иная характеристика «древнейших верований» саамов представлена в работах Н. Н. Волкова, который не говорит о «слоях» в религиозных взглядах кольских саамов. Христианство, по его мнению, было воспринято саамами только внешне, в виде обрядовости, оно «не вытеснило их древнейших религиозных воззрений» и выступало «как одно из средств магического воздействия на природу»[7] [3: 72].

Волков отмечает «условность» термина «религия» по отношению к «древнейшим верованиям» саамов:

«Употребляя выражение “религия”, следует иметь в виду условный характер этого термина по отношению к древнейшим верованиям саамов. По сохранившимся пережиткам трудно предположить, что эти верования когда-либо принимали устойчивые религиозные формы»[8].

Как видно, исследователь ставит под вопрос универсальность «древнейших верований саамов» по отношению ко всему народу, но не указывает, имели ли место территориальные вариации этих верований.

Н. Н. Волков использует обобщающее понятие «идеология», применяя его как синоним «общественного сознания» и вкладывая в содержание элементы «верования», «право», «мораль», «искусство» и другие:

«Внедрение колонизаторов, нарушая процессы имманентного развития саамского племени, вместе с тем нарушало формирование искаженных понятий о процессах действительного развития. Верования, право, мораль, искусство и другие проявления общественного сознания, называемые идеологией, находились у саамов в период соприкосновения с христианством, в зародышевом состоянии и не успели развиться в самостоятельные области идеологии»[9].

К сожалению, этнограф не конкретизирует, какие условия, по его мнению, должны были способствовать самостоятельному развитию идеологии у саамов, кроме указания на христианизацию как фактор, воспрепятствовавший этому развитию.

Н. Н. Волков определяет три признака «самобытной религии саамов»: магия (деятельность нойдов), фетишизм (культ сейдов и других значимых для саамов объектов), анимизм. Эти элементы, по его мнению, «являются основными для любой религии» и в данном случае выделяются по причине их архаичности и «первобытной простоты», так как они «не усложнены мифологией» и «не прикрыты философией»[10]. Он приходит к следующему выводу о «пережитках древнейших верований саамов»: «…мы должны отнести их

верования к разряду религий шаманских, характерных для большинства народов Севера»[11].

В качестве примера приведем описание и интерпретацию этнографами культа сейдов в системе «древнейших верований» кольских саамов. Общим в описании культа сейдов В. В. Чарнолуским и Н. Н. Волковым являются почтительное отношение к сейду и соблюдение ряда правил поведения: тишина у священного места, запрет смеяться, ругаться или просто громко разговаривать, предписания избегать селиться возле сейдов, ходить большими группами возле них. Для удачи на промыслах (рыбалка, охота) необходимо регулярное приношение дарений сейду. Раньше это были лучшие куски рыбы или оленья кровь, рога оленей, а в дальнейшем все, что люди считали ценным: монеты, цветные лоскутки суконной ткани и т. п. В случае нарушения правил может последовать наказание в виде неудач на промыслах, болезней (в том числе безумия) или даже смерти (в случае тяжких проступков)[12] [12: 63–104].

Интерпретации самого предмета культа у этнографов варьируют при общем эволюционистском подходе. По В. В. Чарнолускому, сейды – это духи предков, обитающие в камнях. Как правило, культ сейдов непосредственно связан с культом предков [13: 133]. Духи требуют к себе почтительного отношения, иначе сейд-дух может покинуть свое вместилище (из-за шума) или умереть (если его не «кормить», так как они ведут жизнь, подобную людям) [13: 35]. По Н. Н. Волкову, сейды – это родовые фетиши, позже трансформировавшиеся в семейные фетиши – камни, которым поклонялись. Связан этот культ в основном с рыбным промыслом, а также с охотой[13]. Оба связывают природу сейдов с семейно-родовым культом, но при этом Чарнолусский предлагает «анимистическое» объяснение, а Волков – «фетишистское» и «производственное».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Множество социально-культурных факторов в той или иной степени могли повлиять на способы описания и интерпретации религиозных представлений и практик, в нашем случае кольских саамов, в работах этнографов одного времени и одной социальной формации. Были обстоятельства непреодолимой силы: место, эпоха, политический режим, исторические события, – которые сказались на жизненных траекториях и научных биографиях этнографов. Первостепенное значение имела научная социализация: преемственность утвердившихся в российской этнографии концепций и широта научных взглядов учителей. Важным фактором сходства и различия позиций исследователей был идеологический, связанный, в частности, с «социальным происхождением». Он сказывался не только на выборе предмета исследования, но и на характере суждений (в допустимых пределах). Н. Н. Волков, выходец из беднейшего крестьянства, получил воспитание в рамках марксистской идеологии и был ее приверженцем, он отличался критичностью и прямотой высказываний, склонностью к «социально-экономическим» обоснованиям явлений духовной культуры. В. В. Чарнолуский, происходивший из «интеллигентной дворянской семьи» [6: 128], избегавший острых углов политики, был осторожен, отдавал предпочтение фольклорно-мифологическому материалу и интерпретациям в духе анимистической теории. Его этнографические описания отличаются от строгих научных текстов Волкова своей литературностью. При этом Чарнолуский, как и Волков, следовал «общесоциалистической» проблематике и использовал советскую объяснительную модель этнографических фактов.

Оба исследователя, прежде всего, профессионалы, поэтому у каждого из них есть собственный взгляд на информацию. Унаследованный от учителей эволюционизм они применяют поразному, сама теория это позволяет. Находясь почти в одно время в одном и том же поле, обладая схожими сюжетами и материалами, ученые каждый по-своему интерпретируют одни и те же этнографические сюжеты и религиозные представления кольских саамов. Многофакторный подход позволяет избавиться от стереотипных оценок трудов советских этнографов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М.: Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсонъ, 1890. 472 с.

[2] Волков Н. Н. Секта скопцов / Под ред. Н. М. Маторина. Л.: Прибой, 1931. С. 4–5, 7; Волков Н. Н. Скопчество и стерилизация (исторический очерк) / Отв. ред. И. И. Мещанинов. Л.: АН СССР, 1936. 136 с.

[3] Золотарев Д. А. Лопарская экспедиция (11/I – 11/V 1927 года). Л.: ГРГО, 1927. С. 4, 38.

[4] Мурманский областной краеведческий музей (МОМ). Научно-вспомогательный фонд (НВ) 3570/28. Письменные источники «Документы» (ПИД).

[5] Личное дело и биография Н. Н. Волкова. Машинопись. Научный архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (НА МАЭ РАН). Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–6; Жуковская И. В. Приложение к описи, опись и биографическая справка о Н. Н. Волкове. 1985. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1.

[6] Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Под ред. Я. П. Алькора. Л.: Изд-во Инст. нар. Севера, 1936. С. 241.

[7] Волков Н. Н. Саамы СССР (лопари): Дис. … канд. ист. наук. Л., 1946 // НА МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 1. Д. 1. Л. 351.

[8] НА МАЭ РАН. Ф. К1. Оп. 1. Д. 1. Л. 352.

[9] Там же. Л. 352–353.

[10] Там же. Л. 353.

[11] Там же. Л. 381.

[12] Там же. Л. 357–361.

[13] Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.
2. Арзютов Д. В. Полевые программы Штернберга и Богораза: от концепции поля к категоризации этничности // Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения / Под ред. Е. А. Резвана. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 240–247.
3. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Под ред. Ч. М. Таксами, Л.-Н. Ласку. СПб.; Каутокейно, 1996. 109 с.
4. Керимова М. М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М.: Восточная литература, 2011. 759 с.
5. Кормина Ж. В., Панченко А. А., Штырков С. А. Социальные исследования религии: теория, методы и опыт // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 129–166.
6. Лукьянченко Т. В. В. В. Чарнолуский – певец Земли Саамской // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 128–146.
7. Панченко А. Б. Вклад народников в этнологическую теорию // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (24). С. 78–84.
8. Панченко А. Б. Народники как историки отечественного народоведения: В. Г. Богораз и Д. А. Клеменц // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (19). С. 98–102.
9. Решетов А. М. Репрессированная этнография. Люди и судьбы (Часть 1) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1994. Вып. 4. С. 213–216, 221.
10. Решетов А. М. Репрессированная этнография. Люди и судьбы (Часть 2) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1994. Вып. 5–6. С. 353–355, 367.
11. Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период) / Под ред. Е. П. Прохорова. М.: Наука, 1966. 456 с.
12. Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа / Отв. ред. и авт. послесл. и коммент. Т. В. Лукьянченко и Ю. Б. Симченко. М.: Мысль, 1972. 272 с.
13. Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1965. 140 с.
14. Чарнолуский В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. Вып. 11. Таллин: Ээсти Раамат, 1966. С. 301–315.
15. Форум: Антропология религии (1) // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 11–124.
16. Форум: Антропология религии (2) // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 11–128.
17. Forum 34–35: Religion, anthropology, and the “anthropology of religion” // Forum for Anthropology and Culture. 2017. № 13. P. 11–137.
18. Kormina J., Panchenko A., Shtyrkov S. Anthropological approaches to the study of religion: Theories, methods and field experiences // Forum for Anthropology and Culture. 2017. № 13. P. 138–160.

Поступила в редакцию 26.12.2019

Oleg A. Zaytsev, Postgraduate Student, Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
aleeck1@rambler.ru

“ANCIENT BELIEFS” OF THE KOLA SAMI IN THE WORKS OF SOVIET ETHNOGRAPHERS V. V. CHARNOLUSKIY AND N. N. VOLKOV

The paper deals with the problem of interpreting ethnographic facts and factors influencing such interpretation. The study is necessary due to the relevance of the debated issues of modern anthropology related, firstly, to the language

of the description of what is commonly called "religious beliefs", "religious notions", and "religion" and, secondly, to the methods of field ethnography that studies this subject. These questions had already existed at the stage of the Russian and Soviet ethnography formation. The aim of the study was to identify common and specific features in the descriptions and interpretations of the religious ideas of the Kola Sami in the texts of researchers who lived during the same time period and belonged to the same social group. The works of Soviet ethnographers V. V. Charnoluskiy and N. N. Volkov written during the 1930s were studied. Ethnographic research was influenced not only by external historical and political factors but also by socialization within L. Ya. Sternberg and V. G. Bogoraz's school of thought, as well as the diversity of views and academic open-mindedness of the leading scholars, biographical trajectories, circumstances of field research, the ideological factor, political convictions of researchers, and the level of professionalism, which enabled to use the possibilities of the evolutionary paradigm. The article for the first times compares the Soviet ethnographers' views on the religious ideas of the Kola Sami. The comparison of the works of two researchers leads to the conclusion that they interpreted the same ethnographic subjects and religious representations of the Kola Sami in their own way, despite working in the same field with similar subjects, plots, and materials. A multi-factor approach and the interpretative analysis of texts enable us to overcome the stereotypical assessments of the Soviet ethnographers' works.

Keywords: Kola Sami, Soviet ethnography, beliefs, religion, evolutionism, anthropology of religion

Cite this article as: Zaytsev O. A. "Ancient beliefs" of the Kola Sami in the works of Soviet ethnographers V. V. Charnoluskiy and N. N. Volkov. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2020. Vol. 42. No 2. P. 105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.454

REFERENCES

1. Alymov S. S., Arzyutov D. V. Marxist ethnography in seven days: a meeting of ethnographers in Moscow and Leningrad and discussions in Soviet social sciences in the 1920s and 1930s. *From classics to Marxism: meeting of ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929).* St. Petersburg, 2014. P. 21–90. (In Russ.)
2. Arzyutov D. V. Sternberg and Bogoraz field programs: from the concept of the field to the categorization of ethnicity. *Lev Sternberg – a citizen, a scientist, a teacher. Celebrating his 150th birthday anniversary.* St. Petersburg, 2012. P. 240–247. (In Russ.)
3. Volkov N. N. The Russian Sami. Historical and ethnographic essays. St. Petersburg, Kautokeino, 1996. 109 p. (In Russ.)
4. Kerimova M. M. Life devoted to science: the Kharuzin family of ethnographers. Moscow, 2011. 759 p. (In Russ.)
5. Kormina Zh. V., Panchenko A. A., Shtyrkov S. A. Social studies of religion: theory, methods and experience. *Anthropological Forum*. 2017. No 35. P. 129–166. (In Russ.)
6. Lukyanchenko T. V. V. V. Charnolusky – a singer of the Sami land. *Repressed ethnographers*. Vol. 2. Moscow, 2003. P. 128–146. (In Russ.)
7. Panchenko A. B. Contribution of the Narodniks to ethnological theory. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2013. No 3 (24). P. 78–84. (In Russ.)
8. Panchenko A. B. The Narodniks as historians of Russian ethnic studies: V. G. Bogoraz and D. A. Klements. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2012. No 4 (19). P. 98–102. (In Russ.)
9. Reshetov A. M. Repressed ethnography. People and fates (Part 1). *The Kunstkamera. Ethnographic papers*. St. Petersburg, 1994. Vol. 4. P. 213–216, 221. (In Russ.)
10. Reshetov A. M. Repressed ethnography. People and fates (Part 2). *The Kunstkamera. Ethnographic papers.* St. Petersburg, 1994. Vol. 5– 6. P. 353– 355, 367. (In Russ.)
11. Tokarev S. A. History of Russian ethnography (period before the October Revolution). Moscow, 1966. 456 p. (In Russ.)
12. Charnoluskiy V. V. At the edge of a flying stone. Ethnographer's notes. (T. B. Lukyanchenko, Yu. B. Simchenko, Eds.). Moscow, 1972. 272 p. (In Russ.)
13. Charnoluskiy V. V. The legend of the deer-man. Moscow, 1965. 140 p. (In Russ.)
14. Charnoluskiy V. V. The cult of Mandash. *Scandinavian Collection*. Vol. 11. Tallin, 1966. P. 301–315. (In Russ.)
15. Forum: Anthropology of religion (1). *Anthropological Forum*. 2017. No 34. P. 11–124. (In Russ.)
16. Forum: Anthropology of religion (2). *Anthropological Forum*. 2017. No 35. P. 11–128. (In Russ.)
17. Forum 34–35: Religion, anthropology, and the "anthropology of religion". *Forum for Anthropology and Culture*. 2017. No 13. P. 11–137.
18. Kormina J., Panchenko A., Shtyrkov S. Anthropological approaches to the study of religion: Theories, methods and field experiences. *Forum for Anthropology and Culture*. 2017. No 13. P. 138–160.

Received: 26 December 2019

Т. 42. № 2. С. 112–120 **Этнография, этнология и антропология** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.455
УДК 391/395

ГАЛИНА ВИКТОРОВНА РЫВКИНА
аспирант сектора этнологии Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
giv@illh.ru

«СЛОВАРЬ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КАРЕЛОВ-ЛИВВИКОВ*

Обращение этнологов к лингвистическим источникам как хранителям сведений об ушедшей эпохе объясняется отсутствием желаемого количества информантов, являющихся представителями традиционной культуры. В результате анализа материалов словаря карельского языка Г. Н. Макарова были выявлены этнографические сведения, относящиеся к культуре передвижения карелов. Более подробно в статье представлены сведения, касающиеся названий путей сообщения, средств передвижения, наименований дорожного человека (путника) и некоторых аспектов дорожного поведения. Разнообразие наименований путей сообщения свидетельствует о том, что дорожные передвижения были частым явлением у карелов, в особенности в зимний период, на что указывает пласт лексики, описывающий состояние дороги зимой. По обнаруженной терминологии прослеживается сосуществование карельской и русской дорожных культур: наблюдается сохранение названий прибалтийско-финского происхождения в области, связанной с передвижением по воде и по снегу, и замена карельских терминов русскими в сфере передвижений по сухопутным дорогам. Информация, полученная из иллюстративного материала, повествует о правилах поведения человека в дороге (к примеру, нормой считалось пение песен), критериях выбора места ночлега, представлениях карелов о нечистой силе, встречающейся в пути, и особенностях дорожного этикета. Таким образом, анализ материалов словаря карельского языка еще раз подчеркнул информативность лингвистического источника для этнологической науки.

Ключевые слова: карелы, культура передвижения, пути сообщения, транспорт, поведение в дороге, обряды, мифология

Для цитирования: Рывкина Г. В. «Словарь карельского языка» как источник по изучению традиционной культуры передвижения карелов-ливвиков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 112–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.455

ВВЕДЕНИЕ

В этнологии внимание к лингвистическим источникам, в частности словарям, долгое время уделялось не в полной мере, так как их компенсировали полевые этнографические исследования. В настоящее время при изучении отдельных, практически исчезнувших сфер традиционной культуры достаточно сложно встретить ее подлинных знатоков, что актуализирует обращение исследователей к лингвистическим источникам как хранителям сведений об ушедшей эпохе. Методические рекомендации по анализу лексики этнологи стали черпать из этнолингвистики – раздела языкознания, который изучает язык в аспекте его соотношения с культурой этноса, выделением в ней специфических особенностей [27: 27]. Ведущую роль в этом процессе сыграла этнолингвистическая школа Н. И. Толстого, показавшая эвристические возможности лингвистики для реконструкции древней духовной культуры славян [28].

В карельском языке ученые выделяют три основных наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское, каждое из которых присуще аналогичной по названию этнической группе. В XIX – первой трети XX века традиционная территория расселения южных групп карелов (ливвиков и людиков) имела более развитую дорожную сеть по сравнению с территорией расселения северных карелов, что способствовало установлению различного рода межэтнических контактов с соседними народами: русскими, вепсами и финнами. Данный фактор открывает перспективу для исследования взаимовлияний разных этнических традиций на примере культуры передвижения. Среди словарей карельского языка ливвиковского и людиковского наречий особый интерес для исследования представляют словарь людиковского диалекта «Lyydiläismurteiden sanakirja»[1] и большой шеститомный словарь карельского языка «Karjalan kielen sanakirja», материалы к которым собирались финляндски-

© Рывкина Г. В., 2020

ми учеными в XX веке. Изучение этих словарей является следующим этапом исследования культуры передвижения карелов. Источником для данной статьи послужил «Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)», изданный в 1990 году[3]. Составитель словаря Г. Н. Макаров сам был карелом-ливвиком, представителем коткозерского говора, на основе которого и создан указанный труд. Сбором материала автор занимался в течение десяти лет – с 1961 по 1971 год, ежегодно выезжая в экспедиции для пополнения лексической базы будущего словаря [3: 7–8], в результате чего в словарь вошло около 20 тысяч слов. Помимо лексики, в словаре приводятся диалектные примеры, включающие в себя образцы народной речи, фразеологизмы и данные фольклора. Целью нашей статьи является анализ материалов «Словаря карельского языка (ливвиковский диалект)» как источника по изучению традиционной культуры передвижения карелов-ливвиков.

Под традиционной культурой передвижения понимается комплекс составляющих образа жизни этноса, связанных с путешествием: пути сообщения, средства, способы и мотивы передвижения, поведение в дороге и т. д. Культура передвижения, еще ее называют дорожная культура (культура дороги) или культура путешествия, – достаточно новое, успешно развивающееся направление исследований в российской этнологии и антропологии. Основоположницей комплексного исследования в данной области является Т. Б. Щепанская, представившая «культуру дороги» как целостную систему материальных, духовных и соционормативных элементов [29].

Комплексных исследований культуры передвижения на региональном материале Карелии не проводилось, изучались лишь отдельные ее стороны. Одним из научных интересов Р. Ф. Тароевой был традиционный транспорт всех групп карелов [26]; Кайя Хейккинен исследовала сухопутные и водные средства передвижения салминских карелов [30]; И. Маннинен рассмотрел бытовавший водный транспорт Беломорской Карелии[4]; детальным изучением водного транспорта карелов, в частности, лодкостроения занимается Ю. М. Наумов [22], [23]. Особо следует выделить «Атлас финской народной культуры» – результат коллективного труда авторов Финляндии, включающий информацию о существовавших на территории Олонецкой Карелии средствах передвижения. Атлас иллюстрирует ареалы бытования определенных видов транспорта [33]. Процесс появления сухопутных дорог и становления дорожной инфраструктуры Карелии рассматривается в научно-популярном коллективном труде «Дороги Карелии с древнейших времен до наших дней» [6], коллективных монографиях «История Карелии: С древнейших времен до наших дней» [13] и «История экономики Карелии» [14]. Данные сюжеты затрагиваются в исследованиях Е. Ю. Дубровской [7], А. Ю. Жукова [9], [10], [11] и К. К. Логинова [21]. Вопрос экономического влияния дорог на жизнь местного населения Карелии (отходнические промыслы) рассматривался Н. А. Кораблевым [18], Д. В. Базегским [1], [2], И. С. Нестеровой [24], А. С. Жербиным [8]. Финляндские ученые Е. Пихкала [32] и М. Кеунас [31] также уделяли внимание вопросу экономических взаимоотношений карелов и финнов на примере коробейничества. Следует отметить, что в рамках перечисленных историко-этнологических исследований диалектные словари в качестве информативного источника не привлекались. В данной статье будут проанализированы сведения по культуре передвижения карелов, выявленные в словаре и освещающие вопросы о наименовании путей сообщения, атрибутики дорожного человека (путника) и некоторые аспекты дорожного поведения.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Понятие «дорога» в словаре представлено основными терминами карельского языка – *tie*[5], *matku*, *taival* / *taibaleh* и *dorogu* (380, 202, 374, 373, 43). Аналоги первых понятий встречаются в финском, вепсском и саамском языках [25: 275, 276], в то время как последнее является заимствованием из русского языка, однако смысловая нагрузка для всех трех терминов едина – под дорогой понимается материальный объект местности, путь сообщения, преодолеваемое расстояние. Использование нескольких синонимов объясняется тем, что дорожная сеть Южной Карелии в большей степени была представлена сухопутными путями сообщения, в отличие от севернокарельских территорий, где обилие озерно-речных систем располагало к частому передвижению по воде.

Карелы-ливвики разграничивали сухопутные пути сообщения по способу передвижения по ним. Выделялись проезжие (тележные) дороги, которые нашли отражение в таких названиях, как *d'uamu*, *juamu и t'el'egüdorogu* (43, 105, 378), и пешеходные дороги, выраженные наименованиями *jalgudorogu* (99), *troppu*, *n'okoh* ‘тропа’ (386, 230) и *kualatus* ‘брод, место перехода’ (158). *Juamu (d'uamu)* – почтовая дорога, наименование которой произошло от термина «ям», бытующего в русском языке и означающего «почтовая станция»[6]. Термин *t'el'egüdorogu* является карельской адаптацией русского названия тележной

дороги (378). В терминологии, относящейся к дороге, прослеживается влияние русской культуры: вытеснение ряда понятий синонимичными русскими может быть объяснено постоянными контактами карельского и русского населения в результате административных, промысловых, торговых и других взаимодействий. Однако в топонимах фиксируются ранее бытовавшие карельские дорожные понятия, исчезнувшие из языка[7].

В словаре встречаются названия, характеризующие дороги по месту расположения: *bokkudorogu* ‘обходная (окольная) дорога’ (27), *kangastroppu* ‘тропа, проходящая по бору’ (123), *meččüdorogu* ‘лесная дорога’ (203), что еще раз подчеркивает разветвленность дорожной сети в Южной Карелии.

В зависимости от времени года карелы разграничивали зимние (санные) – *talvidorogu*, *talvikeli* (375) и летние – *kezädorogu* (136) дороги. Подобное разграничение дорог встречается у русских, вепсов, саамов, финнов, что объясняется сходными природно-климатическими условиями региона. Лесные болота, реки и озера, являвшие собой преграду для передвижения на сухопутном транспорте летом, зимой становились удобной трассой для транспортировки бревен, дров и сена с мест заготовки более быстрым и коротким путем для поездок к родственникам, в церкви и на ярмарки.

Особое внимание следует обратить на характеристику состояний дороги. В карельском языке существует специальный термин *keli* ‘состояние дороги, зависящее от погодных условий’ (132), например: *jiäkeli* ‘ледяной путь’ (102); *regikeli* ‘санный путь’ (302); *talvikeli* ‘зимний путь’ (375); *kelirikko* ‘распутица, бездорожье’ (132); *hangikeli* ‘путь по насту’ (58). Понятие *keli* встречается в финском языке и имеет аналогичное значение (341). Состояние дороги отражается и другими терминами: *uhkudorogu* ‘дорога с водой и со снегом’ (402); *umbidorogu* ‘занесенная (заваленная) снегом дорога’ (404); *ajamatoidorogu* ‘непроезжая дорога’ (18); *kolakkodorogu* ‘тряская дорога’ (150), *peskudorogu* ‘песчаная дорога’ (262); *mügürikäsdorogu* ‘ухабистая дорога’ (217). Представленные выше наименования состояния дороги разнообразны и отражают препятствия, с которыми сталкивались путники. Невозможно не заметить превалирующее число описаний дороги в зимний период, что указывает на активность сухопутных передвижений карелов именно в это время года.

Неотъемлемой частью сухопутных дорог являются мосты. Исходя из выявленной лексики словаря, ливвики выделяли два вида мостов: проезжие, которые носили соответствующее название *ajosildu* ‘проезжий мост’ (18), и пешеходные, обозначаемые наименованием *jalgusildu* ‘пешеходный мост’ (100). К последнему виду относятся отраженные в терминологии разновидности: *jalgupuw* ‘примитивный мосток из жерди (тонкого дерева), перекинутой через ручей’ (100); *vezisildu* ‘плавучий мост’, то есть мост, лежащий на поверхности воды (426). Функцию моста в труднопроходимых болотистых местностях выполняли гати – уложенные в ряд бревна или жерди, выраженные терминами *tela*, *teladorogu* ‘мостки, настил из досок или жердей для перехода через реку, болото и пр.’; *telasildu* ‘гать’ (378).

Обнаруженная лексика словаря дает информацию о материалах, используемых для строительства мостов: в основном при сооружении моста использовали дерево, что подтверждается такими терминами, как *jalgupuw* – мосток, где *puw* – дерево, и термином *puwhiine sildu*, означающим ‘деревянный мост’ (335). Но встречается в словаре упоминание и других материалов, например камня: термин *kivisildu* означает ‘каменный мост’ (145). В топонимах Карелии также отразилась существовавшая практика использования камня в качестве строительного материала, так, наименование моста *Kivisilde* было записано топонимистами в д. Виданы [12: 147]. Как отмечает Е. В. Захарова, фиксирование в названиях географических объектов существования каменных мостов объясняется тем, что дерево служило общераспространенным материалом, а использование камня является отличительным признаком [12: 151]. Таким образом, несмотря на обилие камня в Карельском крае, широкой традиции строительства каменных мостов среди карелов не было. Видимо, их сооружение считалось экономически невыгодным и трудоемким делом, и карелы предпочитали другой распространенный материал – дерево. Более широкое применение камня в строительстве мостов наблюдается, например, у народов Кавказа [15: 275].

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Среди наименований средств передвижения карелов легко выделяются группы водного и сухопутного транспорта. Так, названия водного транспорта представлены терминами, относящимися по происхождению к прибалтийско-финской лексике: *hongoi* ‘челн, лодка, долбленная из цельного дерева’ (72); *kuwt't'i* s ‘лодка-долбленка’ (169); *veneh* ‘лодка’ (423); *lawttu* ‘плот’ (180). Это свидетельствует об использовании водных средств передвижения еще до появления на территории расселения карелов русского населения.

Интересно, что у карелов существовало два термина, обозначающих лодку-долбленку: *hongoi* называли однодревку, материалом для которой служило бревно сосны, о чем свидетельствует и название (*hongu* ‘сосна’) [34: 172], долбленку из другого дерева, преимущественно из осины [26: 66], именовали *kuwt't'i*.

Сухопутный транспорт подразделяется на две категории в зависимости от вида движения и представлен скользящим и колесным транспортом. Обратимся к терминологии скользящих средств передвижения: *regi* ‘сани, дровни’ (302); *korju* ‘возок, легкие ездовые санки’ (153); *koivuine korju* ‘березовые легкие санки’ (150); *n'uhoiregi* ‘подсанки’ (233); *regüččäine* ‘небольшие сани’ (302); *rozvali* ‘розвальни’ (313); *kreslat* ‘розвальни’ (156); *volokku* ‘волокуша’ (440); *sukset* ‘лыжи’ (348). Данные названия в большей степени относятся к основному словарному фонду прибалтийско-финской лексики, что подтверждает тезис о раннем использовании карелами скользящего транспорта. Р. Ф. Тароева в своих исследованиях также указывает на давность бытования саней среди карелов, приводя в пример архаичный обычай возить покойника на кладбище на санях независимо от времени года [26: 73].

Известно об использовании карелами для перевозки грузов летом саней, которые от зимних дровней отличались отсутствием железных шин на полозьях, а также более сглаженным загибом полозьев и более округлой их формой [21: 68]. В словаре мы находим название этих саней *kezäregi*, что буквально переводится как летние сани (дровни) (136).

По мнению ряда исследователей, колесный транспорт карелами был заимствован у русских [16: 135], [17: 259], [26: 77]. Данный тезис подтверждается терминологией, перенятой карелами вместе с транспортом: *d'el'egü*, *jel'egü* ‘телега’ (41, 101); *odnokolku* ‘одноколка’ (240); *tarataikku* ‘таратайка’ (376). Заимствования свидетельствуют о тесных административных и экономических контактах с русским населением и являются доказательством более позднего появления колесных средств передвижения у карелов.

В конце XIX века олонецкие карелы изготавливали лучшие фасоны экипажей в губернии. Секретарь Олонецкого губернского статистического комитета И. И. Благовещенский придерживался мнения, что учителями карельских мастеров в этом ремесле были финны[8]. Косвенным тому подтверждением может служить название кабриолета на карельском языке – *käri* (173), созвучное аналогичному названию на финском – *kärri*[9].

Среди иллюстративного материала, сопровождающего словарную лексику, содержится информация о функциях отдельных средств передвижения. Например, подсанки применялись для перевозки длинных бревен – *pitkien parzien vedäjes pidäw olla n'uhoiregi* ‘для перевозки длинных бревен нужны подсанки’ (233); на салазках зимой возили воду – *kai hieru viettih regüžil vettü* ‘вся деревня возила воду на санках’ (302); розвальни использовали для транспортировки рыбы с места улова – *mužikal oli riäppöi rozvali* ‘у мужика были полные розвальни ряпушки’ (313). Сани были самым многофункциональным транспортом у карелов: их применяли для перевозки дров (*halgoregi* ср. кар. *halgo* ‘полено’, *regi* ‘сани’) (57), сена (*hein'änviettäw regi* ‘дровни, приспособленные для возки сена’) (302), горшков (*padaregi* ‘воз с горшками’) (248) и пр. Следует обратить внимание на понятие *padaregi*. Вероятно, оно свидетельствует о бытовавшей торговле оятских вепсов глиняной посудой с карелами, у которых гончарное производство развито не было[10]. По экспедиционным материалам В. В. Пименова, например, много оятской посуды возами прибывало в карельскую д. Куйтежи (вепсов-гончаров здесь знали под именем «оятилаажет» – «оятцы»). Посуда выменивалась на домотканину, хлеб и т. п. Еще в 1959 году вепсская глиняная посуда была в обиходе населения д. Куйтежи. Особенно ею дорожили пожилые женщины, так как в то время глиняной посуды купить было невозможно[11].

В словаре можно встретить сведения о материалах, из которых изготавливали средства передвижения, в основном карелы использовали березу, иву, черемуху. Так, береза служила основным материалом для изготовления лыж и саней, об этом свидетельствуют термины *koivuine korju* ‘березовые сани’ (150) и *koivužet sukset* ‘березовые лыжи’ (348). Завертку или привязь оглобли в санях скручивали из березового прута – *aižuvičat kiätäh koivuvičas* ‘завертки скручивают из березового прута’ (18), а копылья в санях связывали ивовыми вязами – *rien kablahat sivotah paijul* ‘копылья в санях связывают ивой’ (114). Кольца для лыжных палок делали из можжевелового прута – *suksisavakkoloih rattahažet luajitah kadaivičas* ‘из можжевелового прута делают кольца для лыжных палок’ (116). Кольца встречались и полностью деревянными: необходимого радиуса круги вырезали из капа, в словаре встречается термин *ratoi*, обозначающий круг, отпиленный от цельной березы или сделанный из капа, – *suksisavakkolois oli pahkas luajitut ratoit* ‘у лыжных палок были круги, сделанные из капа’ (300). Дуги гнули из черемухи, на это

указывает текст, найденный в словаре, – *tuomes kiettü vemmel* ‘дуга, согнутая из черемухи’ (422); а верхнюю часть хомута, прилегавшую к шее лошади, обивали войлоком – *l'ängi niškukseh pidäš voilukkua ližätä* ‘под хомут надо бы прибавить войлока’ (198).

АТРИБУТИКА ДОРОЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Различные наименования путника, зафиксированные в словаре, отражают способы передвижения по дороге, такие как проезд: *ajai* ‘проезжающий’ (18), *doroguniekku* ‘путник, прохожий, проезжий’ (43) и пеший ход: *jalguniekku* ‘пешеход’ (99), *menii* ‘идущий’ (204), а также мотивы: *gos't'u* ‘гость’ (54), *kualikku* ‘странник, калика’ (158). Что касается терминов дорожных профессий: *izvoššiekku* ‘извозчик’ (97), *jamšiekku* ‘ямщик’ (100), *poštanajai* ‘почтовый ямщик’ (280), *podvoššiekku* ‘возчик на подводе’ (276), *ehättelii* ‘перевозчик’ (46), *sowdomies* ‘гребец’ (343), *tavarn'iekku* ‘коробейник’ (377), *torguiniekku* ‘торговец, коробейник’ (384), то прослеживается влияние двух культур: так, специальности, связанные с сухопутными дорогами, образованы от аналогичных русских наименований, а названия профессий, относимых к передвижению по воде, сохраняют прибалтийско-финское происхождение. Это в очередной раз подтверждает тезис о позднем влиянии русской транспортной культуры на карельскую и о раннем появлении у карелов водного транспорта.

Отправляясь в дорогу, путник брал с собой запас еды – провизию, что нашло отражение в двух терминах – *eväs* ‘съестное, провизия’ (51) и *proviizii* ‘провизия’ (283). Следует подчеркнуть, что данными понятиями обозначалась не любая пища, а именно дорожная. Второй термин представляет явное заимствование карелами из русского языка. Существовали и особые средства для переноски провизии: кошель – *eväskaššali*, его носили за плечами, что было удобным при пешеходном передвижении, и корзина – *evässvirši*, применение которой было более уместным при передвижении на телеге или санях (51).

Для переноски грузов (грибов, ягод, рыбы, товаров) карелы использовали различные средства – кошели, сумки, торбы, корзины, туеса, которые изготавливали из бересты (*kaššali* ‘кошель из бересты’ (127); *robeh* ‘берестянка, кузовок из одного куска бересты’ (310); *tuohikomšu* ‘берестяное лукошко’ (391)), из кожи (*nahkaine kisa olgupiäl* ‘кожаная сумка на плече’ (144)) или из домотканого полотна (*torbat oldih ommeltu koiš kuvotus paltinas* ‘торбы были сшиты из домотканого полотна’) (384)).

Важным атрибутом путника, уходящего в дальнюю дорогу, являлись деньги. В карельском языке данный термин, собственно как и сами денежные средства, перенят у русских – *d'engu* (41). Но в словаре было обнаружено другое понятие, обозначавшее деньги и бытовавшее у карелов из поселения Мегрега, – *koštu* (155). Вероятно, оно также является заимствованием русского термина польского происхождения – *кошт*, означавшего ‘издержки, расходы’[12]. Шимозерские вепсы в дороге использовали тайный язык, и для предотвращения кражи денег называли их *tippud* ‘капли’[13]. Возможно, движимые схожими мотивами, карелы Мегреги использовали не столь приметное название денежных средств, как *koštu*. Однако аналогичный термин встречается и у финнов – *kosti* ‘затраты, расходы’ [34: 411], что может свидетельствовать о тесных торговых контактах карелов с финнами.

В словарных статьях имеются сведения о регламентации поведения дорожного человека. Так, приемлемым действием в пути считалось пение песен – *venehel sowtah da pajuo hol'aitetah* ‘[они] на лодке плывут и громко песню поют’ (71). Громким голосом (криком) с противоположного берега вызывали для переправы лодку – *huikkuas veneh täl'l'e rannale* ‘крикни-ка [чтобы] лодку [отправили] на этот берег’ (76). Если ночь настигла карела в дороге, то предпочтение отдавалось месту для ночлега в сухом месте и вблизи водоема: *val'l'ičiimmo üökohtan, kus oli kuivu keli i vezi l'ähäl* ‘мы выбрали место для ночлега, где была сухая сосна и вода близко’ (450). Понятия ночлега в доме или под открытым небом разграничивались – *üötaloi* ‘ночлег, место для ночлега (в доме)’ (451), *üökohtu* ‘место для ночлега’ (450).

Среди иллюстративного материала были обнаружены сведения, повествующие о способе борьбы путников с насекомыми в лесных избушках посредством сжигания можжевеловых веточек – *kadajoija meččüper't'iine, štobi čakat uijittaš* ‘окуривать лесную избушку можжевеловым дымом, чтобы комары улетели’ (116). Данное действие могло носить и мифологический характер, так как, по поверьям карелов, можжевельник обладает свойством отпугивания нечистой силы [20: 178], и в указанном случае мог выступать в качестве оберега.

В словаре нашлось подтверждение существовавшим верованиям карелов в хозяина леса и его способность уводить путника с верного пути – *händäh mečäs pahahengi* (букв. плохой дух) *pidi* ‘его в лесу леший водил’ (249). Также приводится поверье, направленное на преодоление данного мифологического влияния нечистых сил

на странника: карелу необходимо было снять из обуви стельки и вытряхнуть их – *üöksühüw pidäw talukset puištua dai dorogah puwtut* ‘когда заблудишься, надо вытряхнуть стельки, тогда попадешь на дорогу’ (375).

Благодаря иллюстративному материалу словаря подтверждается бытовавший обычай приносить обратно остатки хлеба или другой пищи, взятой в лес, которые взрослые отдавали детям, называя его гостинцем от зайца – *jänöin tuomaine* (букв. «заячий гостинец») ‘остаток хлеба или чего-либо из продуктов, взятых с собой в лес и принесенных обратно домой’; *jänöi tüöndi lapsil’e tuomaštu* ‘зайчик послал ребятам гостинцев’ (392). Подобная традиция существовала у вепсов и русских [4: 154], [5: 185]. Известно, что маленькие дети с нетерпением ждали этого подарка.

Особыми терминами у ливвиков обозначались день прихода и ухода. Так, день отъезда путника назывался *l’ähtendüpäivü* ‘день ухода, отъезда, отправки’ (196), а день приезда (возвращения) ушедшего именовался *vuotandupäivü* ‘день, когда ожидается приезд кого-либо’ (443).

В словарных статьях отображается представление карелов о длительности пути. Представляет интерес термин, обозначающий расстояние между деревнями, – *kül’äväli* ‘расстояние между деревнями’ (170). В Южной Карелии поселения носили гнездовой характер, деревни были удалены друг от друга на незначительное расстояние и связывались посредством укатанных дорог или тропинок [26: 86]. Вероятно, понятие *kül’äväli* выражает также представление карелов о близкой дороге. Удалось встретить на страницах словаря несколько выражений, обозначающих дальнюю дорогу: *l'ähtie loittožeh matkah* ‘отправиться в дальний путь’ (203), *pitkümatkaine* ‘далекий (о пути)’, *pitküdorogu* ‘далекая дорога’ (270). Особым названием отмечалась у карелов середина пути – *keskimatku* (134), что свидетельствует о значении для путника преодоления половины дороги и, возможно, указывает на традицию устраивать привал (отдых).

В словаре зафиксированы сведения, связанные с дорожным этикетом. Человеку, отправляющемуся в дорогу, необходимо было обязательно пожелать удачи в пути. У карелов-ливвиков таким пожеланием было: ‘*Mene hüväh čuassuh!*’ – ‘В добрый час, в урочное время!’ (38). Это пожелание отражает представления карелов о том, что время отправления в путь наделялось определенной значимостью и могло подразумевать успешность предстоящей дороги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, «Словарь карельского языка» является важным источником по традиционной культуре передвижения карелов-ливвиков, дающим информацию не только о названиях ключевых элементов и средствах передвижения, а порой и о технологии их изготовления. Свидетельством важности дорожных передвижений карелов можно считать разнообразие лексики, описывающей дорогу, расстояние и знаковые точки пути. По представленной терминологии прослеживается сосуществование карельской и русской дорожных культур: наблюдается сохранение названий прибалтийско-финского происхождения в дорожной области, связанной с передвижением по воде и по снегу, и замена карельских терминов русскими в сфере передвижений по сухопутным дорогам. Очевидно и заимствование карелами у русских колесного транспорта и соответствующей терминологии. Как результат административных и социально-экономических взаимодействий карелов-ливвиков с русскими Карелии и сопредельных областей, осуществляемых посредством дороги, можно считать появление новых дорожных профессий, таких как извозчик, ямщик, коробейник. Следует еще раз подчеркнуть, что складывание культуры передвижения у карелов зародилось раньше, чем возникновение контактов с русской аналогичной культурой, что подтверждается соответствующей терминологией и верованиями карелов, связанными с дорогой по суше.

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190092-2).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 543 s. (LSFU IX).

[2] Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.

[3] Словарь карельского языка: (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с. Далее в круглых скобках будут указаны страницы.

[4] Manninen I. Veneiden ompelusta pohjoisessa Aunuksen Karjalassa // Suomen museo. Helsinki, 1917. Vol. 24. S. 59–63.

[5] Лексические примеры приводятся в соответствии с графикой словаря, их написание может отличаться от норм, установленных для ливвиковского наречия карельского языка.

[6] Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. Т. IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 684 с.
[7] Научная картотека топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН.
[8] Благовещенский И. И., Гарязин А. Л. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии // ОГВ. 1895. № 95. С. 12.
[9] Penttonen M. Karjal-suomi-karjal sanakniigu. Suomi: Karjalan Kielen Seura, 2006. S. 278.
[10] Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / Сост. Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1905. С. 132.
[11] Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 29. Д. 61. Л. 17–18.
[12] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. С. 361.
[13] Полевые материалы И. Ю. Винокуровой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базегский Д. В. Законодательство России и Финляндии о карельском коробейничестве в XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. С. 43–51.
2. Базегский Д. В. Контакты жителей северной Финляндии с Беломорской Карелией во второй половине 19 – начале 20 в. // Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия: Тезисы докл. междунар. симп. историков (21–23 мая 1999 г.). Петрозаводск, 1999. С. 73–75.
3. Бойко Т. П. Н. Макаров – основоположник карельской лексикографии // Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур: Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2016. С. 6–10.
4. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
6. Дороги Карелии: С древнейших времен до наших дней / Сост. Н. Ю. Семенов и др. СПб.: Лики России, 1999. 197 с.
7. Дубровская Е. Ю. Социально-экономическое положение карельских уездов в конце XIX – начале XX вв.: Препр. докл. на заседании Учен. совета Ин-та яз., лит. и истории 26 дек. 1989 г. Петрозаводск: КФАН СССР, 1989. 24 с.
8. Жербин А. С. Карельские коробейники в Финляндии в XIX в. // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., 1971. Т. 1. Ч. 1. С. 35–37.
9. Жуков А. Ю. История карелов Поморья и Беломорской Карелии в свете новых источников конца XVII – XVIII вв. // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 46–58.
10. Жуков А. Ю. Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII–XVIII века) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Сер.: Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 6. С. 72–79.
11. Жуков А. Ю. Становление приходов и волостей в Святозерско-Пряжинском и Крошнозерском ареалах межэтнического контактирования ливвиков и людиков в XV–XVIII вв. // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. С. 52–101.
12. Захарова Е. В. Переправы как ключевые участки путей (по материалам географической лексики и топонимии Карелии) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 145–167. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.019
13. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
14. История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 1 / Редкол.: А. С. Колесов (пред.) и др. Петрозаводск: ПетроПресс, 2006. 199 с.
15. Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. 815 с.
16. Карелы Карельской АССР / Ин-т яз., лит. и ист. Карел. фил. Акад. наук СССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. 287 с.
17. Клементьев Е. И. Способы передвижения и транспорт // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 257–259.
18. Кораблев Н. А. К истории развития неземледельческого отхода в Карелии в пореформенный период // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1988. С. 61–68.
19. Кораблев Н. А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии, вторая половина XIX – начало XX в. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. 64 с.
20. Логинов К. К. Магические свойства деревьев и кустарников в поверьях народов Карелии // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии: Материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Петрозаводск, 3–4 июня 2003 г. Петрозаводск, 2003. С. 178–181.
21. Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993. 149 с.
22. Наумов Ю. М., Орфинский В. П., Скворцов А. П. Традиционные лодки Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 461–496.
23. Наумов Ю. М. «Veneh» – лодка по-карельски: о народном судостроении и судоходстве карел в районах их традиционного проживания и ведения хозяйства. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 255 с.

24. Нестерова И. С. Приграничная торговля населения Восточной Карелии и Финляндии: закон и традиция // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: Материалы междунар. семинара историков, посвящ. 65-летию ПетрГУ. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 104–109.
25. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Под ред. Ю. С. Елисеев, Н. Г. Зайцева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 346 с.
26. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1965. 222 с.
27. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.
28. Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: Вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 240 с.
29. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
30. Heikkinen K. Karjalaisuus ja etninen itsetajunta Salmin siirtokarjalaisia koskeva tutkimus. Joensuu, 1989. 402 s.
31. Keynäs M., Naakka-Korhonen M. Halpa hinta – pitkä mitta. Helsinki, 1988. 294 p.
32. Pihkala E. Suomen Venäjän kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki, 1970. 230 s.
33. Suomen kansankulttuurin kartasto. 1 Aineellinen kulttuuri / Toimittanut Toivo Vuorela. Helsinki, 1976. 151 s.
34. Suomen sanojen alkupera: Etymologinen sanakirja / Paatoim. E. Itkonen; SKS, Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskus. Osa 1., A-K. Helsinki, 2001. 486 s.

Поступила в редакцию 08.07.2019

Galina V. Ryvkina, Postgraduate Student,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
giv@illh.ru

KARELIAN LANGUAGE DICTIONARY AS A SOURCE FOR STUDYING ROAD CULTURE OF THE LIVVI KARELIANS*

Ethnologists refer to linguistic sources as storages of information about the bygone era because there are not enough informants about the traditional culture left. The analysis of Makarov's Karelian Language Dictionary identified the proper names and ethnographic information regarding Karelian road culture. The article presents detailed information about the names of the lines of communication, travel routes, transportation means, specific words used to refer to travelers, and some aspects of road behavior. The variety of names for the lines of communication suggests the importance of road travelling for the Karelians, especially during winter, which is indicated by specific terms used to describe the condition of roads in winter. This terminology indicates the syncretism of both Karelian and Russian road cultures: the names of Balto-Finnic origin remain the same in the sphere of overwater and oversnow travel, whereas Karelian terms referring to overland travel are replaced by Russian words. Illustrated material of the dictionary provides information about the rules of road behavior (for instance, singing was considered a norm), the criteria for selecting a place to sleep, and the Karelians' beliefs concerning the probability of encountering evil spirits on the road. The dictionary also contains information regarding road etiquette, particularly wishes for safe travelling. It reflects the Karelians' idea that the time of departure can be good or bad. Thus, the analysis of the Karelian Language Dictionary materials proved the importance and informativeness of linguistic sources for ethnology.

Keywords: the Karelians, road culture, lines of communication, transport, road behavior, customs, mythology

* The research was funded by the federal budget as part of state research project (AAAA-A18-118030190092-2) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Cite this article as: Ryvkina G. V. Karelian Language Dictionary as a source for studying road culture of the Livvi Karelians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 112–120. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.455

REFERENCES

1. Bazegskiy D. V. Russian and Finnish laws regulating peddlery in the XIX and the early XX centuries. *History of the European North: Collection of articles.* Petrozavodsk, 1993. P. 43–51. (In Russ.)
2. Bazegskiy D. V. Contacts between people from the northern Finland and the White Sea Karelia in the second half of the XIX century and the early XX century. *Karelia and Finland at the turn of a new millennium: Proceedings of international history symposium (May 21–23, 1999).* Petrozavodsk, 1999. P. 73–75. (In Russ.)
3. Boiko T. P. N. Makarov, the founder of Karelian lexicography. *Proceedings of Bubrikh Readings: Karelian school of researching the Balto-Finnic languages and cultures.* Petrozavodsk, 2016. P. 6–10. (In Russ.)
4. Vinokurova I. Yu. Mythology of the Vepsians: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.).
5. Gura A. V. Animal symbology in Slavic national tradition. Moscow, 1997. 912 p. (In Russ.)
6. Roads of Karelia: From ancient times to the present day. (N. Yu. Semyonov et al, Comp.). St. Petersburg, 1999. 197 p. (In Russ.)

7. Dubrovskaya E. Yu. Social and economic situation of Karelian counties in the late XIX and the early XX centuries: Report at the meeting of the Academic Board of the Institute of Linguistics, Literature and History, December 26, 1989. Petrozavodsk, 1989. 24 p. (In Russ.)
8. Zherbin A. S. Karelian peddlers in Finland in the XIX century. *Report at the V All-Union Conference on Nordic and Finnish Studies.* Moscow, 1971. Vol. 1. Part 1. P. 35–37. (In Russ.)
9. Zhukov A. Yu. History of the Karelians in Pomorye and the White Sea Karelia in the newly found sources of the late XVII and the XVIII centuries. The *Vepsians, Karelians, and Russians in Karelia and cross-border regions: Research and materials for an integrated description of ethnic groups*. Petrozavodsk, 2016. P. 46–58. (In Russ.)
10. Zhukov A. Yu. Resettlement and administrative division system of Priladozhye Karelia (XII–XVIII centuries). *Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.* Series: Humanitarian Studies. Issue 2. Petrozavodsk, 2011. No 6. P. 72–79. (In Russ.)
11. Zhukov A. Yu. Organization of parishes and districts in Svyatozersk-Pryazhinsk and Kroshnozersk areas of interethnic contacts of the Livvis and the Ludics in the XV and the XVI centuries. *Local Studies of South Karelia: comprehensive analysis.* Petrozavodsk, 2015. P. 52–101. (In Russ.)
12. Zakharova E. V. Crossing as key parts of the roads (using geographical terms and toponomy of Karelia). *Problems of Onomastics.* 2019. Vol. 16. No 2. P. 145–167. (In Russ.). DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.019
13. The history of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
14. History of Karelian economy: In 3 vols. Vol. 1. (A. S. Kolesov et al, Eds.). Petrozavodsk, 2006. 199 p. (In Russ.)
15. The Karachays. The Balkars. Moscow, 2014. 815 p. (In Russ.)
16. The Karelians of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. Petrozavodsk, 1983. 287 p. (In Russ.)
17. Klementyev E. I. Ways of movement and transport. *The Baltic-Finnic peoples of Russia*. Moscow, 2003. P. 257–259. (In Russ.)
18. Korablev N. A. The history of non-agricultural seasonal work development in Karelia during the post-reform period. *History of the European North: Collection of articles.* Petrozavodsk, 1988. P. 61–68. (In Russ.)
19. Korablev N. A. Traditional Karelian domestic industries and crafts in the second half of the XIX century and the early XX century. Petrozavodsk, 2009. 64 p. (In Russ.)
20. Loginov K. K. Magical properties of trees and shrubs in Karelian peoples' beliefs. *Natural, historical and cultural heritage of Northern Fennoscandia: Proceedings of international research and practice conference, Petrozavodsk, June 3–4, 2003.* Petrozavodsk, 2003. P. 178–181. (In Russ.)
21. Loginov K. K. Material culture and work and household magic of the Russians in Zaonezhye. St. Petersburg, 1993. 149 p. (In Russ.)
22. Naumov Yu. M., Orfinskiy V. P., Skvortsov A. P. Traditional boats of Syamozerye. *History and culture of Syamozerye*. Petrozavodsk, 2008. P. 461–496. (In Russ.)
23. Naumov Yu. M. "Veneh" means "boat" in Karelian: shipbuilding and shipping of the Karelians in their traditional living and agricultural areas. Petrozavodsk, 2017. 255 p. (In Russ.)
24. Nesterova I. S. Cross-border trade between East Karelia and Finland: laws and traditions. *Eastern Finland and Russian Karelia: laws and traditions in the life of the Karelians: Proceedings of international history seminar dedicated to the 65th anniversary of Petrozavodsk State University.* Petrozavodsk, 2005. P. 104–109. (In Russ.)
25. Comparative onomasiological dictionary of dialects of the Karelian, Vepsian and Sami languages. (Yu. S. Eliseev, N. G. Zaitseva, Eds.). Petrozavodsk, 2007. 346 p. (In Russ.)
26. Taroeva R. F. Material culture of the Karelians (Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic): Ethnographic essay. Moscow, Leningrad, 1965. 222 p. (In Russ.)
27. Tolstoy N. I. Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow, 1995. 509 p. (In Russ.)
28. Tolstoy N. I., Tolstaya S. M. Slavic ethnolinguistics: Theoretical questions. Moscow, 2013. 240 p. (In Russ.)
29. Shchepanskaya T. B. Culture of the road in Russian myth-and-ritual tradition of the XIV and the XX centuries. Moscow, 2003. 528 p. (In Russ.)
30. Heikkinen K. Karjalaisuus ja etninen itsetajunta Salmin siirtokarjalaisia koskeva tutkimus. Joensuu, 1989. 402 s.
31. Keynäs M., Naakka-Korhonen M. Halpa hinta – pitkä mitta. Helsinki, 1988. 294 s.
32. Pihkala E. Suomen Venäjän kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki, 1970. 230 s.
33. Suomen kansankulttuurin kartasto. 1 Aineellinen kulttuuri / Toimittanut Toivo Vuorela. Helsinki, 1976. 151 s.
34. Suomen sanojen alkupera: Etymologinen sanakirja / Paatoim. E. Itkonen; SKS, Kotimaisten Kielten Tutkimuskeskus, Osa 1, A-K. Helsinki, 2001. 486 s.

Received: 8 July, 2019

Т. 42. № 2. С. 121–123 **Рецензии** **2020**

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.456
УДК 930.2“18/19”

ДМИТРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ МИРОНОВ
кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)
d-21312556@yandex.ru

Рец. на кн.: **Васильев Ю. А. Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 272 с.**

«Философствующий историк» – таков должен быть, по определению выдающегося российского теоретика истории XIX–XX веков Н. И. Кареева, образ профессионального квалифицированного специалиста в исторической науке. В исследовательской традиции «философствующего историка», заложенной еще в первой половине XIX века гейдельбергской школой историков в Германии (Г. Г. Гервинус), история трактовалась как наука, в которой исследователь оперирует определенными идеями, теориями, основанными на достоверных фактических данных. Именно в данной научной традиции выполнен труд доктора исторических наук, профессора, члена редсовета журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» Ю. А. Васильева. Публикация книги осуществлена в издательской группе URSS, в 2019 году отметившей свое 25-летие, в виде стереотипного издания. Сам по себе подобный выпуск в авторитетном научном издательстве означает признание публикации в качестве канона научной литературы. Данная монография – результат многолетних научных изысканий ученого в области теории и методологии истории. Основой для текста книги стал значительный комплекс публикаций по теме, предварявший появление издания в свет. Эти труды доступны для читателя в свободном доступе в полнотекстовом формате.

В рецензируемой монографии представлен авторский взгляд, имеющий трансдисциплинарный характер. Оригинальный подход автора выразился в сквозном исследовательском осмыслении теории исторического знания, теории исторического процесса, психологического направления в концептуальных схемах ведущих представителей российской исторической науки. Как свидетельствует содержание, автор позиционирует себя последователем и пропагандистом исследовательской традиции русской исторической школы.

Во Введении отмечается, что книга основана на материалах авторского лекционного учебного курса, разработанного и впервые апробированного в 2009/10 учебном году для аспирантов первого и второго курсов специальностей «Всеобщая история» (07.00.03), «Международные отношения и внешняя политика» (07.00.15), «Отечественная история» (07.00.02).

Работа автора в исследовательской традиции «философствующего историка» позволила представить и обосновать порой неожиданные заключения. В качестве критерия для характеристики эволюции русской исторической школы использована теория трех стадий интеллектуальной эволюции знания: теологическая (фиктивная), метафизическая (абстрактная, онтологическая), научная (положительная). Известно, что разработка указанной эволюции знания, соответствующего определенным этапам в развитии общества, осуществлялась французскими мыслителями Анн Робером Жаком Тюрго, Клодом Анри де Рувруа Сен-Симоном, Огюстом Контом. Первую – теологическую (фиктивную) – стадию Ю. А. Васильев связывает с древнерусскими летописями: летописцы со времен Нестора считали, что мир развивается по божественному провидению и божественной воле. Совмещение первой и второй стадий эволюции интеллектуального знания связывается с сочинениями В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова[1]. Становление позитивного (научного) знания относится к началу XIX века – периоду творчества Н. М. Карамзина. По утверждению автора книги, методологическое основание исторических исследований Карамзина – *позитивизм*. Идеи позитивного (научного) знания были восприняты Карамзиным значительно ранее, чем позитивизм был оформлен в научную систему О. Контом в 1830-е годы (к этому времени уже вышли все тома «Истории государства Российского», а их автора не было в живых). Сам основоположник позитивизма и основатель прикладной социологии французский ученый О. Конт свел в систему позитивные идеи, воспринятые им у своего учителя Сен-Симона,

© Миронов Д. Г., 2020

Тюрго и др. Источником для восприятия идей позитивизма для Карамзина послужила литература европейского Просвещения, труды немецких мыслителей. Особую роль сыграло путешествие Карамзина в мае 1789 – сентябре 1790 года по Европе, встречи и продолжительные беседы с великими мыслителями того времени: Иммануилом Кантом, Иоганном Гердером, Шарлем Боннэ, посещение мест, связанных с жизнью Вольтера, Руссо, Декарта.

Для доказательства основ позитивизма Н. М. Карамзина Ю. А. Васильев выделяет комплекс критериев. Во-первых, *принцип историзма* (основан на трактовке Сен-Симона) как важнейший принцип гуманитарных наук. Суть его заключается в утверждении, что все исторические эпохи – определенные фазы одной и той же эволюции, где каждый фазис вытекает из предшествовавшего и готовит следующий в зависимости от неизменных законов (преемственность, «снятие»). Причинно-следственная связь событий является основой исторической концепции Карамзина. В то же время его взгляд на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Во-вторых, *прогресс и порядок* – два основных и взаимосвязанных условия современной цивилизации. Прогресс (в русле трактовки Жана Лерона Д'Аламбера) понимался как беспрерывный поступательный ход к одной определенной цели. Положение о России как великом и сильном государстве в Европе превратилось в закон основной исторической жизни России. Прогресс у Карамзина основан на идее самодержавия. Данный подход, воспринятый у М. В. Ломоносова[2], получил дальнейшее продолжение в построениях Карамзина. Самодержавие определялось в качестве движущей силы прогресса, коренным началом русского государственного порядка, его развитие – основным фактом русской истории. В третьих, *достоверное в противоположность сомнительному* устанавливалось путем восхождения от простого к сложному, возражения против спекулятивных (умозрительных, метафизических) построений. В построениях Карамзина заметен феноменализм – сведение задачи науки к описанию и систематизации фактов, явлений.

Позитивное знание означало познание всего того, что есть в действительности. Нарративная методика Карамзина, основанная на реальности событий и фактов, описывала историю без всяких «метафизических домыслов». Общие выводы из исторического материала для Карамзина – «метафизика», которая не годилась для описания истории. Интеллектуальная история его не интересовала. Исследовательские принципы Карамзина (выбор материала, накопление и обобщение фактов посредством систематизации и классификации, расположение, описание фактов) демонстрировали следование автора правде истории, как бы горька она ни была. Наконец, попытка *предвидения*: изучать реальную действительность, отсюда заключать о том, что должно произойти. В консервативной идеологии Карамзина выделяются историософские идеи: прогресса, борьбы просвещения с невежеством, проникновения науки в высшее общество.

Карамзин пробудил в обществе интерес к прошлому. Но его труды – отражение соответствующего интеллектуального состояния тогдашнего общества. Понимание истории в духе позитивизма ограничивало область теоретических изысканий в области истории. Историки-позитивисты не считали исторический факт сложной проблемой. Свою задачу они видели в кропотливом сборе фактов в уверенности, что после того, как источники признаны подлинными, содержащиеся в них данные так же должны быть достоверными. Позитивисты стремились построить методологию истории по образцу естественных наук, подняв значение поиска исторических фактов как прочных элементов знания.

По оценке Ю. А. Васильева, методологическое основание исследований С. М. Соловьева – *рационализм*. В числе основных методологических оснований трудов Соловьева выделены следующие критерии. Во-первых, *причинная обусловленность всех явлений*. Соловьев последовательно прослеживал связь исторического прогресса с развитием рациональных основ человеческого бытия. Связь явлений, последовательность исторического развития, общие закономерности – все это Соловьев называл термином «историчность». Основываясь на ключевой основе рационализма – признании проявления в истории божьего промысла, в человеческой истории выделялось действие разумной первопричины мира – Бога. Общие исторические идеи, представленные в виде обобщений и сопоставлений, основывались на положениях о естественности (объективности) и необходимости исторических явлений, о закономерности в истории, параллели между личной, индивидуальной и массовой народной жизнью. Причинная связь исторических явлений и событий, преемственность способствовали соединению событий в одно целое. Выявляя связь между явлениями, Соловьев подошел к рассмотрению русской истории как единого и закономерного процесса развития от родового строя к торжеству государственных отношений. Он

признавал наличие объективных закономерностей исторического процесса, возможность их изучения и анализа.

Во-вторых, *достижение истины, обладающей универсальной общезначимостью.* Рационализм признает достижимость объективного, всеобщего знания посредством разума. Новизна исследования Соловьева проявилась в побуждении исторического мышления не только узнать новое, но понять познаваемое. Его рассуждения построены на анализе условий исторической жизни народов. Особое внимание обращалось на общественную психологию. Предмет специального исторического исследования Соловьева – генезис и развитие политических форм и социальных отношений, политика и право. Рассматриваются преемственность политических форм, происхождение и эволюция сословного деления общества. В трудах Соловьева на первый план выходил анализ общественных отношений.

В качестве своеобразной вершины русской теории и методологии истории в книге Ю. А. Васильева определены теоретические концепции Н. И. Кареева в области теории истории[3], исторической критики[4], историологии[5]; В. О. Ключевского в характеристике идентичности русского народа[6]. Они осуществили разработку *синтетического подхода*, основанного на полифакторном методе и использовании достижений других гуманитарных и общественных наук. Синтез теоретических и эмпирических знаний в русле системно-синтетического подхода, по мнению автора книги, представляется оптимальным подходом, однако не востребован сегодня в должной мере.

Несомненно, книга Ю. А. Васильева имеет большую теоретическую и практическую значимость. Синтетический характер курса представляет интерес для преподавателей, научных работников и аспирантов исторических специальностей, а также широкого комплекса отраслей гуманитарных и общественных наук.

В качестве пожелания хотелось бы порекомендовать автору дополнить содержание книги опытом немецких школ историков – гёттингенской, гейдельбергской, малопрусской и других, оказавших заметное влияние на развитие русской исторической школы. Особый интерес в данной связи представляет осмысление рецепции идей немецких историков конца XVIII – XIX века в России, а также обратное влияние российских исследователей на развитие интеллектуальной мысли в Европе. Для этого потребуется изучение оригинальных немецких изданий, перевод их текстов и сравнительный контент-анализ. Задача весьма непростая, однако, как представляется, вполне выполнимая.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Васильев Ю. А. О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты. Часть I // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 49–58.

[2] Васильев Ю. А., Васильева М. Ю. Влияние идей Христиана Вольфа на мировоззрение М. В. Ломоносова // Власть. 2014. № 3. С. 121–125.

[3] Васильев Ю. А. Феномен «Ecole Russe»: теория истории Н. И. Кареева (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 121–134.

[4] Васильев Ю. А. Феномен «Ecole Russe»: критика Н. И. Кареева // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 121–127.

[5] Васильев Ю. А. Феномен «Ecole russe»: историология Н. И. Кареева // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 72–81.

[6] Васильев Ю. А. Идентичность русского народа в исторической концепции В. О. Ключевского // 2011. Власть. № 7. С. 35–39.

CONTENTS

Editorial note 7

ARCHEOLOGY

Kulakov V. I.
TRADE ROUTES IN SOUTHEAST BALTIA ACCORDING TO THE ARCHAEOLOGICAL FINDS OF THE LATE ROMAN PERIOD 8

WORLD HISTORY

Smirnova E. L.
THE REVOLT OF VINDEX AND NERO'S DEPOSITION 14

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH

Alekseeva L. V.
ENNOBLEMENT RECORDS AS A SOURCE FOR THE BIOGRAPHY OF N. SHAKHOV, AN ANONYMOUS CONTRIBUTOR TO *GRAZHDANIN* WEEKLY 23

RUSSIAN HISTORY

Bochkov E. A.
CIVIL WAR AND MILITARY INTERVENTION IN KARELIA. THE OLONETS VOLUNTARY ARMY INVASION. 32

Golubev A. A.
TRANSPOLAR RAILWAY PROJECT: HISTORY AND MODERNITY. 42

Nikonov S. A.
CREWS OF THE SEA VESSELS OF THE NIKOLO-KORELSKY MONASTERY DURING THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY: STRUCTURE AND EMPLOYMENT CONDITIONS 51

Plekh O. A.
STAFF COMPOSITION OF CIVIL SERVICE INSTITUTIONS IN THE OLONETS PROVINCE DURING THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY 58

Repukhova O. Yu.
SECURITY RESTRICTIONS AT THE FACILITIES OF THE USSR WESTERN BORDERLINE IN THE 1930S 70

ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY

Ivanova M. V., Shabalina O. V.
ECONOMIC ASPECTS OF SOCIAL JUSTICE IN THE PRACTICES OF TRADITIONAL HOUSEHOLDS OF THE KOLA PENINSULA. 79

Lönngren T. P.
AT THE ROOTS OF THE KOLA EXPEDITION: FRIDTJOF NANSEN AND OLAF BROCH 89

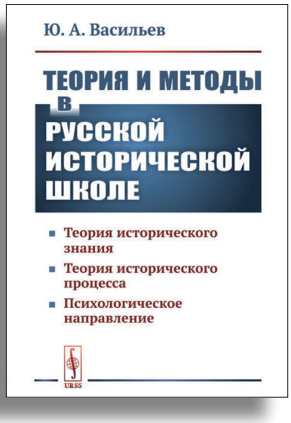
Bashkarev A. A.
INVADERS IN THE LEGENDS OF THE SOUTHERN AND SHIMOZERIAN VEPSIANS. 96

Zaytsev O. A.
"ANCIENT BELIEFS" OF THE KOLA SAMI IN THE WORKS OF SOVIET ETHNOGRAPHERS V. V. CHARNOLUSKIY AND N. N. VOLKOV 105

Ryvkina G. V.
KARELIAN LANGUAGE DICTIONARY AS A SOURCE FOR STUDYING ROAD CULTURE OF THE LIVVI KARELIANS. 112

Reviews

Mironov D. G.
The book review: Vasilyev Yu. A. Theories and methods of Russian historical school of thought: Theory of historical knowledge, theory of the historical process, the psychological domain 121



Ю. А. Васильев

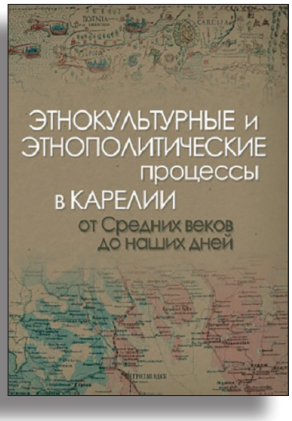
ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

В настоящей книге представлена репрезентация эволюции теоретических оснований русской исторической школы. Осмысление отечественных традиций в историописании, в первую очередь синтетических построений выдающихся теоретиков русской исторической школы второй половины XIX в. – начала XX в., позволило автору обосновать утверждение, что развитие теоретических и методологических основ русской исторической школы происходило соразмерно эволюции интеллектуальной мысли в Западной Европе, а в понимании многих проблем в теории истории российские ученые опередили западных современников.

Благодаря синтетическому характеру текста книга представляет интерес для преподавателей, научных работников, аспирантов, специализирующихся в области гуманитарных и общественных наук – истории, социологии, философии, культурологии и др.

Васильев Юрий Альбертович. Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 272 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

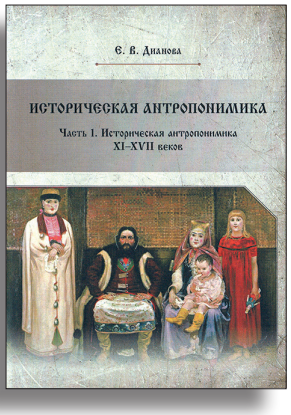


ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАРЕЛИИ ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

В сборнике представлены новые результаты исследований по этнической истории Карелии в диапазоне от Средневековья до современности. В поле зрения авторов – разнообразные вопросы, раскрывающие ход и специфику этнокультурных и этнополитических процессов в регионе.

Книга адресована исследователям, студентам, работникам сферы управления, образования, культуры.

Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней / Науч. ред. О. П. Илюха. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. – 339 с. – (Studia Nordica III.)



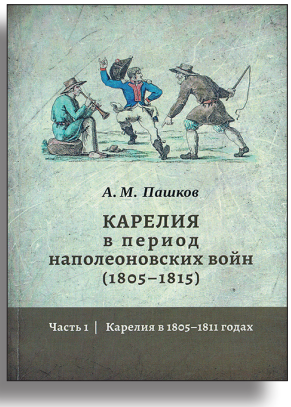
Е. В. Дианова

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОНИМИКА
Часть 1. Историческая антропонимика XI–XVII веков

В пособии отражены особенности складывания и развития русской антропонимической системы в XI–XVII вв. Представлены основные способы образования языческих личных имен и прозвищ, пути адаптации и утверждения христианских имен на Руси, показано значение личного именования человека в зависимости от его социального статуса.

Издание адресовано как студентам, так и учителям, преподавателям истории, а также всем, кто интересуется происхождением имен и социальной историей России.

Дианова, Елена Васильевна. Историческая антропонимика : [в 3 ч.] Ч. 1. Историческая антропонимика XI–XVII веков : учебное пособие / Е. В. Дианова ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2019. – 167 с.



А. М. Пашков

КАРЕЛИЯ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (1805–1815)

В издании представлена информация об основных событиях, связанных с участием населения Карелии в наполеоновских войнах, а также о влиянии наполеоновских войн на население, проживавшее на территории Карелии, ее экономику и культуру, полученная на основе новейшей историографии и недавно выявленных источников.

Учебное пособие является частью лекционного курса «История Карелии в дореволюционный период» и предназначено для студентов Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ.

Пашков, Александр Михайлович. Карелия в период наполеоновских войн (1805–1815) : [в 2 ч.]. Часть 1: Карелия в 1805–1811 годах : учебное пособие для обучающихся по направлениям подготовки «История» и «Педагогическое образование» / А. М. Пашков ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2019. – 122 с.

ISSN 2542-1077